

МОНСТР

Passion of love Перевод книг 18+

Джессика Таджичама

У Алекс была одна миссия с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать: уничтожить человека, который разрушил ее жизнь. И все шло по плану, пока однажды ночью огромный, гигантский мужчина не ворвался в ее квартиру и не похитил ее, держа в заложниках для того самого человека, которого она собиралась уничтожить. У Брейкера есть одно правило: он не имеет дела с женщинами. Но когда его заставляют работать на самого безжалостного криминального преступника города, он обнаруживает вспыльчивого хакера, от которого, похоже, он не может оторваться. Когда разгораются страсти и появляются чувства, сможет ли Брейкер утихомирить свои чувства, пока не стало слишком поздно, или их шаткий фундамент доверия начнет рушиться под их ногами?

Монстр

Джессика Гаджиала

Переводчик: Вера В

Редактор: Екатерина К

Вычитка: Екатерина К

Обложка: Светлана Р

Глава 1

Брейкер

Я не гребаное чудовище.

Хотя я почти уверен, что вы могли бы найти по крайней мере три дюжины людей, которые не согласились бы со мной в этом.

Видите ли, меня зовут Брейкер. Отчасти потому, что это моя фамилия. И отчасти потому, что это то, что я делаю. Я ломаю людей (прим. перев.: Breaker — разрушитель). Людей, которым нужно преподать урок. Люди, которым нужно подчиняться чьей-то воле. Люди, которые разозлили не тех мужчин.

Я их ломаю.

А потом мне за это платят. Хорошо платят.

Я хотел бы сказать, что это меня беспокоило. Что у меня был моральный компас, который боролся против того, что я делаю. Дело в том, что мне было наплевать. Вы не хотите, чтобы у вас были сломаны коленные чашечки или выбиты зубы, тогда не суйте свой нос в тот бизнес, где вам не рады.

Наверное, это делает меня бессердечным сукиным сыном.

Но, придя оттуда, откуда я пришел, да, на самом деле не было особых шансов стать кем-то другим.

Я взбежал обратно по лестнице и принялся расхаживать по складу. Давно заброшенный железной дорогой еще в восьмидесятые годы. Три этажа из красного кирпича, в основном разбитые окна, двери поездов давно закрыты наглухо.

— Черт, — прорычал я, расхаживая по покрытому листьями цементному полу, пиная зеленую пивную бутылку и наблюдая, как она разбивается о дальнюю стену.

Видите ли... У меня были правила.

Я выебу любого, кто встанет у меня на пути. Любого мужчину, за которого мне заплатят достаточно хорошо, чтобы он пострадал. Избить его. Чтобы он навсегда замолчал, когда того потребует случай.

Я не связывался с семьями.

Я бы разбил тебе лицо, но я бы ни за что не тронул твоих детей, чтобы напугать тебя и заставить делать то, что кто-то хочет. Я действовал не так. Тут было много больных ублюдков, которые бы так поступили. За половину того, что я беру. Но я провел черту именно тут.

И я ни при каких обстоятельствах не имел дела с женщинами.

Я их не похищал.

Я не держал их в заложниках.

Я чертовски уверен, что никогда не бил их.

Видите ли, проблема заключалась в том, что одним пролетом ниже меня в старом выпотрошенном вагоне поезда была заперта женщина.

Женщина, которую я похитил.

Женщина, которую я держал в заложниках.

Женщина, к которой мне могут приказать прикоснуться в любое время.

И у меня не было особого гребаного выбора.

Черт возьми, мать твою, Лекс, чувак.

Надо было развернуться и побежать в другую сторону, когда я увидел, что это он меня позвал. Я знал, что лучше не связываться с этим злобным ублюдком. Он сделал себе имя, пролив столько крови, сколько было необходимо, чтобы никто не смел думать о нем как о тощей, хнычущей крысе, которой он всегда был. К несчастью для всех его врагов, он был умным ублюдком. Ему потребовалось меньше пяти лет, чтобы полностью захватить улицы. Если вы занимались незаконной деятельностью, вам нужно было избегать таких, как он.

Такие мужчины, как я.

Я успешно избегал общения с Лексом с того самого дня, как начал заниматься бизнесом. В основном потому, что я всегда переезжал, брался за любую работу, которая мне попадалась, независимо от того, как далеко она была. Но также и потому, что я старался не попадать в поле его зрения. Оставался анонимным. Держась подальше от его больших рук.

Но все это рухнуло, когда я зашел в тот проклятый переулок неделю назад и увидел, как он прислонился к зданию, закуривая сигарету, выглядя как какой-то умник тридцатых годов в тренче и блестящих черных туфлях.

Мне следовало бежать.

Но, в конце концов, я не смог.

— Брейкер, Брейкер, — начал он маслянистым голосом, — Наконец-то мы встретились.

— Да, это не сработает, — сказал я, качая головой, возвращаясь к выходу из переулка.

— О, но у меня есть кое-что твое.

Я почувствовал, как мой позвоночник выпрямился, а тело застыло.

Нет.

В мире был только один человек, который что-то значил для меня.

И если бы он был у него...

— Ты, блядь, серьезно? — спросил я, мой голос был ледяным, когда я повернулся к нему, мои руки сжались в кулаки, каждый дюйм моего тела был напряжен. Мой гнев был холодным. Был ледяным. Смертельно.

— Я верну его тебе без единой царапины, — сказал он, пуская дым вокруг себя, — если ты согласишься на эту работу.

Выбора действительно не было.

— В чем заключается работа?

— Мне нужно, чтобы ты нашел, задержал и придержал кое-кого для меня.

Что касается работы, то она была обычной.

— Кто? — спросил я, мысленно прикидывая, что это был один из глав семей или какой-нибудь торговец, который забыл ему отстегнуть.

— Алекс Миллер.

— Кто, черт возьми, такой Алекс Миллер? — спросил я, зная, что в городе не было игрока с таким именем. Нет, это было не уличное имя. Алекс Миллер звучало властно.

— Мне кое с кем нужно поговорить. Он до сих пор ускользал от моих людей. Поэтому я решил обратиться за помощью к кому-нибудь извне.

— Мне чертовски повезло, — сказал я, качая головой.

Лекс пожал плечами, полез в карман и протянул мне листок бумаги, — это адрес. Наверное, лучше всего посреди ночи. И это не для того, чтобы сказать тебе, как делать свою работу, но тебе нужно быть быстрым. Дерьмовая квартира над каким-то дерьмовым китайским рестораном, но там есть все виды импровизированной охраны.

Здорово.

Импровизированная охрана.

— И за это я получу...

— Десять тысяч за захват. По две штуки каждый день после этого, пока я не разберусь со всем раз и навсегда.

Ну, по крайней мере, для разнообразия мне не нужно убивать.

— И? — подсказал я, приподняв бровь.

— И ты получишь его в том же виде, в каком я его забрал.

— Хорошо, — сказал я, направляясь к выходу из переулочка. — Ты знаешь, где оставить деньги, — крикнул я, даже не потрудившись оглянуться через плечо.

Только вот я никогда не видел Алекса Миллера. Того, кто, блядь, жил в (дерьмовой) квартире над (дерьмовым) китайским рестораном, и не выходил оттуда три дня подряд. Шторы были задернуты. Свет оставался приглушенным. Никакого шума. Внутри ничего не было.

Я не мог видеть ничего из предполагаемой импровизированной охраны, о которой меня предупреждали, но это не означало, что ее не было на месте.

Я натянул кожаную куртку, натянул перчатки в тон и поднялся по старой шаткой пожарной лестнице.

Три часа ночи.

Свет в комнате погас почти два часа назад. Это было нужное время.

Я присел на корточки на лестничной площадке, вытащил отмычку из заднего кармана и принялся за дверь.

Тридцать секунд для обычного замка.

Мне потребовалось двадцать.

Вот тебе и безопасность.

Но как только я подумал об этом, поворачивая ручку, я понял свою ошибку. Бутылка с грохотом упала на пол. Алекс чертов-блядь Миллер поставил бутылку на дверную ручку.

Это был один из способов узнать, не вломился ли кто-нибудь.

Я последовал совету Лекса, не теряя времени даром, и распахнул дверь.

Я включил свет, ворвавшись в небольшое помещение.

И замер.

Всего на несколько секунд, прежде чем дотянуться до пистолета, спрятанного у меня за поясом, большого отвратительного Дезет Игл (прим. перев.: Desert Eagle — самозарядный пистолет крупного калибра (до 12,7 мм)), и прицелился.

В нее.

— Где, черт возьми, Алекс Миллер? — потребовал я, мой голос был достаточно

громким, чтобы эхом отразиться от стен.

Девушка осталась наполовину замершей, одна нога была на полу, вторая нога все еще была согнута под углом на кровати.

И она была чертовски великолепно. Как будто мне сейчас нужно было хоть как-то отвлечься.

Может быть, чуть больше пяти футов семи дюймов, стройные, длинные ноги, темно-каштановые волосы, подстриженные до плеч, взъерошенные после сна. Ее лицо было женственным, нежным. Мягкий подбородок, пухлые губы, нос, слегка вздернутый на кончике, и большие темно-карие глаза, кожа как фарфор, но на щеках румянец.

На ней была бледно-голубая легкая футболка и черные штаны для йоги.

Девушка сделала заметный вдох и с трудом сглотнула.

— Я Алекс Миллер.

Блядь.

Я должен был догадаться, что здесь есть подвох.

Конечно, она хотела поиздеваться надо мной.

— Ты, блядь, издеваешься надо мной?

При этих словах ее брови сошлись на переносице.

— Кто ты? — спросила она дрожащим голосом.

Блядь.

Я пугал эту сучку.

Вздыхнув, я сунул пистолет обратно в джинсы, подальше от ее глаз и достал шприц.

— Тебе не нужно знать, кто я такой. Но мне нужно знать наверняка, кто Алекс Миллер?

— Есть... удостоверение личности в моей сумочке, — сообщила она, ее взгляд переместился на сумочку на столе рядом с ноутбуком и стопкой блокнотов.

Этого было достаточно для меня. — Сядь, — сказал я ей, и ее задница чуть не упала на кровать.

Я подошел к сумочке, наполовину повернувшись, чтобы не спускать с нее глаз, пока рылся в ней. Нахожу типичное для легкомысленных женщин дерьмо: мятные леденцы, три разных помады, пилочку для ногтей, резинки для волос и, наконец, ее бумажник. Я открыл его, увидев ее права с фотографией, на которой она с гораздо более длинными волосами смотрит в камеру в отделе транспортных средств. И, конечно же, ее звали гребаная Алекс Миллер.

Иисус Христос.

Я вздохнул, бросил ее дерьмо обратно в сумку, увидел зубную щетку и пасту, засунутые в боковой карман, наморщил лоб, затем перекинул длинный ремень сумки через плечо.

— Эй, — начала возражать она, поднимаясь с кровати.

Мой взгляд переместился на нее, и она замолчала, снова садясь. — Во что, черт возьми, ты вляпалась? — спросил я, качая головой, направляясь к ней.

У меня не было выбора.

Никакого.

Я не выполню свою работу... Он умрет. Сначала пострадает. А потом умрет.

Мне пришлось нарушить одно из моих правил.

И эта сучка с ее испуганными глазами и сладким, как мед, голосом собиралась заплатить цену за то, что мне было насрать на другого живого человека.

— Я не знаю, что ты...

Остальная часть ее предложения была прервана визгом, когда я вонзил иглу ей в шею. Ее глаза метнулись к моим. Огромные. Умоляющие. И я чувствовал себя самым большим дерьмом в мире. Расплывчатость овладела ее чертами, и она начала сползать к своему матрасу.

Я оглядел ее комнату.

В конце концов, Лекс был прав.

Это был не просто трюк с бутылкой.

Ее окна были заколочены досками. Повсюду в комнате, на расстоянии вытянутой руки, были бейсбольные биты. На самом деле, скорее всего, именно за ней она и направлялась, когда я ворвался, когда она вставала с кровати. Иду за битой, прислоненной к подножке.

Я посмотрел на ее спящее тело, снова задаваясь вопросом вслух: — Во что, черт возьми, ты ввязалась?

Затем я поднял ее, прижимая к груди, и спустился по пожарной лестнице к своей машине, усадил ее на пассажирское сиденье, а затем направился обратно на склад.

Где я ее запер. А потом взбесился до чертиков.

Глава 2

Алекс

Я должна была работать. У меня было пять заданий в очереди. Хакерство всегда пользовалось большим спросом. Жены, которые хотели зайти в аккаунты своих мужей в социальных сетях, чтобы проверить и посмотреть, не валяет ли он дурака (они всегда так делали), люди, которые хотят удалить какой-нибудь сайт, который клеветал на них, покупатели билетов на ранние концерты. В любом случае, всегда был кто-то, кто хотел сделать это.

И у меня было прискорбно мало наличных.

Я должна была работать.

Но, ну, скажем так, мне трудно сосредоточиться.

Технически я работала. Просто не на работе, за которую что-то платят. Это была та же самая работа, над которой я работала с шестнадцати лет, и я узнала о нем.

Лекс Кит.

Это было такое ласковое имя для такого злобного ублюдка.

И он был хорош.

Осторожный.

Никто не трогал его.

Это была миссия моей жизни — уничтожить его.

Что включало в себя много информации.

Например, наблюдать за камерами, которые я установила. Вокруг его бизнеса. Вокруг ресторанов, которые он часто посещал. Публичные дома, в которых он проводил свое свободное время, избивая и издеваясь над женщинами, которые не могли ничего в своей жизни, кроме как продавать свое тело. Поговорим о том, чтобы воспользоваться преимуществом. Хотя это было даже не самое шокирующее в Лексе Ките.

У меня были блокноты с записями, заполненные (в коде, который я придумала, без ключа) всеми его действиями. Все смерти, за которые он был ответственен — своими собственными руками или по контрактам. Все изнасилования, которые он скрывал, потому что у него в карманах было несколько прикупленных детективов. Все наркотики, которые он

ввез контрабандой и откуда. С какими бандами и семьями он был связан (а это были почти все из них). Каковы были его пороки (брюнетки, виски, итальянская еда, сигареты). Каковы были его слабые стороны (вспыльчивость, недоверие). Его сильные стороны (интеллект, его характер, внимание к деталям).

Он был делом всей моей жизни.

Хотя мне за это не платили.

Поэтому на третий день, запершись в своей квартире, я быстро справилась с накопившимися заданиями, наблюдая, как мой онлайн-аккаунт наполняется деньгами, которые позволили бы мне купить еще одну камеру, чтобы поставить ее за пределами спортзала, в котором он проводил свои ранние утренние часы. И хватило на покупку кое-каких продуктов и оплату аренды за неделю.

Люди, которым принадлежал китайский ресторан, были согласны с этим соглашением. Я платила за неделю. Я старалась не шуметь в рабочее время. Я не разрушала это место.

Я жила тут уже несколько месяцев, зная, что должна была переехать уже по крайней мере два раза. Я становилась ленивой.

Что было небезопасно.

Но было не так много мест, где бы не настаивали на том, чтобы вы подписали документы, внесли страховой залог и согласились провести там год своей жизни.

Я нигде не проводила так много времени.

С тех пор, как мне исполнилось шестнадцать.

Ни разу с тех пор, как я нашла тело моей матери в ванне, одетую в ее самое красивое бежевое льняное платье, которое прикрывало ее лодыжки и делало ее похожей на сказочную принцессу. Ее волосы были уложены. Ее макияж идеален. Она выглядела спящей. Но в ту же секунду, как я увидела ее, я поняла, что она мертва.

Я нашла записку на раковине рядом с пустой упаковкой от обезболивающего, которое она приняла.

Записка, которая преследовала меня. Она сказала мне правду.

Записка, которая направила мою жизнь в совершенно новое русло.

Я провела год в приемных семьях и вне их или в приютах, прежде чем окончательно решила, что мне лучше жить одной. Лучше, что бы у меня не крали мое дерьмо. Лучше, чтобы жуткие приемные отцы не приходили ночью в мою комнату. Лучше научиться заботиться о себе, идти своим путем.

Так я и сделала. Работая на любой работе, за которую мне платили бы из подполья. Копила деньги. Искала дешевые места для жизни. Покупала себе оборудование, в котором я нуждалась, чтобы начать процесс медленного разрушения жизни Лекса Кита.

Прошло уже десять лет, а мне так и не удалось. Я каждый год выкачивала немного денег у него. Деньги, которые были запятнаны кровью, поэтому я забирала их и отправляла в благотворительные организации, которые помогали женщинам, пережившим сексуальное или домашнее насилие. Я вызвала у него небольшое раздражение, когда отправляла вирус в его сотовую и компьютерную системы.

Хотя в основном... я просто собирала информацию. Его знакомства. Узнавала, как он действовал.

Ладно, значит, я была немного одержима.

Но победить его было единственным, что имело значение в моей жизни.

Что было немного грустно, если подумать об этом.

Так что я об этом не думала.

Я проверила время на своем мобильном (одноразовом, я была похожа на наркоторговца, испытывающего отвращение к обычным сотовым), выключила ноутбук, поставила бутылку на дверь (я не могла позволить себе хорошую охрану, и это был плохой район, но мои методы всегда оказывались достаточно эффективными), затем выключила свет и легла в постель.

Бутылка разбилась через некоторое время после того, как я наконец заснула. Мое тело пошевелилось еще до того, как мой разум проснулся настолько, чтобы осознанно отреагировать. Я была наполовину на кровати, мое сердце сильно колотилось в горле, пытаясь схватить одну из бит (или даже один из ножей), которые я спрятала вокруг своей кровати.

Вспыхнул свет, наполовину ослепив мои уставшие от сна глаза.

А потом появился мужчина.

С очень огромным пистолетом.

Направленным на меня.

— Где, черт возьми, Алекс Миллер? — потребовал он, его голос был грубым, гортанным и не допускал абсолютно никаких возражений.

На самом деле, все в нем, с головы до ног, было пугающим, предназначенным для того, чтобы напугать до чертиков любого, с кем он пересекался.

Под черными джинсами, обтягивающей черной футболкой и кожаной курткой у него было более шести футов крепких, негибких мышц. На нем были огромные тяжелые армейские ботинки и кожаные перчатки. Перчатки показались мне странными, прежде чем я поняла, что он, скорее всего, пытался не оставлять отпечатков пальцев во время того, что, черт возьми, он собирался со мной сделать.

Его широкие плечи были отведены назад. Рука, державшая его пистолет, была твердой. Его голова была выбрита по бокам, волосы на макушке были длинными и ниспадали на одну сторону, действительно довольно естественного оттенка блонд.

Его лицо было решительным. Широкая челюсть, точеная, с окладистой бородой, которая была на тон или два темнее, чем волосы на его голове.

Потом были его глаза.

Они были самого светлого оттенка синего, который я когда-либо видела. Цвет, который я могла бы описать только как лед. И взгляд, который он бросил на меня, ну, он соответствовал.

Если бы он не был тут, чтобы, возможно, изнасиловать и убить меня, я бы сказала, что он действительно хорош собой. По-настоящему ужасающим образом.

— Я Алекс Миллер, — сказала я, решив сказать правду. Если бы он начал копать, то выяснил бы это сам. Я была не совсем в том положении, чтобы злить плохого парня.

И при этих словах, к моему полному шоку, он выглядел пораженным.

Как будто он хотел... чтобы я была Алексом Миллером.

Почему, я не была уверена. Но это было так. В напряжении вокруг его глаз, в его стиснутой челюсти, в том, как его позвоночник, казалось, еще больше выпрямился.

Затем он убрал пистолет и стал рыться в моей сумочке, чтобы подтвердить мое заявление. А потом он взял мою сумочку. Перекинул ее через плечо, как будто это была самая нормальная вещь в мире.

Именно тогда я поняла, что происходит. Потому что ему не нужна была моя сумочка.

Он посмотрел ее. Он лазил в моем бумажнике. Он знал, что у меня нет денег. Так что он взял бы ее с собой только в том случае, если бы...

О боже.

Он похищал меня.

— Во что, черт возьми, ты вляпалась? — спросил он почти печально. И подошел. Как будто он не хотел этого делать, но должен был.

— Я не знаю, что ты... — моя фраза оборвалась, когда его рука быстро двинулась вперед. Я увидела блеск иглы, прежде чем он вонзил ее мне в шею сбоку, боль была острой и мгновенной, заставив меня вскрикнуть. Мои глаза поднялись к нему, безмолвно умоляя, и, к его чести, я увидела там сожаление, прежде чем мое зрение и разум начали плыть.

Потом ничего не было.

Блаженное забытие.

Я проснулась от того, что меня толкали, мое тело ударилось обо что-то твердое и холодное. Я почувствовала, как мои ресницы затрепетали, но держала глаза почти закрытыми, видя только узкую щель, но этого было достаточно.

Достаточно, чтобы увидеть, что я нахожусь внутри того, что выглядело как старый, грязный, выпотрошенный вагон поезда, освещенный строительными лампами, свисающими с крыши вагона, провода змеились из открытых дверей, где я слышала какой-то жужжащий шум. Генератор. За грязными окнами было похоже, что я нахожусь на железнодорожной станции. Только это было не так. Или, по крайней мере, это больше не было ею. Она была заброшена.

Мой похититель повернулся ко мне, и я полностью закрыла глаза, не желая, чтобы он знал, что я уже не сплю. А потом произошла самая странная чертова вещь. Он протянул руку и убрал мои волосы с лица.

— Черт возьми, — пробормотал он себе под нос, слова несли какой-то смысл, который я хотела понять.

Но потом он двинулся, судя по звукам, прочь от меня.

Я снова прищурила глаза и увидела, как он вручную закрывает двери вагона и что-то с ними делает. Я представила, как он запирает их каким-то образом, чтобы я не смогла сбежать. Затем он повернулся, опустив плечи вперед, и рванул вверх по лестнице.

Я медленно подталкивала себя вверх, заставляя свои мертвые конечности работать, одновременно раздраженная и испуганная, когда они двигались как мертвый груз — совершенно бесполезный для меня. Но в конце концов я заставила себя сесть и оглядеться по сторонам.

Я была права. Полуразобранный вагон поезда. Тут даже не было сидений. Только металлические поручни для стоящих пассажиров и покрытые грязью полы.

Нет. Не просто покрытый грязью.

Кровью.

На полу была засохшая кровь.

Черт возьми.

Я знала это.

Мое сердце отказывалось биться в груди, все еще притупленное какими бы то ни было лекарствами, которые он ввел в мой организм. Но страх сумел проникнуть в мой затуманенный мозг.

Он был огромен.

Не было никакого способа, которым я смогла бы отбиться от него. И у меня не было при себе никакого оружия. Я облажалась. Меня собирались пытать, и я окажусь в мусорном контейнере или где-нибудь в неглубокой могиле.

Не убрав сначала Лекса Кита.

Черт возьми.

Все эти годы впустую.

И он просто продолжит делать то, что делал всегда, когда никто не хочет ему противостоять.

Я могла быть девушкой. Молодой. Слабой. Но так или иначе, я была единственной, у кого хватило смелости пробить его броню. Сколько времени потребуется, чтобы кто-то другой сделает шаг вперед?

Стал бы кто-нибудь вообще беспокоиться об этом?

Я должна была, по крайней мере, найти группу, которая обнародовала бы компрометирующие доказательства в случае моего исчезновения или смерти. Просто чтобы информация была там, если кто-то начнет искать. Так что их работа была бы проще. Боже, я была такой глупой. И высокомерной. Думала, что никто не тронет меня. Что я была осторожна. Я была осторожна. Но просто не существовало такой вещи, как достаточная осторожность, когда имеешь дело с кем-то, кто управлял преступной империей.

Здорово.

Это было просто здорово.

Я должна была придумать запасной вариант. Я не занималась легальными делами. Я вмешивалась в жизнь людей и в их бизнес. Из-за этого люди злились и делали глупости. Например, похищали девушек.

И теперь я потеряю шанс сделать что-то, что могло бы что-то значить. Это сделало бы мое существование стоящим.

Черт возьми.

— Почему ты не ищешь, чем бы себя защитить? — спросил его глубокий, раскатистый голос, удивив меня, заставив меня с силой врезаться спиной в стену, к которой я прислонилась.

Я даже не слышала, как он спускался по лестнице. Или снова открыл двери. Или залез в чертов вагон поезда. Он был призраком.

— Это могло бы быть вариантом, если бы мои конечности работали, — сказала я угрюмо, и мои слова немного заплетались.

Его плечо слегка приподнялось и опустилось. — Наркотики скоро выветрятся.

— Ты не мог просто изнасиловать и убить меня сейчас, когда я этого не чувствую? — спросила я и моя челюсть сжалась от гнева. Мой гнев, который перешел в ярость. Это то, что всегда смущало и беспокоило мою маму, когда я росла, как я слетала с катушек, превратившись из нормальной в разъяренного монстра за две целых семь десятых секунды.

— Я не собираюсь насиловать тебя, — сказал он, не сводя с меня глаз, желая, чтобы я ему поверила.

И по какой-то причине я это сделала. По крайней мере, в этом вопросе.

— Так что тогда просто убьешь меня. Хотела бы я сказать, что удивлена. Ты собираешься сначала заставить меня страдать?

При этих словах его брови сошлись на переносице. — Что, черт возьми, с тобой не так? — спросил он с искренним любопытством.

Я подняла левую руку, и удивилась, когда она, следуя инструкциям, помахала в воздухе. — Сколько у тебя времени?

С этими словами я вздохнула, когда он присел передо мной на корточки, уперев локти в колени. — Ты преступница? Дилер? Вор? Кто?

— Не дилер и не вор. А что?

— Потому что нормальные гребаные люди не говорят о своей смерти так, как будто мы обсуждаем, в какой цвет ты собираешься покрасить свои гребаные ногти на ногах.

— Я никогда не говорила, что я нормальная, — уклонилась я. Это была чистая правда.

— Ты ввязалась во что-то криминальное, если меня вызвали, чтобы выкрасть тебя.

— Почему? Ты что, большая шишка или что-то в этом роде?

Честно говоря, мне было любопытно. Казалось, он вел себя так, словно был кем-то важным. Он подкупил меня тем, что казалось его профессионализмом.

Я никогда не видела его раньше. Но, с другой стороны, я смотрела только на Лекса и его коллег.

— Да, куколка, я чертовски большая шишка, — он сделал паузу, давая своим словам осесть, — во что ты ввязалась?

— Честно говоря, я не знаю, — ответила я. Это было правдой. Я действительно этого не знала, — я не совсем тот человек, у которого есть враги, — по крайней мере, не враги, которые знали, что они мои враги.

— Чем ты занимаешься?

— Что?

— Зарабатываешь на жизнь, малыш. Чем ты занимаешься? — спросил он нетерпеливо. Как будто я действовала ему на нервы.

Да, я чувствовала себя очень хреново. Мудак.

Кроме того, я была раздражена комментарием «малыш». Может быть, я выглядела молодо. И, может быть, я была моложе его, но мне никогда не разрешали быть ребенком.

— Я хакер, — сказала я, пожимая плечами, радуясь, что подвижность вернулась к моим плечам. Если бы еще и мои ноги начали реагировать, я бы чувствовала себя намного лучше.

— Хакер? — спросил он, его брови поползли вверх. — Ты хакер?

— Что? Потому что я не какой-нибудь прыщавый извращенец тридцати лет, прячущийся в подвале у своих родителей, я не могу быть хакером?

— Не встречал много хакеров с сиськами, вот и все, — сказал он, слегка ухмыляясь, когда мои глаза начали метать в него кинжалы.

— Слушай, придурок, — начала я, мои слова были гневными, — я понимаю, что у тебя здесь есть работа. Чтобы похитить меня и убить или что-то в этом роде. Но, пожалуйста, просто воздержись от того, чтобы мучить меня своими глупыми мужскими шовинистическими бреднями. Наличие сисек не отменяет наличия гребаных мозгов, идиот.

При этих словах он усмехнулся, звук был низким и глубоким, и, возможно, это заставило мои внутренности странно пошатнуться. Хорошо. Это определенно заставило мои внутренности немного пошатнуться.

— Хорошо, я беру свои слова обратно.

— Что забираешь обратно?

— Ты не преступник.

— Почему нет? — спросила я, безосновательно раздраженная тем, что он пришел к такому выводу. В каком-то смысле я была преступником. Я ежедневно нарушала тонны

законов. Конечно, в основном законы о конфиденциальности и кибербезопасности. Но все же. Это были законы. И я их нарушала. Это сделало меня преступником.

— Потому что любой стоящий преступник знал бы что, не стоит называть кого-то, кто держит их в заложниках, придурком и идиотом, когда его жизнь ничего не стоит.

— Может быть, я думала, что ты слишком глуп, чтобы клюнуть на это.

— Не глуп, куколка. Вот почему я знаю, что ты больше, чем какой-то двусмысленный хакер, бесящий каких-то ничтожеств.

— О, пожалуйста, скажи мне, откуда ты это знаешь, — сухо протянула я.

— Я знаю это, потому что знаю, кто меня нанял. И он не никто.

— Кто тебя нанял? — спросила я, чувствуя, как у меня сжимается живот.

Его голова склонилась набок.

— Лекс Кит.

Святое.

Дерьмо.

Глава 3

Брейкер

Она отшатнулась, как будто я ударил ее, физически отпрянув от меня. Ее глаза, и без того большие, расширились.

Значит, она знала, кто такой Лекс Кит.

Что только подтвердило мои подозрения. Что она определенно не была каким-то добропорядочным гражданином, попавшим под перекрестный огонь. Или какая-нибудь случайная цыпочка, к которой Лекс питал слабость, отказала ему или что-то в этом роде.

Хорошие люди не знали, что существуют такие люди, как Лекс Кит.

Хорошие люди не знали точно, насколько плохо, что такой человек, как Лекс Кит, заплатил кому-то, чтобы похитить их.

Все, что оставалось узнать — это то, что она сделала, чтобы заполучить его гнев. Взломала его счета? Украла его деньги? Она жила в самой дерьмовой квартире, которую я когда-либо видел, запах соевого соуса просачивался сквозь стены, полы были потертыми и неровными. Если бы она украла у него, можно было бы подумать, что она могла бы, по крайней мере, купить себе что-нибудь получше, чем двуспальная кровать с разномастной кучей одеял, чтобы защититься от холода поздней осени.

Единственной ценной вещью в ее квартире был ноутбук, который стоял у нее на столе. Не один из простых тоненьких черных, которые можно зайти в любой магазин и купить. Нет. У нее был какой-то специальный, сделанный на заказ. Дорогой.

Что имело смысл, если она была хакером, как утверждала.

— Лекс Кит? — повторила она беззаботным голосом. Ее руки были крепко сжаты, ногти впились в ладони. Напуганная. Она была в полном ужасе.

— Зачем ты ему понадобилась?

Ее глаза встретились с моими, темные и отчаянные. — Я не знаю. Я не знаю, как он вообще узнал, кто я такая.

Я поверил ей. Можете назвать меня сумасшедшим, но я чертовски хорошо умел распознавать ложь. Она была честна со мной.

— Но ты же знаешь, кто он.

Ее голова кивнула вверх-вниз. — К сожалению.

— Так ты знаешь, что он сумасшедший ублюдок?

— Да.

— И знаешь, что он делает с женщинами?

При этих словах она с трудом сглотнула, ее голос стал намного слабее. — Да.

— Черт, — сказал я, поднимаясь на ноги и глядя в открытые двери вагона.

— Кто ты? — спросила она все еще слабым голосом. Я думаю, что мне больше понравилась цыпочка, которая несколько минут назад швыряла в меня ядом. Нет ничего хуже, чем знать, что ты (или ты по договоренности) вселяешь такой страх в женщину. Только самые худшие отбросы делали это.

Может быть, я все-таки был гребаным монстром.

— Брейкер, — честно сказал я. Что хорошего было бы в том, чтобы лгать ей?

— Это похоже на... настоящее имя? — спросила она.

Я обернулся и увидел, что она изучает меня. — Да, куколка, это настоящее имя. Моя фамилия.

— Как тебя зовут по имени?

— Зачем?

При этих словах ее глаза закатились. Закатились. Как будто она злилась на меня. — Отлично. Не говори мне. Мне просто было любопытно. Не нужно быть таким подозрительным. Не то чтобы я представляла для тебя угрозу. Боишься, что я взломаю твой компьютер и увижу, каким извращенным порно ты увлекаешься?

— Извращенное порно? — спросил я, чувствуя, как мои губы дернулись в улыбке.

— Да. Извращенное порно. Трахатели бабушек. Скотоложство (прим. перев.: вид полового извращения — удовлетворение полового чувства путем совокупления с животными). Или более приемлемые, но не менее отвратительные: групповухи, чудовищные огромные члены, анальная групповуха, сперма в жопе, на лице...

Господи Иисусе, мать твою.

Ни за что на свете крошечная цыпочка с большими, черт возьми, глазами лани сидевшая в вагоне поезда, в котором я ее запер, прекрасно зная, что может с ней случиться от рук Лекса, не говорила мне о сперме на лицах цыпочек.

Я провел рукой по лбу, чертовски стараясь не представлять ее голой, с открытым ртом, умоляющей меня кончить на нее.

Блядь.

Последнее, что ей было нужно, это чтобы я разгуливал со стояком. Она и так была достаточно напугана.

— У тебя обширные познания в порнографии. Ты, маленький извращенец, — продолжал я, пытаюсь поднять настроение.

На это она фыркнула. — Мне платят за просмотр историй браузеров. Истории браузеров большинства мужчин на семьдесят процентов состоят из порнографии.

— Не мой, куколка, — сказал я, качая головой.

Еще одно фырканье. И закатывание глаз.

— Если я хочу киску, — сказал я, глядя на нее сверху вниз, — я иду за киской. Я не смотрю на это через гребаный экран компьютера. Я погружаю свои пальцы и член в реальную. И, может быть, если она действительно сладкая, я засуну в нее свой язык.

Я боролся с улыбкой, растянувшей мои губы, когда увидел, как она покраснела. Ярко-малиновая.

Учитывая, что она посмотрела кучу сексуальных актов, не дрогнув, я должен был предположить, что это было потому, что у нее появился сильный мысленный образ. Обо мне. Уткнувшегося лицом между чьих-то мягких бедер. Может быть, ее.

— Ты прям настоящий принц, — сказала она, пытаюсь скрыть свое смущение. Но ее щеки все еще пылали.

— Когда девушки хотят цветов и конфет, они ищут хороших деловых мужчин. Когда они хотят хорошего качественного траха, который может заставить их увидеть лицо бога, они приходят к таким мужчинам, как я. Я не извиняюсь за то, что я такой, какой я есть.

— Что значит к таким мужчинам, как ты? — спросила она, ее глаза сузились, как будто она пыталась видеть меня насквозь.

— А что?

— Кто ты такой? Чем ты занимаешься?

На самом деле для таких мужчин, как я, не существовало названия. Мужчин, которые делали то, за что им платили. Никаких вопросов. Очень мало морали.

— Я делаю то, за что мне платят.

— Например?

— Например, вламываюсь в дерьмовые квартиры, расположенные над тем, что, как я могу только предположить, является худшим на вкус китайским дерьмом в городе, похищаю симпатичную девушку, живущую в полном одиночестве, и запираю ее в заброшенном вагоне, чтобы ждать дальнейших инструкций.

— И это все? Так ты что, типа, похититель? Это то, чем ты занимаешься?

— Когда цена достаточно высока.

— Сколько я стоила?

— Что? — спросил я, прислонившись к стене напротив нее, скрестив лодыжки и скрестив руки на груди.

— Сколько тебе заплатили за то, чтобы ты похитил и держал меня в заложниках?

Что ж, не было причин не говорить ей об этом.

— За похищение — десять тысяч. Две штуки за каждый день, который я должен удержать тебя.

На это она выдохнула воздух. — Похоже, я занимаюсь не тем бизнесом. — Последовала пауза, ее рука поднялась, чтобы провести пальцами по волосам. Нервная привычка? — Ну, это ненадолго...

Она казалась такой смиренной. Так смирилась со своей судьбой.

Я видел, как взрослые мужчины, закоренелые преступники, умоляли. Пресмыкаясь, плача. Я видел, как они мочились под себя, когда понимали, что для них нет никакой надежды.

И вот эта цыпочка, никто, просто девушка... спокойно сидела тут, понимая, что ее время на Земле закончилось, и у нее никогда не будет шанса что-то сделать со своей жизнью... и она была спокойна по этому поводу.

Какого хрена это было?

— Я не смогу отговорить тебя от этого? — спросила она мертвым тоном, зная, что у нее нет никаких шансов.

— Нет, куколка, — я бы отказался, если бы у меня был выбор. Я бы отказался.

Она кивнула, поджав губы. — Есть ли шанс, что ты дашь мне что-нибудь прямо перед тем, как передать Лексу?

— Что ты сказала? — спросил я, сдвинув брови.

— Похоже, ты знаешь Лекса, — сказала она, наблюдая за мной. — И, если ты его вообще знаешь... тогда ты знаешь, какие отвратительные, ужасные вещи он делает с женщинами. Многими женщинами. Случайными женщинами, которые ничего не знали. А теперь представь, что он сделает со мной... с кем-то, кто явно его чем-то разозлил.

В ее словах был смысл.

Бедная гребаная девочка.

— Так ты просишь меня... — я замолчал, желая, чтобы она заполнила пробел.

— Дай мне что-нибудь, чем я смогу покончить с собой. Прежде чем он получит возможность сначала поиграть со мной, — сказала она, ее бледная кожа стала почти зеленой при слове «поиграть».

— Ты, блядь, серьезно?

— Да, — сказала она твердым голосом. — Я мало что знаю о наркотиках. Но я думаю, что героин действительно легко передозировать. Я уверена, что найти его будет нетрудно. Он не дорогой. Это не повредит твоей прибыли, — продолжала она лепетать, как будто не говорила о самоубийстве. — Я никогда не употребляла наркотики, так что мне даже не понадобится много. Я могу просто... понюхать его, верно? — она посмотрела на меня, словно ожидая ответа, но продолжила без него. — Я тебя не знаю. И, может быть, ты ничем не лучше его. Может быть, тебе вообще наплевать на меня. Но я не думаю, что ты настолько хладнокровен. Я не думаю, что тебе понравятся те вещи, которые он будет делать со мной.

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе покончить с собой.

— Да.

— Черт, — сказал я, отталкиваясь от стены и расхаживая по небольшому пространству.

Она была права. Я был хладнокровным ублюдком, но я не был бессердечным. Просто осознание того, что я держал ее против ее воли, раздражало меня, оседая ощущением свинца в животе. Таково было правило. Я не связывался с женщинами. Это была нечестная гребаная борьба. И я не мог придумать ни одной чертовой вещи, которую могла бы сделать женщина, чтобы оправдать то, что Лекс мог сделать с ней.

— Это значит «нет»? — спросила она, чувствуя себя побежденной.

Я повернул голову, увидев, что она наблюдает за тем, как я расхаживаю, ее тело напряглось.

— Он придет за тобой, — сказал я, подходя к ней, мои ботинки почти касались ее ярко-фиолетовых ногтей на ногах, присев на корточки, чтобы я мог посмотреть ей в глаза, чтобы она могла увидеть в них искренность, — я дам тебе что-нибудь, чтобы покончить с этим.

На это она кивнула, ее глаза слегка заслезились. — Спасибо.

Затем я встал, повернулся и убрался к чертовой матери отсюда.

Глава 4

Алекс

Хорошо. Не было причин волноваться. Это всегда было возможно. С того первого дня, когда я сидела напротив его кофейни на ступеньках музея, притворяясь, что читаю какую-то книгу в мягкой обложке, которую нашла выброшенной в метро, хотя на самом деле я делала мысленные заметки о каждой манере поведения, о том, что он пил, что ел, сколько раз делал перерыв на перекур.

С этого первого взгляда всегда был шанс, что он узнает. Я, наверное, должна была быть

шокирована тем, что ему потребовалось столько времени, чтобы поймать меня. Я имею в виду... десять лет. Для такого сверхосторожного и наблюдательного человека, как он, это было безумное количество времени. И если бы он имел хоть малейшее представление о том, как долго я следила за его жизнью, он бы чувствовал себя полным идиотом. Если и была одна вещь, которую такой гордый человек, как Лекс Кит, не потерпел бы, так это то, что его заставляли чувствовать себя идиотом.

Тем более женщина.

Дерьмо.

Часть меня была поражена тем, что я сижу в каком-то заброшенном вагоне поезда, а не в одной из пыточных комнат Лекса (их было три: одна в подвале химчистки, одна в сарае на каком-то заброшенном участке собственности, одна специально построена в убежище в лесу. Кстати, если бы вы оказались в первых двух, из вас, вероятно, вышибли бы дух и с вами веселились бы в течении одной-двух ночей. Если бы вы оказались в третьей, что ж, вам предстояло долгое мучение. И вы, вероятно, никогда не выберетесь отсюда живым).

Зачем он тратил время, держа меня под чьим-то присмотром? Это просто не имело никакого смысла. У него, должно быть, чесались руки дотронуться до меня. Хотя бы потому, что я женщина. Потому что ему действительно не нужна была никакая другая причина, чтобы жестоко обращаться с кем-то.

Была ли это какая-то тактика запугивания? Натравить на меня большого, страшного (но горячего в опасном смысле) парня, заставить его удерживать меня, позволить мне до смерти волноваться о том, что случится со мной до того, как он появится?

Это могло бы сработать. Если бы в Брейкере не было чего-то такого, что говорило бы о том, что он так же несчастен, как и я, во всей этой ситуации. Учитывая, что он был напряжен как... сокращающаяся мышца, это о чем-то говорило. Это говорило о том, что, возможно, ему не нравилось то, как вел себя Лекс. То, что он делал с девушками.

У Брейкера были очевидные проблемы с его заданием.

Что напугало меня (незначительно) меньше.

Он все еще собирался выполнить эту работу. Оставляя меня гадать, платил ли Лекс Брейкеру, за меня. Зная его, у Лекса был какой-то запасной план. У Лекса всегда все было в порядке. Если план А не сработал, был план Б, затем план В. И так далее, и тому подобное.

Может быть, у Лекса было что-то на Брейкера, что делало его послушным.

Но он все равно собирался помочь мне покончить с собой.

За что он получил мою вечную благодарность. Даже если он держал меня в грязном, окровавленном вагоне поезда, в котором было чертовски холодно. Я яростно проклинала свой выбор пижамы, когда шок прошел, и я почувствовала, как холод проникает сквозь мои босые ноги в тонкий материал моих штанов для йоги и футболку. Если это была худшая пытка, через которую я собиралась пройти по приказу Лекса, что ж, черт возьми, это было не так уж плохо. Я бы пережила это. Или простудиться и умереть. И то, и другое меня устраивало.

Несмотря ни на что, я собиралась умереть.

Хотела бы я сказать, что это откровение было встречено с разбитым сердцем. Что мне было ради чего жить. Что у меня были надежды и мечты. Что я хотела встретить мужчину, влюбиться, родить двух детей и жить в безопасном районе. Что я хотела увидеть ночной Париж. Что я хотела выпить эспрессо в кафе в Италии. Что мне нужно зарыться ногами в песок тропического острова. Что я хотела издать книгу. Или создавать произведения

искусства.

Но это была не я.

Это была не та жизнь, которую я вела.

Моя жизнь была посвящена заботе о моей матери. Мать, которая всегда была хрупкой. Нежной. Эмоционально нестабильная. Мать, которая плакала, если я опаздывала на пять минут, возвращаясь домой из школы, в ужасе от того, что со мной случилось что-то ужасное. Мать, которая никогда не была достаточно здорова, чтобы удержаться на постоянной работе. Так что наши шкафы в основном были пусты. Наш свет и газ раз в два месяца был отключен, заставляя меня делать домашнюю работу на улице, сидя под уличным фонарем.

Не было таких вещей, как мечты. Только обещание нескончаемой тяжелой работы.

Я смутно помню, как в детстве у меня было желание петь. Всегда втайне хотела научиться играть на гитаре, но знала, что никогда не смогу, потому что мы никогда не могли позволить себе уроки.

Но это желание угасло, когда в тот день я вернулась из школы и обнаружила, что моя мать в конце концов отказалась от борьбы, в которой она сражалась всю мою жизнь.

Затем желание сменилось потребностью в мести, когда я узнала правду.

Каждая секунда моей жизни с того дня была полна этой цели. Чтобы отомстить за мою мать и за ад, через который ей пришлось пройти.

Так что моим единственным сожалением в жизни будет то, что я не достигла этой цели.

Но это какое-то пустое разочарование.

В конце концов, я могла бы с таким же успехом вообще не существовать.

Это звучало удручающе и жалко, но это была чистая правда. Никто не будет скучать по мне. Никто бы не горевал, потому что я больше не делила с ними воздух. Смерть была печальна только тогда, когда позади оставались люди, которым было не все равно, что ты когда-то жил.

Никому не было до меня дела.

И никто не вспоминал обо мне уже более десяти лет.

На самом деле не о чем было грустить.

Я приму все, чтобы не принес мне Брейкер, любой наркотик... а затем погружусь в ничто.

Я не из тех, кто верит в жизнь после смерти. Поверить в идею воспарить в место, где нет боли, только покой и счастье. Это кажется чем-то сказочным. Что-то, чем можно накормить испуганных детей с ложечки. Что-то, что можно использовать, чтобы убедить людей, что жизнь — это какой-то волшебный опыт, придуманный каким-то всевидящим Богом.

Но жизнь была дерьмом. Жизнь была болью, жертвой и разочарованием. Это был не тот тест, который нужно было пройти или провалить. Это была бурлящая масса времени, где немногие счастливицы познали немного счастья, но большинство жило в страхе, боли и пустоте.

Ни один Бог не допустил бы этого.

По крайней мере, ни в какого Бога я не хотела верить.

Скоро, и неизвестно, как скоро, но скоро... я собиралась больше не существовать. Не было никакой загробной жизни. Не было никаких размышлений о той жизни, которую я вела. Или реинкарнации, чтобы попробовать снова (какая жестокая идея, черт возьми).

В одну минуту я бы дышала, думала и чувствовала.

В следующее мгновение я бы перестала дышать, перестала думать и перестала чувствовать.

Дело закрыто.

Но не было причин сидеть и размышлять об этом.

Я медленно поднялась с пола, мои кости болели от холода. Я пошевелилась, пытаюсь согреть свои конечности. Пытаюсь стряхнуть холод с моей души.

Трудно жить с грузом знаний на плечах. Знать, что на самом деле происходит вокруг всех нас ежедневно. Знать, что есть мужчины, которые крадут девушек с улиц, хороших, милых, невинных девушек, насилуют, калечат и бросают их. Не пойманные. Не наказанные. Невозможно не почувствовать, как от этого у тебя опускаются плечи. Или знать, что были люди, которые украли семью человека, отрезая пальцы детям, чтобы добиться своего, и не чувствовать, что мир был ужасным, извращенным местом для жизни.

У меня не было возможности увидеть солнце. Потому что я жила в гребаной канаве.

Были времена, когда мне хотелось оставить все это позади. Ночами, когда я лежала в постели, уставившись в стену, чувствуя, как слезы щиплют глаза. Не желая ничего больше, чем собрать свои вещи и уехать. Уехать куда-нибудь еще. В любое другое место. Найти настоящую работу. Найти хорошего мужчину. И, может быть, он бы игнорировал меня во время футбольного сезона, и мне придется ругаться на него, чтобы вынести мусор. Но он называл бы меня хорошенькой и целовал так, как будто так было на самом деле.

Я могла бы смыть с себя грязь моих двадцати шести лет. Я могла бы быть чистой.

Но для меня это был не вариант.

Некоторым людям нужно было пробираться по грязи, чтобы другие могли жить, не тронутые ею.

Моя жизнь была жертвой ради большего блага.

Я не имела права грустить по этому поводу.

— Холодно? — голос Брейкера раздался позади меня, заставив меня подпрыгнуть, мое сердце взлетело вверх. Боже, он был хорош в этом. Я догадывалась, что именно это делало его хорошим в его работе.

— Да, — сказала я, поворачиваясь к нему.

Чтобы найти его стоящим там с одеждой. Одеждой. И одеялами.

— Вот, — сказал он, протягивая мне пару мужских носков, и я практически набросилась на них, сунула ноги и подтянула их к икрам. Затем он протянул мне пару спортивных штанов. Мужских. Синих. Слишком больших. Но теплых. Я влезла в них, потянулась за темно-синей толстовкой и натянула ее через голову. — Лучше? — спросил он, как только я оделась.

— Да. Спасибо, — искренне сказала я.

— Не благодари меня, куколка, — сказал он, качая головой.

— Почему нет? Ты сделал что-то хорошее.

Он выдохнул, проведя рукой по голове. — После похищения и удержания тебя против твоей воли. Ты не можешь сказать, что это было приятно.

— Скольким еще заложникам ты приносил одежду и одеяла? — спросила я, наблюдая за ним. Он покачал головой, и я получила свой ответ. — Вот именно. Так что спасибо тебе за заботу о том, чтобы я не умерла от пневмонии. Ты знаешь... до того, как я получу передоз от героина. — Я имела в виду, что это для меня немного забавно. В каком-то болезненном смысле. Я даже улыбнулась, когда сказала это.

Все, что я увидела в ответ — это напряжение вокруг его глаз, тиканье в челюсти. Он выглядел почти... сердитым.

— У тебя действительно нет ради чего жить? — спросил он тихим голосом.

Я почувствовала, как мое плечо дернулось. — Мне действительно не для чего жить, — подтвердила я. — Я имею в виду... я не совсем рада, что умру, не дожив даже до своего тридцатилетия. Но я должна выбрать, как мне поступить. Лучше своими руками, чем быть соскобленной с тротуара после того, как пьяный водитель сбил меня, когда я переходила улицу. Или задыхающейся от витаминов размером с лошадиную таблетку, которые я принимаю в одиночестве в своей квартире, и меня не найдут в течение нескольких дней, пока мой домовладелец не придет за арендной платой.

— Господи Иисусе, а ты темная.

При этих словах я почувствовала, как мои губы изогнулись в улыбке. — Ты похищаешь и держишь людей в заложниках и, возможно, убиваешь их. И я темная?

— Да, куколка. Ты темная. Я работаю в темноте. Я этим не живу. Я не заворачиваюсь в нее, как в одеяло, прячась от гребаного мира.

— Я не прячусь от мира! — возразила я, хотя и знала, что это правда.

— Я просидел возле твоей квартиры три дня, и ты ни разу не вышла. Даже за едой. Не разговаривала и не встречалась ни с кем. Даже для того, чтобы потрахаться. Ничего.

— Я работала, — возразила я.

— Над чем? Сдавала мужчин, помещенных на порно, их подозрительным супругам?

Хорошо. Я начала немного злиться.

К несчастью для меня, не было такой вещи, как немного злиться. Один вид злости был так же плох, как и другой. А когда я злилась, казалось, что между моими губами и мозгом что-то шло не так.

— Пыталась разрушить чертову преступную империю, ты, придурок!

Упс.

Это было неудачно сказано.

Его брови изогнулись, в глазах появилось любопытство.

И я знала, что он ни за что не отпустит это.

— Повтори еще раз? — сказал он обманчиво мягким голосом.

— Ничего. Не бери в голову.

— Это не решит проблему.

— Что ж, очень жаль. Потому что я тебе не скажу.

— Куколка...

— Нет. И ты не можешь заставить меня.

Вероятно, это было еще одно неправильное замечание.

Я знала это по улыбке, которая, казалось, коснулась его глаз, но не губ.

— Хочешь поспорить?

— Ты собираешься ударить меня?

На это он вздрогнул. И я знала, что он этого не сделает. Он не был одним из тех людей.

— Нет. Я не собираюсь тебя бить.

— Тогда я не понимаю, как ты можешь заставить меня что-то тебе сказать.

— Нет? — спросил он, улыбка, наконец, появилась на его губах, когда он так медленно начал двигаться ко мне.

Здравый смысл подсказывал мне стоять на своем. Но мое тело не слушалось. Я так же

медленно двигалась назад, прочь от него. Но потом я ударила спиной о стену. А он все еще приближался.

Мое сердце сильно колотилось, грудь странно сжималась. И частью этого был страх — страх перед неизвестным. Но отчасти это было что-то другое. Что-то, что я не совсем узнавала или понимала.

Между нами был всего фут, его ледяные голубые глаза смотрели на меня, его лицо ничем не выдавало его намерений.

По собственной воле мои руки поднялись ладонями вверх, надавливая на его пресс, когда он начал сокращать небольшое расстояние между нами.

Его взгляд скользнул вниз по моим рукам, затем снова поднялся к моему лицу.

— Что ты делаешь? — спросила я, мой голос немного дрожал. Слабый.

Что, черт возьми, происходит?

Он придвинулся ближе, заставляя мои руки сильнее вжаться в его мышцы живота. И я поняла, что вернулась в свою квартиру, когда мне показалось, что под одеждой он был сильным. Он был как кирпичная стена под моими ладонями.

Мои глаза скользнули обратно к нему, странное ощущение закружилось у меня в животе, когда они поднялись, обнаружив, что он наблюдает за мной.

Одна из его рук поднялась, удерживая меня сбоку. Другая поднялась медленнее, на секунду зависла в воздухе, прежде чем легко провести кончиками пальцев по моей челюсти.

И все мое тело содрогнулось.

Жестко.

Потому что легкое, как бабочка, прикосновение, казалось, пробежало по каждому дюйму моей кожи.

Его голова слегка наклонилась, его теплое дыхание щекотало мою скулу. Но его глаза не отрывались от моих.

— Брейкер... — попыталась я, не уверенная в том, о чем я прошу, и я чувствовала, что он пытался сделать.

— Я не причиню тебе вреда, куколка, — сказал он низким и рокочущим голосом.

Затем его глаза, наконец, оторвались от моих, и он наклонил голову ниже.

Ощущение в животе усилилось и скрутилось в почти тошнотворный водоворот... всего за секунду до того, как его губы сомкнулись на мочке моего уха.

Воздух вылетел из моих легких, и мои руки инстинктивно впились в мышцы его живота.

Я не была испуганной маленькой девственницей. По воле судьбы это вылетело за дверь через десять дней после того, как мою мать закопали в землю.

Как бы то ни было, у меня не было особого опыта. В основном потому, что я держалась подальше от людей, как будто они были возможными переносчиками бубонной чумы. А также потому, что я была почти уверена, что у меня какое-то заболевание, из-за которого нормальное женское либидо двадцати с чем-то лет просто... исчезло.

Я не жаждала секса.

Я почти даже не думала о нем, за исключением тех случаев, когда я просматривала порносайты, которые клиенты невольно заставляли меня посещать.

Но ошибки быть не могло.

Это было в странном, трепещущем сердцебиении. В повышенной чувствительности моих нервных окончаний. По тому, как мурашки побежали по моей шее, груди и рукам. В яростном, почти болезненном напряжении глубоко внутри меня.

Я была возбуждена.

Клянусь, моим проклятым похитителем.

Святое дерьмо.

Что со мной было не так?

— Какого криминального авторитета? — спросил голос Брейкера, заставляя дрожь пробежать по моему телу, его зубы впились в мочку моего уха.

— Лекс, — выдохнул мой голос. Для меня это было едва слышно.

Но Брейкер отреагировал так, словно я прокричала это в мегафон.

Его другая рука опустилась рядом с моей головой, полностью заключая меня в клетку, его голова откинулась назад, его глаза пригвоздили меня к месту.

— Ты, блядь, серьезно?

Дерьмо.

Его тон отбросил желание назад, оставив меня дрожащей, холодной и неудовлетворенной.

И, может быть, немного, совсем чуть-чуть, разочарованной.

Что я могу сказать? Прошло много-много времени с тех пор, как я знала, что такое желание. И мне это вроде как понравилось. И я хотела посмотреть, куда это приведет. Возможно, это делало меня шлюхой, но меня это устраивало.

Но дело в том, что он использовал меня.

Он использовал мое тело против меня.

И это было довольно запутанно.

Особенно учитывая, что я была его чертовым пленником.

— Я не могу поверить, что ты только что сделал это, — обвинила я, мой голос был почти писклявым от смеси негодования и унижения.

— Сделал что? — спросил он, выглядя смущенным.

— Использовал... использовал... секс, чтобы получить ответ!

При этих словах его голова откинулась назад, и он издал смех, который эхом отразился от стен вагона и послал еще один укол желаний в мои бедные, малоиспользуемые нижние области.

Его лицо снова склонилось к моему, все еще улыбаясь, но оно стало немного более снисходительным. — Я думаю, у тебя он был давно, — начал он, и я почувствовала, как мой позвоночник выпрямился, — но это был не секс, куколка. Это я просто ласкал твое ухо. Хотя, если ты хочешь, чтобы я попробовал использовать секс в качестве метода допроса... — он замолчал, его руки оторвались от стены и интимно скользнули вниз по моим бокам.

И будь я проклята, если это не было так приятно.

Но дело было не в этом.

Дело в том, что он развлекался за мой счет.

Я уже была долбаным пленником.

Это было просто... так нехорошо.

Прежде чем я обдумала это, по-настоящему, прежде чем я даже поняла, что это происходит, моя рука качнулась назад, затем метнулась вперед, приземлившись с удовлетворительным треском на его щеку.

На секунду в его глазах отразилось удивление. Затем снисходительная улыбка сменилась озорной, и я поняла, что снова облажалась.

— Нравится грубость, да? — спросил он, проводя рукой по щеке, которая была

приятного красного оттенка.

— Иди трахни себя сам, — сказала я, ныряя под его руку и проносясь мимо него.

Я не успела пройти и двух футов, как он развернулся, и его рука обхватила мой живот, таща меня назад, пока я не врезалась спиной в его грудь. — Не так быстро, — сказал он, забавляясь.

— Отпусти меня, — прорычала я.

— Расскажи мне о разрушении империи Лекса, — сказал он обманчиво спокойным голосом. Как будто он почти не обращал внимания на мой гнев.

— Нет.

— Ты уверена, что хочешь, чтобы это был твой ответ? — спросил он, его свободная рука медленно начала пробегать вверх по моему бедру, опасно скользя внутрь. Вопреки себе, моя голова упала ему на грудь.

Это было во всех отношениях неправильно. Как сотня оттенков дерьма. Если бы я не собиралась в ближайшее время оказаться в городской могиле, я бы обязательно сходила по этому поводу к психиатру.

Потому что я не хотела, чтобы он останавливался. Я искренне хотела, чтобы эта рука продолжала двигаться вверх, продолжала скользить внутрь, пока не найдет то, что искала. Пока я не получу некоторое облегчение от внутренней потребности в нем.

Но это была именно та причина, по которой это нужно было прекратить.

— Остановись, — сказала я, мой голос был странной смесью дрожи и силы.

Брейкер выдохнул так, что мои волосы заплясали вокруг лица. Но его рука соскользнула. — Зануда, — обвинил он, отталкивая меня и выходя из-за моей спины. Он направился к двери, давая мне понять, что он уходит. Но потом он повернул обратно. — У меня нет ничего, кроме времени, чтобы измотать тебя, — сказал он, и это прозвучало как обещание. — Ты расскажешь мне, во что, черт возьми, ты ввязалась.

А потом он исчез.

Глава 5

Брейкер

Что, черт возьми, со мной было не так?

Мне никогда не следовало прикасаться к ней руками (или ртом). Неважно, какую информацию я пытался из нее вытянуть. Она была маленькой и напуганной и очень серьезно размышляла о собственной смерти.

И я еще больше заморочил ей голову.

Это не было оправданием тому, что она была чертовски великолепна. Может быть, не в современном смысле — все эти задницы и сиськи. Она была классической — длинные ноги и высокая. Соедините это с этими глазами лани, этим острым языком и этим характером...

Блядь.

Выйдя из здания, я пошел пешком, оставив свой грузовик припаркованным перед складом. Это было не мой дом. Многим детям нравилось использовать это здание, чтобы пить, трахаться и драться. Но когда мой грузовик стоял у входа, они знали, что нужно развлекаться в другом месте. Это был гребаный мертвый город. Было много других заброшенных зданий, в которые можно было вломиться.

Я подошел к двери тату-салона на углу, ударив кулаком по двери, пока стекло зловеще не задрожало. Уже почти рассвело. Заведение было закрыто уже несколько часов.

— Лучше хотеть трахаться или драться, если ты появляешься в такой час, — проворчал голос изнутри за несколько секунд до того, как дверь открылась.

И там был Пейн.

И, да, это было его настоящее гребаное имя (прим. перев.: pain — боль). В его свидетельстве о рождении и все такое. Ирония судьбы заключалась в том, что он был татуировщиком.

Он был примерно моего возраста, на три дюйма выше и сложен примерно так же крепко. У него была светлая кожа, с поразительными светло-зелеными глазами. Без рубашки, все его тело было покрыто темными чернилами до подбородка. Сучкам он нравился — отчасти потому, что он был хорош собой, а отчасти потому, что он точно знал, какие фразы им скормить, чтобы вытащить их из трусиков менее чем за пятнадцать минут.

Он бросил на меня один взгляд и вздохнул. — Выпьешь? — спросил он, уже направляясь обратно в салон, мимо тату-кабинетов и вниз по коридору, который вел в его квартиру.

Пейну нравились хорошие вещи. Его квартира была полностью переделана. Стены перекрашены в темно-синий цвет. Полы отполированы и окрашены в темный цвет, просто избегая черного. Кухня (которой он не пользовался) была по последнему слову техники — белая плитка и белые шкафы, стойка из белого мрамора, приборы из нержавеющей стали. В противоположном конце комнаты стояла его огромная калифорнийская двуспальная кровать с белым одеялом. В центре комнаты гостиная зона в темно-синих цветах и самый большой доступный плоский экран.

Он прошел на кухню, где стояло несколько бутылок алкоголя, и налил нам по стакану.

Я подошел, выпил свой стакан залпом и прислонился к стойке.

— Во что ты теперь ввязался? — спросил он, потягивая свой напиток.

— Лекс Кит удерживает Шотера.

Воздух стал заметно гуще. — Что? — спросил он, его тон стал убийственным.

Видеть ли... дело было в том... мы с Шотом были вместе. Были вместе с того момента, когда я застал его спящим у моего дома, когда мне было девятнадцать. И под «моим домом» я подразумевал заброшенный магазин, в котором я жил. Никому не было дела до этого, и я был там уже полгода. Черт возьми, к тому моменту я уже оборудовал это место телевидением и электричеством.

Я вышел из своей парадной двери, и там был он. Пятнадцатилетний, маленький, неряшливый.

— Йоу, — сказал я, пиная его криперсы (прим. перев.: Криперсы (или криперы) — это полуботинки на утолщенной подошве и с небольшой шнуровкой, еще одно их название — флатформы) своими ботинками.

Его глаза распахнулись, его тело каким-то образом перешло от сна и сидения к бодрствованию и стоянию в течение мгновения. На нем были черные узкие джинсы, белая футболка и кожаная куртка. Из тех хороших. Которые стоят несколько баксов. Он не был уличным ребенком. Или он был на улице недолго. Его лицо было худощавым, волосы светлого оттенка, которые колебались на грани каштанового, коротко подстриженные, слегка зачесанные назад, и темно-зеленые глаза.

— Что ты... — остальная часть моего предложения оборвалась, когда его рука в тумане потянулась к поясу брюк и вернулась с пистолетом. Прицеливаясь. Идеально прицеливаясь, чтобы сделать дырку мне между глаз. И его гребаная рука была тверда, как у снайпера.

— Знаю, что это нечестная игра, но я бы никогда не победил тебя в бою, — сказал он, пожимая плечами.

— Я не собирался драться с тобой, малыш, — сказал я, качая головой. — Я собирался отвести тебя позавтракать.

— Почему? — спросил он, подозрительно глядя на меня.

— Потому что я голоден, — сказал я, отворачиваясь от него и его пистолета и направляясь вниз по улице.

Я не успел пройти и пяти футов, как он зашагал рядом со мной.

— Ты знаешь, как пользоваться этим пистолетом. — Это был не вопрос. Пятнадцать, и он держал пистолет, как опытный профессионал.

— Я не вырос бы в Алабаме, не научившись пользоваться оружием, — протянул он, давая понять, что активно работал над тем, чтобы избавиться от акцента.

— Далеко от юга, — заметил я, открывая дверь закусочной дальше по улице.

— Далеко от сукиного сына, который вырастил меня, — легко сказал он, одарив официантку, которая была по крайней мере на десять лет старше его, улыбкой, которая заставила ее покраснеть. Румянцем. — Ну так что? — спросил он, просматривая меню. — Ты просто добрый самаритянин? Помогаешь бездомным детям на твоём пороге?

— Черт возьми, нет, — сказал я, качая головой. В какой-то момент я был одним из тех бездомных детей. Я знал, как важна была для них гордость. Я не раздавал подачки, если только кому-то действительно не нужна была помощь. И даже тогда, в половине случаев это было брошено мне в лицо. Таково было отношение улиц. Это было то, что я уважал.

— Значит, только тем, кто наставляет на тебя оружие? — спросил он, усмехаясь над своим меню.

— Что-то в этом роде, — согласился я, кивая.

— Так у тебя есть имя?

— Брейкер, — немедля сказал я.

При этих словах я приподнял бровь. — Ну, если у тебя может быть такое идиотское имя, как Брейкер, я могу быть Шотером (прим. перев.: игра слов Breaker — разрушитель, Shooter — стрелок, снайпер).

С того дня его так и звали.

— Чем ты занимаешься, мужик? — спросил он несколько минут спустя, копаясь в огромной куче французских тостов.

— Мне не о чем говорить в переполненной закусочной, — сказал я, скользнув взглядом по столу менее чем в двух футах от нас, за которым пожилая пара не скрывала, что они подслушивали.

На это Шотер пожал плечами. — Нужна какая-нибудь помощь?

И с того дня он действительно помогал.

Пятнадцать лет казались намного старше на улице. И это было еще старше, когда ты рос с отцом, который выбивал из тебя все любящее дерьмо всякий раз, когда выпивал. Что было ежедневно. Шотеру было пятнадцать лет, он сходил на тридцать. Резкий. Сознательный. С удивительным контролем над своими эмоциями. Возможно, даже больше, чем у меня. Он был забавным. Скор на умные замечания. И еще более быстр в пикапе. И это всегда срабатывало. Он был чертовым подростком Казанова.

И когда он сказал, что знает, как обращаться с оружием, ну, это было преуменьшением. Он был чемпионом по стрельбе среди юниоров в штате Йеллохаммер (прим. перев.:

прозвище штата Алабама). Лучший стрелок, которого я когда-либо видел.

Пока ему не исполнилось двадцать с небольшим, он работал на меня. Помогал мне в расследовании дел. Сбором информации. Поимкой людей, если я думал, что у меня будут проблемы. С возрастом он не стал таким большим и громоздким, как я, но его жилистая худоба имела свои преимущества в бою.

Затем, примерно в то время, когда ему исполнилось двадцать три, он решил, что пришло время разветвиться. Быть самими собой. Это был шаг, которого я ожидал некоторое время. И я также ожидал, что он его сделает.

Когда у тебя были такие навыки обращения с оружием, как у него, ну, чем еще ты мог заняться, кроме как заказными убийствами?

Он брал крупные заказы — работал на мафию или другие криминальные семьи, империи, больших парней.

Когда дело касалось моей работы, я зарабатывал деньги.

Из-за Шотера мой доход казался ничтожным.

Каждый месяц он посылал своему дерьмовому отцу ящик самого лучшего скотча, который можно было купить за деньги.

Можно было бы сказать, что у него все еще были какие-то проблемы с папой.

И он был, во всех смыслах и целях, единственной семьей, которая у меня была. Младший брат. Кто-то, на кого мне было не наплевать.

И Лекс Кит удерживал его.

— Он хотел, чтобы я похитил кого-то по имени Алекс Миллер, — сказал я Пейну, вырываясь из своих воспоминаний. — Сказал мне, что вернет Шотера в целостности и сохранности, если я это сделаю. Поэтому я согласился. И черт возьми, он не сказал мне, что Алекс Миллер — гребаная цыпочка.

На это у Пейна опустились плечи. — Черт.

— Да, — сказал я. — Пока мы разговариваем, она уже сидит на складе. Я не очень-то разбирался в инструкциях. Захватить ее. Удерживать ее. Он не сказал до каких пор. Похоже, он хочет... сделать всю грязную работу сам, — сказал я, мои слова казались ядовитыми на языке.

— Я не могу позволить ему заполучить ее, — сказал Пейн, удивив меня.

Пейн, в отличие от нас с Шотом, происходил из хорошей семьи. Бедняга. С слишком большим количеством детей в квартире с двумя спальнями в дерьмовом районе. Но хорошая семья. С сильной матерью и бабушкой. Крутые тетки. И две младшие сестры. У него была сильная, укоренившаяся потребность уважать и защищать женщин. Так что, да, хотя он использовал их много раз для секса, он никогда даже не повышал на них голос и не давал обещаний или заявлений, которые не собирался выполнять.

Он точно знал, что Лекс приготовил для Алекса.

И он ни за что не согласился бы с тем, чтобы это произошло, когда этого можно было избежать.

Проблема была в том, что я не знал, как это сделать.

— Я согласился дать ей немного героина, чтобы она могла покончить с собой до того, как он доберется до нее.

Пейн оторвал взгляд от моих глаз, глядя в окно, где солнце начинало пробиваться сквозь небо.

— Послушай, ты же знаешь, что я люблю Шота, — начал он, и я знал, что это правда.

Мы с Пейном стали близки только потому, что знали друг друга, часто посещали одни и те же бары, делали ставки на то, кто из нас посадит самую горячую цыпочку ночи себе на колени (до нынешнего времени мы были довольно равны). И когда Шотер стал большой частью моей жизни, он стал большой частью жизни и Пейна. И Шот потратил большую часть своего дохода на поддержание татуировочного бизнеса Пейна. Шот был большим поклонником модификации тела — пирсинга (огромные заостренные в ушах, пирсинг языка, затем иногда губы, иногда носа). Это было по-разному. Потом были чернила. Он был покрыт ими, почти полностью: руки, грудь, спина. У него даже была татуировка орла на передней части шеи, крылья были расправлены назад к ушам. Шот провел много времени в кресле Пейна. Эти двое были близки.

Когда Пейн сказал, что любит Шота, именно это он и имел в виду.

— Но он взрослый мужик. Он занялся этим бизнесом. Он, как и ты, знал обо всех рисках. И он посмотрел им в лицо и сказал: «Да пошло оно, мать вашу». Так вот, эта девушка... эта девушка не делала такого выбора. Как бы она ни связалась с Лексом, это ни в коем случае не будет честной борьбой. Она невинна.

Он был прав.

Блядь.

— Я знаю это, — сказал я, наливая себе еще. Повисло молчание, мы оба не были уверены, какие границы мы готовы пересечь. Я заговорил первым. — Она хакер. Вот что она сделала. И она призналась, что пыталась уничтожить его.

— Уничтожить его с помощью компьютера? — спросил он, в его голосе смешались удивление и недоверие. — Мини-армии не смогли его уничтожить. С оружием и бутылками с зажигательной смесью.

— Да, — согласился я. Те первые дни были сплошным беспорядком. Повсюду были копы. В бизнесе каждого. Я уехал из города на год, устроился на работу на другом побережье, просто чтобы моя задница не попала в поле зрения. Шот пошел за мной, все еще пытаюсь создать клиентскую базу, поэтому он работал на меня неполный рабочий день, а остальное время на себя. Много солнца, денег и сучек. Это были хорошие времена. Внезапно мне захотелось, чтобы мы никогда не возвращались.

Шот был бы свободен. У меня бы не было этой сексуальной штучки, сидящей в том вагоне поезда. И я бы не столкнулся с невозможным выбором между ними.

— Если я перейду Лексу дорогу, я тоже труп, — размышлял я вслух. Он бы не остановился, просто убив Шота. Это было бы просто для того, чтобы помучить меня, прежде чем он придет и убьет меня тоже. Вероятно, заставляя меня смотреть, как он насилует и мучает Алекс, прежде чем прикончить меня, просто чтобы доказать, что он одержал верх. — И Алекс тоже, — добавил я.

Пейн вздохнул. — Просто спрячь ее где-нибудь, чувак. Дай ей немного еды, денег и одноразовый телефон, и скажи, что, если она не получит от тебя вестей через две недели, пусть убирается. Она хакер... она может найти себе новую личность. Она может исчезнуть.

— Тогда что, чувак? Ждать, пока Лекс придет и убьет меня?

Пейн пожал плечами. — Или найти способ убить его.

— Что? В одиночку? Ты сам сказал, что преступные вооруженные формирования пытались и потерпели неудачу, чувак.

— Да, но девушка, которую ты удерживаешь... она наблюдала за ним... у нее, вероятно, много на него есть. Информация, которую ты можешь использовать. Попроси у нее доступ к

ней. Посмотри, сможешь ли ты использовать что-нибудь из этого, чтобы найти способ убрать его.

— И ты ожидаешь, что я смогу сделать все это, блядь, хладнокровно, зная, что у него Шот, и не известно что он делает с ним?

— Ты помогаешь ему, стоя здесь и разговаривая со мной сейчас?

Что ж, он был прав.

— Иди домой. Поспи немного. Принеси этой бедной девочке немного еды. Затем заставь ее согласиться позволить тебе просмотреть ее файлы.

— Да, — согласился я, ставя свой стакан, внезапно почувствовав, как усталость проникает в мои кости.

Я не мог заставить себя пойти домой, вместо этого схватил спальный мешок и лег спать на верхней площадке лестницы, ведущей в вагон поезда. Когда я вернулся, чтобы проверить ее, то нашел ее зарывшейся под одеялами, которые я ей дал, лежащей на боку, с поднятым капюшоном, руками под лицом в молитвенной позе, мертвенно спящей.

На холодном, твердом, грязном, окровавленном металлическом полу.

Чувствуя себя, как самый худший дикарь, я провалился в измученный сон.

Глава 6

Алекс

Пробуждение было похоже на то, как будто я умерла. Каждая косточка в моем теле казалась хрупкой. Моя кожа замерзла, и весь бок на котором я лежала на полу, болел. Я шмыгнула носом от холодного утреннего воздуха, медленно принимая сидячее положение, ворча, когда все тело сводило и оно сопротивлялось движению.

Я подняла руку и прошлась по телу, массируя ноющие мышцы плеча.

— Извини за пол, — донесся до меня голос Брейкера, и я вскинула голову, обнаружив, что он наблюдает за мной стоя возле двери, прислонившись к стене, было похоже, что он был там некоторое время.

— Ты смотрел, как я сплю, ты, чудик? — спросила я, мои слова прозвучали более чем немного угрюмо. Я ни в коей мере не была утренним человеком. Тем более, когда я провела ночь ворочаясь на холодном, твердом полу.

— Сейчас полдень, — сказал он, пожимая плечами.

— Это не ответ, — сказала я, медленно поднимаясь на ноги и расправляя плечи.

— Иди сюда, — позвал его голос, звучащий почти мягко.

Моя бровь поползла вверх. — Это что, приказ?

— Господи, женщина, почему ты такая мрачная через секунду после того, как проснулась?

— Может быть, это как-то связано с тем, что меня удерживают против моей воли, — сказала я, скрестив руки на груди.

— Или, может быть, ты просто стерва, — сказал он, одарив меня ухмылкой.

Я почувствовала, что опускаю глаза. — Ты мудака.

— Да, — согласился он, ничуть не обидевшись. — А теперь иди сюда, — сказал он, опустив руки по бокам.

Хорошо.

Было безумием идти к нему.

Я знала это. На рациональном уровне.

Но моим ногам об этом никто не сказал.

Что, возможно, имело или не имело какое-то отношение к тому факту, что холодный, твердый пол был не единственной причиной, по которой я ворочалась и металась всю ночь. Нет, это также имело какое-то отношение к сну, который мне все время снился, с участием крутого светловолосого бородатого здоровяка, который просил меня подойти к нему.

Скажем так, сон был очень ярким.

И очень грязным.

Когда я была в футе от него, он вытянул руки и потянул их к моим плечам — вырвав из моего рта полу-стон, полу-всхлип. При этих звуках смешок слетел с его губ, а взгляд стал напряженным.

— Почему ты массируешь мои плечи? — спросила я, облизывая пересохшие губы.

— Почему ты должна задавать столько вопросов? — возразил он, одновременно потирал руками и притягивал меня ближе, сокращая расстояние между нашими телами, пока нас не разделило всего лишь дуновение воздуха, давая его рукам больше свободы движений по моей спине. Мне действительно пришлось сосредоточиться, чтобы не прислониться к нему. Потому что... это была проблемой. — После того, как я ушел отсюда прошлой ночью, я пошел навестить своего друга.

— Ты... бросил меня! — я взорвалась, вырываясь от него, выпучив глаза, когда жар распространился по моему телу. Он бросил меня. Запертой в вагоне поезда. Он был заперт снаружи. Оставив меня совершенно беззащитной. Любой мог забрести в явно заброшенное здание. Любой мог найти меня и сделать... что бы, черт возьми, они ни хотели со мной сделать. Пока он развлекался со своими долбаными приятелями.

— О Господи Иисусе, — проворчал он, глядя вверх и полу прикрыв глаза. — Понеслась...

— Да... понеслась. Что с тобой не так? Любой мог прийти сюда, увидеть меня совершенно беззащитной, изнасиловать и убить!

— Пять секунд прослушивания этого рта, и они потеряют интерес к этой задаче, поверь мне.

К... задаче?

То есть... изнасиловать меня или убить?

В любом случае, это было своего рода оскорблением.

— Я ненавижу тебя, — сказала я. По-детски, я знаю. Но он вытащил это из меня. Что забавного было в том, чтобы спорить с кем-то, когда все, что они делали, это отвечали совершенно нормальным, невозмутимым тоном? Это только еще больше разозлило меня.

— Это прискорбно, потому что ты будешь работать со мной.

Мой рот открылся, чтобы что-то сказать, но закрылся, как только его фраза закончилась, повиснув в воздухе.

— Кажется, я ослышалась, — сказала я через минуту.

— Ты слышала меня просто отлично. Ты и я... мы собираемся найти выход из этой передряги.

Этой... передряги?

То есть... с моим убийством (или самоубийством) из-за Лекса Кита?

— Почему?

Брейкер глубоко вздохнул, глядя мне в глаза. — Лекс захватил кое-кого, кто что-то значит для меня. Он сделал это, потому что хотел, чтобы я похитил тебя, и он чертовски

хорошо знал, что я не распространяю свои... услуги на женщин.

— Правда? — я поймала себя на том, что удивленно спрашиваю.

— Да, куколка, правда. Если бы твое имя не звучало как мужское, мы бы сейчас здесь не стояли.

Я поверила ему.

— Кто у него? — спросила я.

Он не колебался. — Мой брат.

— Твой брат? — спросила я тихим шепотом.

Я ничего не знала о братьях и сестрах. Черт возьми, я ничего не знала о друзьях. Но я могла себе представить. Я могла представить себе эту связь. Я могла представить, какой выворачивающий внутренности ужас охватил бы вас, когда бы вы поняли, что кто-то, кого вы любили, был в руках Лекса Кита.

Неудивительно, что он был готов пойти на сделку, хотя и не имел дела с женщинами.

Я отвернулась, зная, что в моих глазах был маленький кусочек моего сердца. — Что тебе от меня нужно?

— Мне нужно знать, что у тебя есть на него, — немедля ответил он.

Я кивнула, потянулась к воротнику толстовки и, засунув руку, схватила цепочку, которую я носила на шее так долго, что едва ли даже осознавала, что она там еще есть. Я сняла ее через голову, протянула и смотрела, как большая, покрытая шрамами рука Брейкера взяла его.

— Ключ? — спросил он.

— Ключ от шкафчика, — ответила я, кивая. — От кабинки в тренажерном зале на Уиллоу.

При этих словах его бровь поползла вверх. — В тренажерном зале на Уиллоу? — повторил он, и улыбка тронула его губы. — Тренажерный зал, принадлежащий Малликам?

— Да, — сказала я, кивая.

Было не так много организаций, которые отказывались подчиняться требованиям Лекса. До сих пор, насколько я могла судить, единственными, кто не набивал его карманы, были МК Приспешники, Лионе, кокаиновый король, люди из лагеря выживальщиков под названием Хейлштурм, и семья Маллик — группа печально известных ростовщиков, которые, похоже, не имели никакого отношения ни к одной из других преступных организаций.

Я могла бы скрыть свою информацию от Приспешников. Но, честно говоря, они пугали меня до чертиков. И я знала, что Ричард Лионе вынудил бы меня работать на него. И я не хотела быть никому должна.

И Хейлштурм, ну, они были странными. Я почти боялась, что войду туда, чтобы заключить сделку, и никогда не выйду, потому что они... промывают мне мозги или что-то в этом роде.

Так что, в конце концов, Маллики были самой безопасной ставкой. Я пошла в тренажерный зал, спросила Шейна и спросила, может ли он дать мне доступ к личному шкафчику. Примерно через десять минут своего бесстыдного флирта, наводящего на размышления, он наконец согласился позволить мне пользоваться шкафчиком в комнате для персонала за пятьдесят баксов в месяц.

Это было безопасно, даже если и дороговато... поэтому я согласилась.

— Ты умнее, чем я думал, — сказал он, убирая цепочку в карман.

— Ну и дела, спасибо, — сказала я, закрывая глаза. — Тебе придется взять меня с собой.

— Почему?

— Потому что у нас с Шейном есть договоренность.

— Ты, — сказал он, наклонив голову, давая понять, что не совсем поверил, — заключила сделку с Шейном, блядь, Малликом?

Я почувствовала, как мои плечи откинулись назад. Было ли это еще одним «потому что у тебя есть сиськи» намеком? Только потому, что я была цыпочкой, означало, что у меня не могло быть прочных связей с некоторыми местными плохими парнями?

— Эта сделка подразумевает, что ты трахаешься с ним?

Я отпрянула, как будто он дал мне пощечину. Удивленная, конечно. Обиженная? Определенно.

— Прошу прощения?

— Ты встречалась с ним. Ты же знаешь, какой он.

— Значит, единственный способ, которым он мог бы мне помочь — это через секс? — спросила я, мой голос стал отрывистым. — То, что ты свинья, не значит, что и все остальные такие. — У его глаз снова появились странные морщинки, и я почувствовала, как делаю глубокий, успокаивающий вдох, прежде чем просто... взорваться. — Не смей улыбаться мне своими глазами!

В этот момент я получила смешок. — Улыбаться глазами?

— Да, улыбаться глазами. Это, когда вокруг твоих глаз появляются морщинки, но губы не улыбаются.

— Ты много наблюдаешь за мной, да, куколка?

О боже мой.

Серьезно.

Он был самым несносным человеком, которого я когда-либо встречала.

И высокомерным.

Даже больше, чем Шейн Маллик.

Что действительно о чем-то говорило.

— Мне больше не на что смотреть, кроме твоей уродливой морды, — выплюнула я, надеясь, что это прозвучало убедительно, чертовски хорошо зная, что это было так далеко от правды, как только могло.

— Уродливая морда, — размышлял он, сжимая губы. — У тебя проблемы с тем, как я выгляжу, Алекс? — спросил он, и я почувствовала, как дрожь пробежала по моему телу при звуке моего имени на его губах. Все, на что я могла надеяться, это то, что дрожь была внутренней, и он не заметил.

Эта надежда длилась около одной десятой секунды, когда удовлетворенная ухмылка заиграла на его губах, и я поняла, что это была дрожь по телу.

Черт возьми.

Но мне не пришлось долго страдать от своего унижения.

Потому что секунду назад я просто стояла там, скрестив руки на груди, пытаюсь сосредоточиться на том, чтобы не покраснеть.

В следующее мгновение меня швырнуло о стену. Его тело прижалось к моему, обе его руки обхватили мою челюсть. И прежде чем я успела вдохнуть, чтобы возразить, его губы крепко прижались к моим.

Все мое тело содрогнулось от удивления, укол желания вспыхнул при соприкосновении и пронесся по прямой линии вниз по животу между бедер.

У меня было всего несколько секунд, чтобы понять, что его борода щекочет, прежде чем мой мозг зафиксировал его губы на моих. Твердые. Требующие ответа. И мои были слишком счастливы, чтобы ответить.

В ту секунду, когда они начали отвечать, его руки сжались по бокам моего лица, а зубы впились в мою нижнюю губу. У меня вырвался всхлип, мои руки потянулись, чтобы схватить футболку, прикрывающую его бока, впиваясь в косые мышцы его живота. Потому что мне нужно было держаться. Если я не буду держаться, я была почти уверена, что упаду. Мои ноги (и все остальное, если на то пошло) стали ватными.

Брейкер слегка наклонил мою голову, его язык вжался в линию моего рта и проник внутрь. Не дразня мой. Не играя с ним. Заявляя права.

Вот что я почувствовала.

Брейкер опустил руку с моей челюсти и переместил обратно в волосы у основания шеи, сжал их и дернул достаточно сильно, чтобы я вскрикнула, когда губами скользнул по моему языку и сильно пососали.

И вот тогда у меня подкосились ноги.

Он провел рукой вниз по моему телу, обхватив меня за бедро и притянул к себе.

Но ненадолго. Его губы отпустили мой язык. Его зубы впились в мою нижнюю губу. А потом он отстранился от меня. Отпуская волосы. Прижимая меня спиной к стене. И отступил в сторону.

Я глубоко вздохнула и распахнула глаза.

Чтобы найти его стоящим рядом.

Гребаные глаза, снова улыбающиеся мне.

— Не знаю, куколка, — сказал он, и улыбка расплылась на его губах, — возможно, тебе не нравится, как я выгляжу... но, похоже, тебе нравится то, как я ощущаюсь.

О боже мой.

Хорошо.

Мне нужно было не попасться на удочку.

Мне нужно было хоть раз в жизни взять себя в руки.

— О, приди в себя, — сказала я, притворяясь скучающим тоном. — Ощущаешься ты тоже не очень.

Улыбка не дрогнула. Он слегка сократил расстояние между нами, его глаза были прикованы к моим, и мне потребовались все силы, чтобы не отвести взгляд. Чтобы не струсить.

— Если я возьму свою руку, — сказал он, его рука медленно соскользнула по моему боку, — и суну ее тебе в трусики... на сколько ты хочешь поспорить, что эта сладкая маленькая киска будет приятной и влажной для меня?

— Ты не посмеешь... — начала я, затем его большой палец надавил на мою промежность, заставляя воздух вырваться из моих губ.

— Я не посмею? — спросил он, кончики его среднего и безымянного пальцев были в опасной близости от того, чтобы поиграть с материалом моих трусиков поверх штанов для йоги. — Хотя мне и не придется этого делать, — сказал он, скривив губы, — если ты признаешься в этом.

Я с трудом сглотнула, одновременно возбужденная и напуганная тем, что он... видит

меня насквозь. Но также и в абсолютном ужасе от перспективы признаться, что я была возбуждена. — Признаться в чем? — спросила я.

— Признайся, что твоя киска мокрая от того, что я просто поцеловал тебя.

Просто. Просто?

Это было не просто.

Я была почти уверена, что мир свернул со своей оси на время этого поцелуя.

— Хотя можешь не говорить, второй вариант нравится мне больше, — сказал он, его рука скользнула к поясу моих штанов.

Черт возьми.

Хорошо.

Мне нужно было все это прекратить.

Потому что, если его рука залезет мне в штаны...

Нет.

Я не позволю себе думать об этом.

Потому что, если мой разум отправится туда, я была почти уверена, что хотела бы, чтобы его рука отправилась, ну, туда.

Я почувствовала, как мои щеки запыхали, зная, что они становятся свекольно-красными. Мои глаза оторвались от его. Я могла бы это сказать. У меня был рот, как у моряка. Я могла бы выдавить из себя эти слова. Я просто не могла смотреть на него, пока делала это. Я почувствовала, что наклоняюсь вперед, слегка ударяясь лбом о его грудь.

— Я мокрая от твоих поцелуев, — вырвалось у меня с сдавленным хрипом, но я выдавила это.

Его рука соскользнула с моего пояса, и, к моему огромному облегчению, он не засмеялся. Он не ткнул меня в это носом.

Он поднял руку вверх по моему позвоночнику, пока не остановился на затылке, задержавшись там на секунду, сжимая, а затем отпуская меня.

— Хорошо. Давай сходим к Малликам.

А потом он отстранился, и он двинулся к двери, даже не потрудившись посмотреть, следую ли я за ним. И, не имея особого выбора, я пошла за ним.

— Эм, Брейкер, — попыталась я, добравшись до верхней площадки.

— Да? — спросил он, двигаясь дальше.

— У меня нет никакой обуви.

Он резко повернул голову ко мне, опускаясь к моим ногам, где его (я предполагала, что это были его) огромные носки поглотили мои ноги. — Точно, — сказал он, направляясь к двери. — Я сейчас вернусь.

— Ах... ты просто оставишь меня здесь? Не запертой?

Он обернулся, одарив меня легкой улыбкой. — Ты не слишком хотела быть запертой, когда меня не было рядом.

— Так ты просто собираешься... доверить мне остаться здесь?

— Тебе есть куда пойти, чтобы Лекс не смог до тебя добраться?

В его словах был смысл.

Он кивнул мне и вышел в дверь.

Оставшись одна, я думала о том, чтобы убежать. Я не была забываемой девушкой. Я была средней во многих отношениях. Я могла бы проскользнуть в толпу и исчезнуть. Я могла бы куда-нибудь уехать. Залечь на дно. Прекратить появляться в сети, чтобы у меня не было

следов. Принять новую личность.

Но, честно говоря, каковы были шансы, что я смогу отказаться от единственного, что имело значение в моей жизни?

Если бы я сбежала, я бы все равно попыталась его прикончить. И он найдет меня. И в следующий раз у меня не будет такого другого (большого, массивного, плохого парня), кто явно хотел бы мне помочь. Или достать мне героин, чтобы я покончила с собой.

Я даже не знаю, где достать героин.

Ну, это частично неправда.

Я знала, где его взять.

Проблема заключалась в том, что все места, где его можно было достать, принадлежали людям, которыми Лекс, так или иначе, владел.

Я глубоко вздохнула, снова натянула капюшон, спрятала лицо в его глубине и подошла к окну, чтобы выглянуть наружу. На улице не было ни одной машины Лекса. У него было четыре разных, которыми пользовались его ребята из службы наблюдения. Ранняя модель «Форда», похожая на старую полицейскую машину, блестящий серебристый «Мерседес» последней модели, типичный оранжевый хэтчбек (прим. перев.: Хэтчбек — это довольно популярный в наше время тип кузова, который уже давно является серьезным конкурентом седана. Слово «хэтчбек» образовано от двух английских слов «hatch» — люк и «back» — сзади) подростка и потрепанный синий пикап. Машины для любого района.

Но все, что я могла увидеть на улице — это толпящихся людей. В основном подростки, явно прогуливающие школу. В машинах, которые стояли вокруг, внутри никого не было.

Лекс не следил за Брейкером?

Это было неправильно.

Что-то было не так...

— У меня не было твоего размера, — сказал Брейкер, входя с обувной коробкой в руках. — Но это должно подойти в любом случае. Если только у тебя ноги не мужские, — сказал он, открывая крышку коробки и доставая пару выцветших коричневых армейских ботинок. Новые, но они выглядели старыми.

Они могли бы подойти мне.

— У меня восьмой, — сказала я, наблюдая, как он движется ко мне, ставя ботинки рядом с моими ногами.

— Это девятка. С ними все должно быть в порядке.

С этими словами я скользнула в ботинки и с некоторым удивлением наблюдала, как он зашнуровывал их для меня.

Я не помню, чтобы кто-то завязывал мне шнурки.

На самом деле, я помню о своих ботинках, только когда стала почти подростком, с ремешками на липучках. Я даже никогда не видела, чтобы моя мать склонялась над моими ногами, когда я росла.

Он встал, и я выскользнула из его огромных спортивных штанов, которые легко скользнули по ботинкам, только заставив меня слегка споткнуться. Я бы еще сняла толстовку, когда мы туда доберемся. Было слишком холодно, чтобы думать о том, чтобы оставаться в легкой футболке дольше, чем это необходимо.

— Хорошо, — сказала я, поднимая глаза и обнаруживая, что он наблюдает за мной настороженным взглядом.

Он провел пальцами по моему подбородку и направился к двери. — Не снимай

капюшон, пока я не проеду достаточно, чтобы убедиться, что у нас нет хвоста.

Я кивнула, но добавила. — Ни одной из его машин здесь нет.

Брейкер оглянулся на меня через плечо, слегка сдвинув брови, но ничего не сказав.

Его грузовик был хорош. Это то, что моя вызванная химическими веществами бессознательность не позволила мне заметить прошлой ночью. Новый, черный, дорогой, массивный. Когда я взбиралась наверх, вынужденная тащить свое тело вверх с помощью перекладки, я рассеянно задавалась вопросом, где живет такой человек, как он.

Черт возьми, насколько я знала, у него была какая-то квартира где-то на этом складе.

Это, казалось, почти устраивало его.

— Ты собираешься выйти или будешь сидеть тут весь день? — спросил он, заставив меня вздрогнуть.

Я была так погружена в свой собственный маленький мир, что даже не заметила, как он припарковался и заглушил двигатель. Я отстегнула ремень безопасности и потянулась к подолу толстовки, быстро задирая и снимая ее.

— Ты уверена, что хочешь пойти туда вот так? — небрежно спросил он, и это вызвало шок неуверенности, пронзивший меня.

В типичной для меня манере я превратила эту неуверенность в гнев. — Что не так с тем, что на мне надето? Если тебе не нравится моя одежда, тогда, может быть, тебе не следовало приходить в мою квартиру и...

Фраза оборвалась, когда его большая ладонь коснулась моей груди, пробежав по затвердевшему от холода соску, который не был скрыт под тканью лифчика.

Я почувствовала, что задыхаюсь, мои глаза нашли его, ожидая увидеть веселье или поддразнивание. Но все, что я могла видеть — это жар. Его пристальный взгляд удерживал мой, его большой палец двигался, поглаживая точку, которая внезапно стала твердой по совершенно другой причине.

— Брейкер... — выдохнула я, и он тяжело выдохнул, опустив руку.

— Просто говорю, что его глаза будут все время смотреть на твои сиськи.

И с этими словами он вышел и захлопнул дверь.

Я судорожно вздохнула и медленно вышла на улицу, обошла грузовик и поспешила внутрь здания.

Высокая, подтянутая, потрясающе сексуальная блондинка за стойкой регистрации окинула меня взглядом, прежде чем остановиться на Брейкере и одарить его душераздирающей улыбкой. Что, на мой взгляд, было невероятно непрофессионально с ее стороны. Понимая, что он со мной. Черт, он только что немного перебрал с толстовкой в машине за несколько секунд до этого.

— Чем я могу вам помочь? — спросила она таким тоном, как будто ее услуги могли бы включать минет, если бы он попросил очень вежливо.

— Нам нужно увидеть Шейна, — сказала я, и ее глаза снова скользнули ко мне, одна из ее идеальных светлых бровей приподнялась.

— Мистер Маллик не...

— Скажи ему, что это Алекс, — оборвала я ее. — И скажи ему, что это важно.

Она сжала губы, как будто пыталась сдержать свое мнение при себе, подняла трубку и начала говорить в нее.

— Он сейчас выйдет, — сказала она мне, затем снова сосредоточилась на Брейкере, делая очень медленный, очень тщательный осмотр. — Могу я спросить, как ты

поддерживаешь форму?

— Он разбивает черепа, — произнес знакомый голос, раздавшийся рядом.

Я обернулась и увидела, как подошел Шейн.

Есть одна вещь о Шейне Маллике, которую все знают (помимо того факта, что если бы он появился у вашей двери с ломом, вам нужно было посмотреть на свои коленные чашечки, поблагодарить их за службу за всю жизнь и поцеловать их на прощание), это то, что он был большим. Огромным. Человек-мамонт. Да, потому что он был высоким, но также и потому, что он владел тренажерным залом и проводил в нем много времени. Он, как и все братья Маллик, был до смешного хорош собой. Все черноволосые и светло-голубоглазые. И, как и все остальные братья Маллик, он был злобным, жестоким, безжалостным, пошлым и чертовски обаятельным.

— Шейн, — сказал Брейкер, кивая головой на подошедшего мужчину.

— Брайан, — ответил Шейн, кивнув.

Брайан?

Брайан?

Какое ручное, нормальное имя для такого дикого, необычного человека.

Он сказал мне, что его фамилия Брейкер.

Так что это сделало его Брайаном Брейкером.

Черт, это даже звучало как имя преступника. У него никогда не было шанса на честную жизнь.

— Какого хрена ты делаешь... — сказал он, его взгляд остановился на мне. И я в ошеломленном молчании наблюдала, как его лицо превратилось из обычного горячего парня в дьявольски красивого флиртующего. И, позвольте мне сказать вам, это было чертовски интересное зрелище. — Алекс, детка, — сказал он, его глубокий голос проникал мне под кожу. Затем он двинулся к Брейкеру, хлопнув его при этом по плечу, и встал рядом со мной. Нет, не рядом со мной. Он занял все мое пространство. Моя грудь практически касалась его груди. И, как и предсказывал Брейкер, его взгляд переместился прямо на мои сиськи, прежде чем медленно скользнуть вверх, чтобы найти мое лицо.

— Привет, Шейн, — сказала я, раздраженная тем, что мой голос прозвучал немного легкомысленно. Я действительно не хотела его. Ни в малейшей степени. Я знала его репутацию. Он был настоящим кабелем. Но кто-то не сказал моему очень сбитому с толку либидо, что сейчас самое подходящее время для того, чтобы оно исчезло.

— Шейн, — прорезался женский голос, и я увидела, как улыбка тронула его губы, услышав это. — Убери свои глаза от ее гребаных сисек и сделай шаг за пределы ее личного пространства, или я отрублю тебе яйца и буду носить их как серьги.

И вот тогда я ее увидела.

И она заставила Барби из тренажерного зала выглядеть как деревеньщину.

Потому что она была просто... чертовски сексуальна.

Мне даже не нравились цыпочки, но, черт возьми, она нравилась.

Она была выше меня, где-то около пяти футов восьми дюймов, я бы предположила, с впечатляющей фигурой, тонкой талией, великолепными бедрами и задницей, и стройными ногами. И ее лицо... у нее были пухлые губы, темные брови и глаза, которые можно было описать только как «соблазнительные». Ее длинные волнистые каштановые волосы рассыпались по плечам, когда она подошла к Шейну, сильно толкнула его плечом и улыбнулась мне. — Теперь его член принадлежит мне, — сообщила она мне, подняв на него

глаза. — Иногда ему просто нужно напоминать. — Она протянула мне руку. — Я Леа.

— Алекс, — сказала я, слегка улыбнувшись.

— Алекс, — повторила она. — Ты же не хочешь его, верно? — спросила она, наклоняя голову к ее... парню?

— Нет, — сказала я, слегка качая головой.

— Видишь? Она не хочет тебя, — сказала она ему, приподняв бровь.

— Конечно, когда ты появляешься, как сумасшедшая.

— Ты хотела трахнуть его в последний раз, когда была здесь? — настаивала Леа.

— Эм... нет, — честно ответила я.

Шейн приложил руку к сердцу, изображая боль, но улыбнулся мне. Затем он обнял Леа за плечи, притянул ее к себе и крепко поцеловал. Я имею в виду... там был язык.

— Ну, теперь, когда с этим покончено, — вмешался Брейкер впервые с тех пор, как Шейн заметил меня. Он полез в карман, вытащил цепочку с ключом и помахал ею Шейну.

Взгляд Шейна остановился на нем, затем быстро направился ко мне, приподняв бровь. И вопрос там был ясен — ты действительно с ним или есть проблема?

— Попала в неприятности, — призналась я. Это было достаточной правдой. — Мне нужны мои вещи, чтобы исправить это.

— И он помогает? — спросил Шейн, не выглядя ни в малейшей степени убежденным. Мои глаза скользнули к девушке на ресепшене, и Шейн кивнул головой в ее сторону. — Исчезни на пять минут, — сказал он ей, и она, раздраженная, сделала это.

— Я тоже не думаю, что хочу это слышать, — сказала Леа, выскользывая из-под руки Шейна. — Я собираюсь пойти к Фи и посмотреть, какие жуткие секс-звонки она получает сегодня.

И без дальнейших объяснений она ушла.

— И так проблемы? — подсказал Шейн.

— Ну, Брейкер был нанят Лексом, чтобы, эм, похитить меня.

— Блядь, серьезно? — спросил Шейн, переключая свое внимание на Брейкера. — Я думал, ты не имеешь дела с женщинами.

— Я, блядь, не знал, — ответил Брейкер, начиная выглядеть почти усталым. — Они схватили Шота. Какой, блядь, у меня был выбор?

На это Шейн пожал плечами. — Понятно. Давай пойдем заберем твои вещи, — сказал он мне, затем провел нас через свой спортзал в заднюю комнату, отпер дверь и впустил нас внутрь. Он прислонился спиной к стене, когда я взяла ключ из руки Брейкера, изо всех сил стараясь не прикасаться к его коже, и, судя по улыбке, которую я получила... он точно знал, почему. Я отвернулась от него, подошла к своему шкафчику и открыла замок.

— Вы двое трахаетесь? — спросил голос Шейна, заставив меня подпрыгнуть и повернуться так, что это выглядело почти... виновато.

— Что? Нет! — я ответила немного писклявым голосом. Затем, более спокойно. — Он похитил меня сегодня около трех часов утра, — сказала я.

Услышав это, Шейн рассмеялся. — Черт возьми, детка, я видел, как он подцепил девушку меньше чем за три минуты.

Ох.

Хорошо.

Тогда ладно.

— Только я не эта девушка, — твердо сказала я, доставая маленькую коробочку из

шкафчика и оставляя его открытым. Мне больше не нужно было им пользоваться.

Бровь Брейкера была поднята в ответ на это высказывание. И его взгляд упал на коробку. — Что там внутри?

Я положила ее на стол в комнате отдыха, откинула крышку, чтобы показать две дюжины USB-накопителей.

— Дерьмо, — сказал Шейн. — Это все грязь, не так ли?

— Да, — сказала я, кивая.

Глаза Брейкера поднялись к моим. — Куколка, как долго ты над этим работаешь?

— Десять лет, — автоматически ответила я. — Мне было шестнадцать, когда моя мать покончила с собой из-за этого уroda. Я хотела убедиться, что ему это не сойдет с рук.

— Что сойдет с рук? — спросил Брейкер, его голос был почти... нежным.

— Покончить со всем этим. Изнасилования. Убийства. Все. Я хочу, чтобы он заплатил.

Глаза Брейкера смягчились, чтобы соответствовать его тону: — Алекс...

— Хорошо, — сказал Шейн, прерывая момент, — я не могу быть вовлечен в это. Не напрямую. Не втягивайте мою семью в разгар войны, — сказал он, направляясь к двери. Его глаза наши мои. — Удачи, детка. — Он переключил свое внимание на Брейкера. — Будь умным, или ты потеряешь их обоих, — сказал он ему и вышел.

— Хорошо, — сказал Брейкер, его тон вернулся к нормальному, и мне стало почти грустно из-за потери мягкости. — Давай убираться отсюда. Нам нужен твой ноутбук, чтобы посмотреть на это дерьмо, или мой подойдет?

— Любой ноутбук подойдет, — сказала я, пожимая плечами. Не имело значения, на чем ты их открывал. Единственной гарантией был тот факт, что я была единственной, кто знал пароли или ключ для открытия каждой из них.

— Хорошо. Тогда пойдем ко мне, — сказал он, повернулся и рванул через спортзал.

Мне пришлось бежать трусцой, чтобы не отстать от него, наблюдая за его напряженными плечами с растущим чувством неловкости.

Потому что мне показалось, что в той комнате отдыха что-то изменилось.

Но я понятия не имела, черт возьми, что это было.

Глава 7

Брейкер

Алекс снова натянула толстовку, как только мы сели в грузовик. Отчасти потому, что было холодно, но в основном из-за инцидента, когда я лапал ее за сиськи ранее.

Она не ошиблась, когда прикрылась.

Мне бы хотелось закончить то, что я начал.

Я не знаю, что, черт возьми, с ней было — почему я, казалось, не мог оторвать от нее своих рук. Но я не мог. Так что было лучше, чтобы она сохранила как можно больше слоев.

Если она обуздает этот чертовски сексуальный настрой, нам будет только лучше.

Мне нужно было перестать думать о том, чтобы залезть к ней в штаны, и сосредоточиться на составлении плана, как попытаться вытащить всех нас из этой ситуации живыми. Что, ну, было чертовски непросто.

Но, может быть, чтобы, черт возьми, у нее ни было на всех этих USB-накопителях, это сделает все менее сложным.

— Это твой дом, не так ли? — спросила она впервые с тех пор, как мы сели в машину. Сорок минут тишины, мы оба погрузились в собственные мысли.

Она указывала на вершину холма, где стоял одинокий дом. Не большой. Простое кирпичное строение с двумя спальнями на склоне, что было почти невозможно.

— Почему ты так решила? — спросил я, сворачивая на усыпанную камнями боковую дорогу. Я сам укладывал камни, вытаскивая их из кузова своего грузовика каждый день в течение нескольких недель. Это делало почти невозможным бесшумно подойти к моему дому.

— Потому что ты такой... ты знаешь...

— Преступник? — подсказал я, скосив на нее глаза и улыбаясь.

— Ну, да. Я имею в виду... ты связан со многими плохими людьми. Кажется, это важно жить в доме, где ты можешь видеть, приближается ли кто-нибудь на милю вперед.

— Так и есть, — подтвердил я, разворачивая грузовик к задней части и паркуясь. — Это так... выгодно иметь кирпичные стены и пуленепробиваемое стекло.

Услышав это, она хихикнула. На самом деле... блядь... хихикнула.

И черт возьми, если бы это не звучало как музыка.

— Что? — спросил я, борясь с улыбкой.

Она попыталась сдержать смех, проиграла и пожала плечами. — Я вижу, что многие люди пытались тебя убить, вот и все, — сказала она, улыбаясь шире.

Я усмехнулся, покачал головой и вылез из машины. В основном потому, что если бы я этого не сделал, то затащил бы ее на свое место и целовал бы эту умную ухмылку прямо с ее лица.

Из-за силы притяжения? Да, это становилось проблемой.

Мне нужно было сосредоточиться.

И ее милое маленькое «я не делало это легким».

Я открыл входную дверь, ввел пин-код в систему безопасности, когда она непрерывно сигналила о своем предупреждении, затем отошел в сторону, чтобы впустить Алекс.

В моем доме было уютно. Это был мой единственный дом, когда я наконец-то купил его — я хотел жить в уютном месте, когда я не был в дороге и не ночевал в старых мотелях.

Прямо и налево находилась кухня, шкафы светло-вишневого цвета, столешницы из белого и красного мрамора. Все полы были покрыты широкими досками из лиственных пород средней тонировки. Они тянулись от кухни слева к гостиной справа, двойные двери вели на задний двор. У меня был большой плоский экран в развлекательной зоне, уставленной бесконечными DVD-дисками, напротив черного кожаного дивана и потертого кофейного столика, которым я никогда не стеснялся подпирать свои ботинки. У дверей была пара плетеных ковриков землистого оттенка, лежавших там, так что я не перемазывался грязью в ботинках, так как не был большим поклонником мытья полов.

Я оглянулся и увидел, что Алекс оглядывается по сторонам, ее брови сошлись вместе, образуя две маленькие вертикальные впадины между ее темными бровями. — Что?

Она снова посмотрела на меня. — Просто это не то, чего я ожидала, — призналась она, но в ее голосе была странная печаль. — Как часто ты здесь останавливаешься?

Я пожал плечами. — Несколько дней в месяц. Зимой дольше, когда я не хочу так много путешествовать.

На это она кивнула, направляясь в мою гостиную и просматривая мои DVD-диски.

— В чем дело? — спросил я, заметив ее опущенные плечи.

Она пожала плечами. — Я была сама по себе с тех пор, как мне исполнилось семнадцать, — призналась она, ее голос был далеким. — А... все, что у меня есть, может

поместиться в пару коробок.

Иисус. Она завидовала моему дому. Маленький и простой, каким бы он ни был. Ее жизнь была еще более пустой, чем моя.

Я подошел к ней сзади, наблюдая, как ее пальцы водят по корешкам коробок с DVD. Я положил руку ей сзади на бедро, на этот раз не сексуально. Всего лишь прикосновение. — Ты должна когда-нибудь пустить корни, Алекс.

— Да, может быть, как только Лекс исчезнет из поля зрения раз и навсегда, — сказала она, отстраняясь от меня. — Так где же твой ноутбук?

Момент был упущен. Ее щиты снова были подняты.

— Как насчет того, чтобы ты приняла душ? Я приготовлю кофе и немного еды, а потом мы сможем приступить к работе.

Она повернулась ко мне, качая головой. — Тебе нужно... освежить в памяти уроки похищения. Я почти уверена, что ты не должен предлагать мне душ и еду.

— Как насчет того, чтобы с этого момента притвориться, что я не твой похититель? Мы работаем вместе, если только нам не придется притворяться, что это не так.

На это она лишь пожала плечами. — Хорошо. Я могла бы принять душ. Пол в том вагоне был грязный.

Я кивнул, ведя ее по коридору в ванную, оставив ее на секунду, чтобы я мог пойти и взять ей футболку, чтобы она могла ее надеть. Штаны были бы бесполезны, она была слишком маленькой, чтобы мои вещи оставались на ее ногах без того, чтобы она не держала их на месте.

И я очень старался не думать о том, что она будет без трусиков и лифчика под одной из моих футболок, когда я пошел на кухню и начал готовить завтрак.

Я умел готовить. Когда того требовали обстоятельства. Находясь на окраине цивилизации, соблазн еды на вынос становился менее возможным. Поэтому я придумал, как собрать кое-что вместе, чтобы прокормить себя.

Я остановился на омлете, картофеле по-домашнему и тостах, и принялся за работу, пока капал кофе.

Дверь ванной открылась, когда я потянулся за тарелками.

И она вышла.

В одной только футболке.

Она была ей велика, ее худоба была примерно вдвое меньше, чем мой размер. Но не длинная. Может быть, до середины бедра. Открывая мне прекрасный вид на ее длинные ноги.

— Я не могу поверить, что ты готовишь, — прокомментировала она, войдя на кухню и потянувшись за кофейником, наливая кофе в две чашки, которые я оставил перед ним.

— Почему?

— Я не знаю. Наверное, потому, что я никогда не знала никого, кто умел бы готовить

— Даже твоя мама?

— Нет. Я имею в виду... нет, если только такие вещи, как спагетти и замороженная пицца, не считаются.

— Не считаются, — уточнил я.

— Тогда нет.

— Ну, в этом нет ничего особенного, — сказал я, когда она взялась за мою руку, чтобы взглянуть на еду на плите, — это не так уж и плохо.

— Пахнет хорошо, — заключила она, затем отодвинулась. К счастью, потому что она вся была пропитана запахом моего мыла, и это было немного слишком интимно. — Где твой ноутбук? Я могу показать тебе кое-что, пока мы едим.

— Ящик под телевизором, — сказал я, раскладывая еду по тарелкам.

Я поставил еду на кофейный столик, вернулся за чашками кофе, и когда я добрался туда, она уже залезла в мой компьютер. И я имею в виду... без проблем. Взломав все пароли.

— Какого хрена?

— Ты должен использовать буквы и цифры, ты знаешь. Я имею в виду... не то чтобы это помогло бы, но все же...

Я покачал головой, протягивая ей вилку и наблюдая, как она кладет ноутбук на колени и балансирует тарелкой на подлокотнике дивана, как будто она делала это тысячу раз раньше.

— Так что у тебя есть?

Она полезла в коробку, наугад вытащила USB-накопитель и вставила его в разъем. Я наблюдал, как она набрала код доступа, который, казалось, состоял по меньшей мере из тридцати цифр, ее пальцы двигались по клавишам так быстро, что я не мог даже уловить два из них вместе взятых.

Экран ожил. И там были папки за папками, каждая запаролена по отдельности. И даже когда она открыла одну из них, они были закодированы. Она была осторожна. Я оценил такое внимание к деталям.

— Просто нужно... О боже, — простионала она, запрокидывая голову и закрывая глаза. — В этом нет ничего особенного? — спросила она, пережевывая еду и закатывая на меня глаза. — Что черт возьми ты положил в картошку?

— Только лук и специи, куколка, — сказал я, пожимая плечами.

— Если я переживу все это, мне нужно научиться готовить.

— Мы переживем это, и я научу тебя.

Ого.

Какого хрена?

Я научу ее готовить?

Что, черт возьми, это было?

Я никого ничему не учил.

Я, конечно, не позволял женщинам слоняться вокруг и резать лук вместе со мной.

Иисус Христос.

— Я могу поймать тебя на слове, — сказала она почти застенчиво, снова переключив внимание на ноутбук, открыла какое-то окно и быстро набрала, пока страница внезапно не обновилась и код не исчез.

— Святое дерьмо, — сказал я, ставя свою тарелку обратно на кофейный столик и наклоняясь ближе. — Это то, о чем я думаю?

— Некоторое время назад я впустила неприятный маленький вирус на его мобильный телефон и компьютер. Я тут сама немного покопалась. Это список компромата, который у него есть на все организации в этом районе. Вот как он держит их под ногтем.

— Как, черт возьми, ты попала в его систему?

На это она фыркнула, качая головой. — Я отправила ему электронное письмо с адреса, который был в одном письме от одного из его обычных контактов, чтобы он не заподозрил ничего. И я послала ему ссылку на снафф-видео (прим. перев.: Снафф-видео (англ. Snuff

film) — короткометражные фильмы, в которых показаны настоящие убийства, без использования спецэффектов. Распространяются с целью развлечения и извлечения финансовой выгоды. По мнению ряда экспертов, снафф-видео является популярным мифом, так как нет никаких доказательств его реального существования, но бывают пограничные случаи, например, существуют коллекции случайно заснятых несчастных случаев со смертельным исходом или съёмки казней).

— Снафф-видео? — спросил я, нахмутив брови.

— Да, ты знаешь... как порно, где в конце убивают девушку. Но это не порно. Это реальность.

— Ал, я знаю, что такое снафф-видео, куколка. Я просто не думал, что оно на самом деле существует.

— О, оно существует, — сказала она с таким авторитетом, что у меня больше не возникало вопросов на эту тему. — Между прочим, я не посылала ему настоящее. Все, что ему нужно было сделать, это нажать на ссылку, и вирус был в его системе. Это фактически отправило его на видео о протестах против сексуального насилия.

— Так что ты получила от него?

— Это, — сказала она, закрывая файлы и извлекая USB-накопитель, — вместе с финансовыми записями и фотографиями.

— Фотографии?

Как только я спросил про это, она побледнела. Она протянула свою тарелку и поставила ее на кофейный столик, съев только половину, как будто потеряла аппетит.

— Да, фотографии, — сказала она, роясь в поисках USB. Когда она нашла его, она протянула его мне, но не включила его.

— Что это за фотографии, Алекс?

Она с трудом сглотнула. — Женщины.

Я был почти уверен, что знаю, к чему ведет эта информация, но мне нужно было подтверждение. — Куколка...

Она глубоко вздохнула, посмотрела на клавиатуру и стала печатать на ней.

— Фотографии женщин в разных степени раздетости. Подвергнутые различным формам пыток. Самое ужасное — женщины в момент изнасилования.

— Иисус, блядь, Христос.

— Да.

— Можем ли мы что-то сделать с такого рода информацией? — спросил я.

— Я думала об этом, пока принимала душ, — призналась она, и образ ее обнаженной мелькнул у меня в голове, прежде чем я очень сознательно оттолкнул его.

— Пришла к каким-либо выводам?

— Я могла бы выложить это там.

Она сказала «там» таким тоном, что подразумевалось, что в этом есть какой-то смысл. Только одного я не понял. — Где там?

— В даркнете (прим. перев.: Даркнет (DarkNet, «темный интернет») — скрытая сеть интернет-соединений, существующая параллельно обычному Интернету). Теневой интернет. Называй это как хочешь.

Я слышал об этом. Любой, кто делал что-то противозаконное в своей жизни, вероятно, был там. Это было место для таких людей, как Алекс. Хакеры. Люди, которые делали дерьмо, которое они не смогли бы сделать в обычных браузерах. И другие мелкие

преступления — бесконечные пиратские материалы. Порно. Правительственные документы. Но, кроме того, он был и для других вещей. Самое худшее дерьмо. Продажа оружия. Продажа наркотиков. Торговля людьми. Педофилия. Черт, даже для того, чтобы заполучить органы с черного рынка.

— И как бы это помогло?

На это она пожалала плечами. — Это могло бы обрадовать нужных людей. Они были бы удивлены. Есть много людей, которые активно пытаются прикрыть подобные вещи. Операции, которые другие люди слишком боятся брать на себя. По большому счету... я никто. Мои навыки жалки по сравнению с тем, что могут сделать некоторые из этих людей. И некоторые из них не просто маньяки за экраном компьютера. Это люди, которые... могут творить невероятное дерьмо. Если я смогу разыскать их, заинтересовать, может быть, они возьмут дело в свои руки.

Я не мог с ней не согласиться. За последние несколько лет во всех новостях появилось много хакеров, называющих себя хактивистами (прим. перев.: Хактивизм — использование незаконными способами компьютеров и компьютерных сетей для продвижения политических идей, свободы слова, защиты прав человека и обеспечения свободы информации). Уничтожение федеральных веб-сайтов, возвращение интернета в Египте, когда правительство его закрыло, обнародование имен членов ККК (прим. перев.: Ку-клукс-клан), троллинг организаций, пока они не уступали любым требованиям, которые выдвигали хакеры. Они были сильны в том, чего я не понимал, но знал достаточно, чтобы уважать.

— Сколько времени это займет?

— Не могу сказать, — сказала она, печатая, пока мой экран не потемнел, и на каком-то сайте не открылся форум под названием «обмен информацией». — Может пройти несколько минут. Может пройти несколько дней. Но попробовать стоит.

Я должен был согласиться, так как это было все, что мы могли сделать

Поэтому она принялась за работу, время от времени выкапывая USB, открывая определенные файлы, добавляя их в сообщение, которое она создавала. Криминальные сводки об избитых и изнасилованных женщинах с описаниями нападавшего, в которых подробно описывался очень специфический шрам, пересекавший его грудь. Она нашла фотографию Лекса без рубашки и разместила ее рядом с отчетами, со шрамом через всю грудь. Затем она открыла USB-накопитель, который заставил ее побледнеть, она открыла папку с надписью просто «лица» — и загрузила полдюжины снимков женщин с их истерзанными лицами.

Она закончила сообщение, объяснив свою ситуацию. Кем она была, указав не ее настоящее имя. Что она работала над своим делом в течение десяти лет. Что она была скомпрометирована и за ее голову назначена цена. Опуская ту часть, которая касается меня. Подробно описывая, сколько еще компрометирующих файлов у нее было по этой теме. Затем оставила просьбу всех связаться с ней.

Что, по-видимому, будет сделано с помощью какого-то зашифрованного чата, который она собиралась оставить открытым на моем ноутбуке, чтобы следить за ним.

— Теперь мы ждем, — сказала она, ставя ноутбук на кофейный столик и потянувшись за своим холодным кофе. С минуту она молчала, созерцая черный экран. — Как ты думаешь, сколько у меня времени?

— Что? — спросил я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на нее.

— Прежде чем Лекс наконец решит приехать за мной. Как долго?

Это был хороший вопрос. Тот, который я сам рассматривал. Он не выглядел так, будто торопился, когда говорил мне о сделке. И, может быть, это было потому, что он хотел, чтобы я больше беспокоился о Шоте. Чем больше проходило времени, тем больше было шансов, что он попадет в беду. Если бы Лекс заставил меня попотеть, может быть, я был бы более сговорчив отдать Алекс.

По крайней мере, это было все, что я мог придумать в любом случае.

Больше ничего не имело смысла.

— Думаю, не больше, чем пара дней, — признался я. — Максимум три.

Алекс просто кивнула. Никакой истерики. Никакой реакции.

— Ты случайно не достал...

Услышав это, я вздохнул, полез в передний карман и вытащил пакетик с белым порошком. — Это хорошее дерьмо. Сильное. Треть этого может привести к передозировке, — я протянул ей его, — никогда раньше не покупал наркотики, — признался я, глядя на пакетик.

— Ну, по крайней мере, это было ради благого дела, — попыталась она разрядить обстановку.

— Куколка, ты умрешь... это не благое дело.

Она отвернулась от меня, взяла ботинок, слегка оторвав подкладку от лодыжки, чтобы просунуть пакетик между подкладкой и кожей. Легкий доступ, но не заметный.

— Алекс, — позвал я, наблюдая, как она безучастно смотрит в другой конец комнаты.

— Что? — спросила она отстраненным голосом.

— Посмотри на меня.

Она резко выдохнула и повернула голову. И там просто... ничего не было. Никакой печали. Никакого ужаса. Опять же, только ее мрачная покорность своей судьбе.

— Иди сюда, — сказал я, протягивая ей руку.

— Что? — спросила она, сдвинув брови.

— Иди сюда, — повторил я.

— Зачем? — спросила она, но ее тело слегка повернулось. Даже не зная почему, ее тело хотело быть ближе к моему.

— Потому что я покажу тебе одну из многих причин, почему ты должна быть расстроенной, если ты не будешь жить. — Ее глаза не отрывались от моих, видя мои намерения и взвешивая, собирается ли она подчиниться им или нет. — Семьдесят два часа, куколка, — продолжал я. — Мы оба можем быть мертвы. Нахрена мы тратим время?

Ее глаза на секунду скозились на ноутбук, не видя никакой активности, затем ее взгляд упал на меня. Я увидел это раньше, чем она. В учащенном и неглубоком дыхании. В ее слегка приоткрытых губах. В ее глазах с тяжелыми веками.

Она сглотнула, облизнула губы, затем сократила расстояние между нами.

Глава 8

Алекс

Я знала, что он имел в виду. В ту секунду, когда он сказал мне идти к нему, я поняла. Это было в его голосе. Низком. Глубоком. Почти нежном. И это вызвало волну желания во мне.

Вопрос был в том... хотела ли я пойти к нему? Зная, что это не будет еще один поцелуй. Зная, что его пальцы скользнут вверх по моему бедру, найдут сладкое местечко и

поработают над ним. Зная, что на этом дело не остановится. Что в течение следующего часа я узнаю, каково это — чувствовать его внутри себя.

И хотело ли этого мое либидо? Черт возьми, да.

Но сделаю ли я это?

У меня было около тридцати секунд, чтобы ясным и рациональным умом решить, было ли это невероятно извращенным и глупым... или лучшим решением, которое я могла принять.

У меня уже был секс раньше. Однажды, когда мне было шестнадцать. С одним из старших детей, живущих в детском доме. Я действительно не знаю, почему. Я не была готова. Я едва имела представление о понятии секса, не говоря уже о возможных физических и эмоциональных последствиях. Я давно научилась винить во всем горе, потерю всего, и испытывала потребность снова почувствовать себя живой.

Дэнни он был высоким и сильным, с темными волосами и пронзительными зелеными глазами. С того момента, как я вошла в общую комнату, его глаза были прикованы к моим. Позже я узнала, что это было потому, что он трахал всех новых цыпочек при условии, что они выглядели хотя бы наполовину прилично. Но в то время я думала, что я особенная.

Потому, что он начал вертеться вокруг меня, мило болтая, используя детскую нежность, как будто чувствуя (скорее всего, зная по предыдущему опыту), насколько я хрупка.

Пару дней спустя я легла в его постель. Он раздел нас обоих, надел презерватив, который был в камуфляжной обертке с надписью: «Не дай им увидеть, как ты кончаешь!», и вошел в меня. Как и следовало ожидать (ведь я была совершенно бестолкова), это было чертовски больно. Но, к счастью, все закончилось менее чем за пять минут.

Позже я узнала, что, пока он трахал меня, его приятели воровали мои вещи.

Через несколько дней меня перевели в приемную семью.

Я больше не занималась сексом, пока мне не исполнилось девятнадцать. Хотя у меня и был неудачный повторный случай, когда я отбивалась по крайней мере от трех своих приемных отцов, а затем притворялась, что не замечаю, как четвертый заходит и дронит, наблюдая, как я «сплю».

Парня, когда мне было девятнадцать, звали Гленн, и он потратил время на то, чтобы усадить меня и научить всему, что касается компьютеров и хакерства, чему я еще не научилась — навыкам, которые позволили бы мне зарабатывать этим на жизнь. И собрать более подробную информацию о Лексе.

Наверное, можно сказать, что я трахнула его из благодарности. Мне больше нечего было предложить.

И он был достаточно мил. Двадцати пяти лет, невысокого роста, довольно пухлый, с бледной кожей и большими очками в черной оправе. Он мог бы быть симпатичным, если бы приложил хоть какие-то усилия к своей внешности или гардеробу. Не было никаких грубых рук и неистовых ударов члена, которые делал мой первый партнер. У Гленна были горячие и стесняющиеся руки. И они прикасались ко мне мягко, нерешительно. И его член казался только наполовину твердым, когда он вошел в меня, двигался в течение нескольких минут, издал сдавленный звук в горле и кончил.

Таким был секс для меня.

Так что опыт не совсем подсказывал, что это будет хороший способ провести то небольшое время, которое у меня, очевидно, осталось.

Но, как бы то ни было, Хороший Парень Гленн и Придурок Дэнни не были Брейкером.

Они были мужчинами-мальчиками. Они были парнями с членами и понятия не имели, как ими пользоваться.

Что-то подсказывало мне, что Брейкер знал, как использовать его.

И мое тело отреагировало на это.

Раньше оно никогда так не делало.

Секс был странным отстраненным ощущением.

Определенно не горячим.

Ничего похожего на огонь, который я чувствовала, когда губы Брейкера были на мне.

И если он мог сделать это одними губами, что он мог сделать со всем остальным?

Может быть, я должна была это попробовать.

С этими словами я поджала ноги под себя и двигалась, пока не опустилась на колени рядом с его телом на диване, мои колени прижались к его бедру.

Его глаза нашли мои за секунду до того, как схватил меня руками за бедра и грубо потянул, пока я не оседлала его талию.

У меня было почти ослепительное осознание того, что я была полностью обнажена под его футболкой, прежде чем его пальцы поднялись по мои бедрам, вызвав гортанный стон с моих губ и заставив меня забыть обо всех неважных вещах, таких как трусики.

Мои руки легли ему на грудь, прижимаясь чтобы успокоиться, и для того, чтобы почувствовать связь с ним.

Он едва прикасался ко мне, и я чувствовала пульсирующее желание между моих бедер.

— Ты хочешь большего, тебе придется принять это, — сказал он, заставляя мое тело слегка дернуться назад. Принять его? Что принять? Словно почувствовав мое замешательство, он добавил: — Я не медленный и ласковый любовник, куколка. Я трахаюсь жестко и грубо, и ты, вероятно, получишь несколько синяков вместе с воспоминаниями. Ты принимаешь это? Ты этого хочешь? Тогда тебе нужно сделать первый шаг.

Оу.

Хорошо.

Тогда ладно.

Я была почти уверена, что хотела этого.

Раньше меня никто не спрашивал. Придурок Дэнни набросился на меня. Застенчивый неловкий Гленн как бы просто возился, пока я не ответила. Как-то так.

Я была почти уверена, что смогу сделать этот шаг. Я не была уверена, какой инициативы он ожидал, но я медленно наклонилась вперед, мои руки сильнее прижались к его груди, когда мои губы прижались к его.

Очевидно, этого было достаточно.

Он обхватил мою поясницу и сильно прижал мое тело к своему. Затем одной рукой крепко схватил меня сзади за шею, когда наклонил голову и углубил поцелуй, его зубы сильно зацепили мою нижнюю губу и потянули. Не готовая к такому, я дернула бедрами, потираясь о его, обнаружив, что его член сильно напрягся под материалом джинсов.

Язык Брейкера скользнул в мой рот, повторяя тот же хищный брачный танец, что и в прошлый раз, обещая и требуя чего-то. Я подняла руки к его плечам, чувствуя, что мне нужно держаться. Рука, обнимающая меня за поясницу, напряглась и надавила вниз, пока я не почувствовала, как обнаженная чувствительность моей киски соприкасается с грубым материалом, сдерживающим его член. Вздох сорвался с моих губ, и рычание вырвалось из него, его рот оторвался от моего, его глаза удерживали мои, когда он притянул мои бедра к

своей твердости.

Я вцепилась в его плечи, мой рот открылся в порыве вдоха.

Его рука отпустила мою шею, его пальцы двинулись вокруг нее, чтобы слегка коснуться кожи возле ключицы, отчего по моему телу пробежала дрожь.

— Ты такая чувствительная, — сказал он, его голос был еще глубже, чем обычно, и от этого по телу пробежала дрожь, которую он не мог видеть, но я чувствовала это слишком ясно. — Руки вверх, куколка, — проинструктировал он, обе его руки скользнули вниз, чтобы устроиться на подоле футболки, которая была задрана высоко на моих бедрах. Мои руки поднялись над головой, и без всякого притворства он сорвал материал с моего тела, оставив меня голой на нем, в то время как он все еще был полностью одет. — Твою мать, — сказал он себе под нос, его руки легли по бокам моих бедер, в то время как его глаза блуждали по моему телу.

У меня никогда не было особых причин чувствовать себя неуверенно. Учитывая, что я проводила почти все свое время в одиночестве, надевая все, что хотела, отказываясь от макияжа, почти не утруждая себя тем, чтобы несколько дней расчесывать волосы, мне никогда не приходило в голову что-то чувствовать к своему телу.

Я знала, что большинство на моем месте чувствовали бы себя неловко.

Но ледяные голубые глаза Брейкера окинули меня взглядом, как будто я была чем-то удивительным, чем-то, что нужно запомнить, чем-то, что он никогда не хотел забывать.

Так что мне даже в голову не пришло, что я должна скрывать это от него. Или даже хочу этого.

Его руки скользнули вверх по моим бедрам, вверх по бокам, затем остановились, растянувшись на моей грудной клетке, кончики его больших пальцев коснулись нижней части моей груди.

Его глаза поднялись к моим и задержались, когда его руки поднялись и обхватили мою грудь, сильно сжимая. Мои соски затвердели под его ладонями, и моя грудь внезапно налилась тяжестью, тяжестью, которую я никогда раньше не испытывала.

Мои брови вопросительно сошлись на переносице, но прежде чем он успел заметить выражение моего лица, он уже двигался. Поднимаясь со своего места, и прижимая меня спиной к подушкам дивана, и опускаясь на меня сверху, его губы снова овладевают моими.

Мои ноги боролись под его ногами, пытаюсь освободиться. Он поставил колени между ними, подняв часть своего веса, и я вытащила их из-под него и обернула вокруг его талии, снова притягивая его к себе. Он издал рычащий звук, когда его рот приподнялся, пробежав по моей шее, его борода обжигала мою кожу, когда его зубы покусывали ее.

И это было что-то новое.

Все, что я чувствовала, было новым. Станным. Но все равно как-то знакомым. Как будто это всегда было тут, спало под поверхностью, ожидая, что кто-нибудь это разбудит.

И оно проснулось.

И это было всепоглощающе.

Как будто я в огне. Вот каково было быть с Брейкером... как будто я горела, но блаженно погружаясь в это ощущение, желая погружаться все глубже и глубже, чтобы увидеть, где я окажусь, даже если бы это означало, что я превращусь в пепел.

Голова Брейкера наклонилась и опустилась промеж моей груди, его борода пощекотала чрезмерно чувствительную кожу, прежде чем его губы сомкнулись вокруг моего соска и сильно пососали. Я выгнулась дугой, толкая себя все глубже в его рот, моя рука схватила его

сзади за шею, прижимая его ко мне. Желая, нуждаясь в большем.

Его голова оторвалась, но только для того, чтобы переместиться и завладеть моим другим соском, посасывая в течение минуты, прежде чем впиться в него достаточно сильно, чтобы я взвизгнула и отдернулась.

На это он поднял голову, чтобы посмотреть на меня, дьявольская улыбка заиграла на его губах.

Он перенес свой вес на одно из предплечий рядом со мной, слегка приподнявшись над моим телом, чтобы дать ему доступ. Он наблюдал за моим лицом, когда его рука скользнула по моим ребрам, вниз по боку, по животу. Затем он сделал паузу, улыбка вернулась на его губы за долю секунды до того, как его рука скользнула между моих бедер, поглаживая мою промокшую промежность.

Все мое тело дернулось вверх, мой рот открылся, чтобы застонать, когда моя рука сильно хлопнула его по плечу.

— Чертовски промокла, — прорычал он, его палец скользнул вверх и нашел мой клитор, быстро обводя его.

Нет, раньше ничто и близко не было похоже на это.

Это ошеломляющее ощущение.

Такое чувство, что я вот-вот взорвусь и развалюсь на части.

И не желая ничего, кроме как испытать это.

Мое сердцебиение ускорилося. Мой пульс сильно бился в горле и висках.

Затем так же быстро, как он коснулся меня, он убрал палец, усмехнувшись, когда я захныкала и прижалась к нему бедрами. Он поднял руку, взял свой палец и сунул его в рот, пробуя меня на вкус.

Я почувствовала, как румянец заливает мои щеки, когда я беспомощно наблюдала за происходящим, одновременно смущенная и слишком возбужденная, чтобы отвести взгляд.

Он издал какой-то одобрительный гортанный звук, вытаскивая палец. — Помнишь, что я говорил о том, чтобы засунуть свой язык в какую-нибудь киску? — спросил он, удивив меня.

Я помнила. Казалось, я помню все, что он говорил.

— Что ты делаешь это, если она действительно сладкая? — я наполовину заявила, наполовину спросила я.

Он слегка кивнул. — У тебя чертовски сладкая гребаная киска, куколка, — сказал он, снова улыбаясь, когда переместил свой вес, наклонился и провел языком по центру моего живота.

Моя рука скользнула в его волосы, когда он двинулся вниз, склонив голову у моего бедра. Затем его зубы впелись во внутреннюю поверхность.

— Черт, — прорычала я, мои руки вцепились в его волосы. Затем его голова снова повернулась, и язык прочертил путь, который его палец прошел ранее, не колеблясь, не дразня, опустился на мой клитор, обводя его легким, но твердым нажимом. — О боже... — простонала я, мои бедра приподнялись навстречу ему, и спина выгнулась над подушками.

В моем сердце что-то сжалось, как будто катушку затянули слишком туго. Дыхание стало прерывистым и неглубоким, когда его язык повел меня вверх, все ближе и ближе к чему-то обещающему фейерверк.

Его губы обхватили клитор, нежно посасывая, заставляя меня подпрыгнуть под ним.

И вот тогда я это услышала. Раздался звонок. И почувствовала это. Вибрацию.

Прижимающуюся к моей икре. Зазвонил его сотовый.

Я почувствовала, как желание слегка отступает, открывая глаза, чтобы посмотреть на него сверху вниз. Но он либо не обращал на это внимания, либо просто игнорировал это, его губы отпустили чувствительную точку, а язык продолжил свою пытку. Его рука скользнула под него, и я почувствовала, как палец поглаживает мой вход, прежде чем быстро надавить и войти до упора.

— Брейкер... — я застонала, обеими руками схватившись за его голову.

В его сотовом на мгновение воцарилась тишина, прежде чем он снова зазвонил.

— Черт, — прорычал он, отрывая голову от меня, позволяя своим глазам подняться к моим. — Извини, детка... Я должен ответить, — сказал он, его палец выскользнул из меня, когда он сел у моих ног и вытащил свой сотовый из кармана.

Почти мгновенно я сжала бедра вместе, согнув колени под углом в одну сторону. Я плотно сжала их, чувствуя, как настойчиво пульсирует неудовлетворенное желание.

Я только наполовину осознавала это, так как моя нервная система, казалось, была в состоянии повышенной готовности, посылая искры энергии через мои нервные окончания, заставляя мое тело чувствовать, что оно дергается от этого ощущения.

— Йоу, — сказал голос Брейкеру в его телефоне, его глаза внезапно повернулись, чтобы посмотреть на меня, и, клянусь, я увидела сожаление, когда он наблюдал, как я изо всех сил пыталась вернуть контроль. А потом его лицо стало жестким. Вся мягкость покинула его глаза, и они стали ледяными. — Шот?

Последние остатки желания улетучились, когда я взлетела вверх, обхватив руками икры и пытаюсь подслушать разговор на другом конце провода. Глаза Брейкера все еще смотрели на меня, но почему-то не видели меня.

— Где ты находишься?

— Тогда как ты мне звонишь?

— Зачем?

— Он там?

— Прекрати пытаться разозлить их и расскажи мне подробности, чувак.

Разозлить их? С чего бы Шотеру пытаться разозлить парней Лекса?

— О чем договариваться?

Договориться? О чем он должен договориться? Знал ли он, что мы работаем вместе? Что мы делаем? Собирался ли он попытаться убедить Брейкера выдать меня?

Мой взгляд метнулся к ноутбуку, все еще находящемуся на форуме. Нет ответа. Но в этом не было ничего удивительного. Это было слишком рано. Мои глаза вернулись к Брейкеру.

— Ты будешь там?

Брейкер фыркнул, закатив глаза.

— Хорошо. Два часа. Тогда увидимся.

— Да?

Глаза Брейкера, казалось, внезапно сфокусировались на мне, изучая мое лицо, как будто он видел меня в первый раз.

— Я знаю.

А потом он убрал телефон от уха и засунул его обратно в карман.

Я сделала глубокий вдох, чувствуя, как у меня все внутри затрепетало, когда он сел. — Это был Шотер?

— Да.

— Пришло время встретиться с Лексом, — сказала я, надеясь, что страх не просочился в мои слова.

— Да, куколка.

— Хорошо, — сказала я, крепче прижимая колени к груди.

Брейкер увидел это движение, и его взгляд снова смягчился, выпустив задержанное дыхание. А потом он сделал самую странную вещь. Он наклонился к моему колену, наблюдая за мной, и прикусил его зубами.

— Надеюсь, у нас будет шанс закончить то, что мы начали, — сказал он, положив голову мне на колено. — Если нет... будет чертовски обидно. У тебя самая тугая гребаная киска, которую я когда-либо чувствовал.

Ладно.

Он это сказал.

И я почувствовала, как по моему телу пробежала еще одна дрожь.

Брейкер почувствовал ее и вздохнул.

— Мне нужно одеться, — тупо сказала я, наблюдая за ним.

— Да, — согласился он. — В старую одежду, — сказал он без всякой необходимости.

Моя рука потянулась к моему внезапно сильно скручивающемуся животу. — Лучше бы я этого не ела, — сказала я, глядя на еду на столе.

Рука Брейкера скользнула вниз по моей икре, приземлилась на лодыжку и сжала ее. — Я хотел бы сказать, что все будет хорошо... — начал он.

— Все в порядке, — сказала я, качая головой.

У него не было слов утешения, потому что их не было.

Не было никакого способа успокоить нервы.

Потому что не было никакого возможного положительного исхода ситуации.

Я собиралась умереть. Скоро. Так или иначе.

Я мрачно отстранилась от него. Не было смысла откладывать неизбежное. Я потянулась за футболкой, которую он снял с меня, и быстро надела ее, прежде чем вернуться в ванную, где моя старая пижама все еще была свалена на полу.

Несмотря на это, Брейкер ничего не сказал.

Его глаза даже не следили за мной.

Я знала это, потому что, когда я повернулась, чтобы закрыть дверь, я увидела его, наклонившегося вперед, так что его локти были на коленях, уставившегося в ноутбук, как будто в нем были все ответы.

Но этого не произошло.

И теперь этого никогда не произойдет.

Глава 9

Брейкер

В ту секунду, когда я усадил ее себе на колени, я понял, что с ней будут проблемы. Не потому, что, ну, она уже была проблемой во многих смыслах, а потому, что я слишком сильно хотел ее. И это не было просто «сойдет», которое я испытывал к случайным шлюхам из баров или цыпочкам, с которыми я сталкивался в городе. Нет, все было по-другому. Как-то сильнее. Это было не просто желание потрахаться. Я хотел трахать ее семь раз в гребаное воскресенье, а потом еще дважды, просто для пущей убедительности.

Возможно, отчасти это было связано с тем, как она реагировала на меня. Как отзывчиво было ее тело на каждое легкое прикосновение. Это было похоже на то, что она постоянно балансировала на грани душераздирающего оргазма. И черт возьми, если бы я не хотел быть частью этого. Чувствовать ее вокруг своих пальцев, вокруг моего члена, слышать, как она выкрикивает мое имя, впивается ногтями мне в спину.

Да. Чертова проблема.

Я проигнорировал звонок мобильного телефона в кармане, слушая ее стоны и чувствуя, как она извивается, больше заинтересованный в том, чтобы она кончила, чем в телефоне, который я всегда снимал со второго звонка. Но когда он перестал звонить, а затем начал звонить во второй раз, ну... это должно было быть важно.

Я откинулся на спинку дивана, наблюдая, как она поджимает ноги и пытается выровнять дыхание, ее тело слегка дрожало от неудовлетворенной потребности. Должен сказать, что это точно не задевало мою гордость, видеть ее такой, но черт возьми, как я хотел швырнуть телефон через всю комнату, нырнуть обратно между ее бедер и закончить с ней.

Так было до тех пор, пока я не ответил на звонок.

— Йоу. Ты знаешь, что в наши дни невежливо игнорировать свои звонки, чувак. Если только ты не по уши в какой-нибудь хорошенькой киске, — сказал голос Шотера в телефоне, его тон был таким же небрежным, как всегда.

— Шот?

На это раздался сухой смешок. — Кто, блядь, еще может тебе звонить?

— Где ты находишься?

Когда он заговорил, его безразличие было настолько ощутимым, что вы практически могли услышать пожатие плеч в его голосе: — Там же, где я был на прошлой неделе. Какой-то дерьмовый подвал без Wi-Fi, чувак.

Я боролся с желанием фыркнуть. — Тогда как ты мне звонишь?

— Лекс хочет встретиться, — сказал он немного более резким тоном. Он помолчал, словно взвешивая следующие слова. — С тобой и девушкой.

Блядь. Здорово.

— Зачем?

— Думаешь, я посвящен в эту информацию, чувак? — спросил он, с тоном, как будто пытался получить больше. Старый добрый Шот. Всегда с головой в игре, даже когда его использовали в качестве разменной монеты.

— Он там? — спросил я, гадая, как далеко я могу зайти в своих расспросах.

— Нет. Только один из его лакеев. Вялый Член Рик или как то так, — сказал он, и я практически мог видеть, как он ухмыляется мужчине, о котором идет речь. — Ты знаешь, как сильно этим ублюдкам нравятся их прозвища, — продолжил он, и я услышал отчетливый звук удара кулаком по коже, за которым последовал свист воздуха изо рта Шота. Ни стопа. Никаких признаков боли. Затем раздался смешок. Он был сумасшедшим ублюдком.

— Прекрати пытаться разозлить их и расскажи мне подробности, чувак.

— Эй, мне нужно как-то развлечься, — сказал он, звуча не хуже, чем обычно. — Два часа. В вагоне поезда. Он сказал, чтобы ты был готов к переговорам.

Это звучало не очень хорошо.

— Каким переговорам?

— Он не сказал. Ты знаешь, как с ним обстоят дела.

Да, черт возьми, я знал. И это не очень хорошо говорило о нашей предстоящей небольшой встрече.

— Ты будешь там?

— При полном параде. Ну, ты знаешь... в наручниках. Как бы то ни было, — продолжал Шот.

Я фыркнул, чувствуя, как мои глаза закатываются. Это было похоже на то, что Шот был биологически неспособен воспринимать серьезное дерьмо всерьез.

— Хорошо. Два часа. Тогда увидимся.

Последовала пауза, тишина, полная чего-то, прежде чем он заговорил снова.

— Эй, Брейкер?

— Да? — спросил я, мне не понравился его тон.

Еще одна пауза. — Она невинна, — напомнил он мне.

Я посмотрел на Алекс, обнаружив, что она пристально наблюдает за мной.

Я знал, о чем говорил Шот. Это было то же самое, что сказал Пейн. Это было то же самое, о чем я думал. Я и Шот, мы выбрали эту жизнь. Мы танцевали со смертью каждый раз, когда брались за работу. Мы объединялись с людьми, которые вполне могли бы когда-нибудь заказать нас самих. Мы знали о риске. Мы охотно принимали его. Мы были виновны во всех возможных последствиях. Что бы с нами ни случилось, мы это заслужили. Мы заслужили всевозможные наказания. От могилы и дальше.

Но не Алекс.

Да, она вляпалась в какое-то глубокое дерьмо. Дерьмо, с которым она не была готова справиться, тем более в одиночку. Но она сделала это, потому что чувствовала, что должна. Она делала это для всех тех женщин на всех тех фотографиях, которые были у нее в файле. Фотографии, от которых она выглядела зеленой. Она не была пресыщена тем дерьмом, которое происходило. Это привело ее в ярость. Была в ужасе от этого. Но она использовала это как стимул, чтобы попытаться покончить с этим. Это было мило, наивно и обнадеживающе с ее стороны.

И невероятно чертовски глупо.

Но она была... невинной.

— Я знаю, — сказал я, вешая трубку.

Алекс пошла в ванную, чтобы переодеться, пока я смотрел на форум на своем ноутбуке. Я не знал, что за людей она знала в даркнете. Все люди, которых я знал, которые регулярно им пользовались, были отбросами общества. Но если Алекс сказала, что там есть хорошие парни — искатели правды, борцы с самосудом, кем бы, черт возьми, она их ни считала, тогда я должен был доверять ей в этом. Мне просто хотелось, чтобы они обратили на это внимание. Что бы они предложили какие-то решения.

Потому что у меня с этим было полное дерьмо.

Я собирался отвести ее в тот вагон, потому что у меня не было выбора. А потом, черт возьми, я знал, что там произойдет. Мне нужно было спасти ее. И мне нужно было спасти его. И я понятия не имел, как мне это сделать. Или даже если бы мне дали такую возможность. Насколько я знал, он собирался привести меня туда, чтобы застрелить. Это был его стиль. Убить Шотера. Пытать Алекс. Потом убить меня. Он питал слабость к ярким проявлениям насилия. И ему нравилось знать, что он проникает тебе под кожу.

Поэтому мне нужно было дать понять, что Алекс ничего для меня не значит.

Я не был уверен, насколько хорошо я справлюсь с этим, но я должен был попытаться.

Шот, ну, это была совсем другая история.

Он знал, что Шотер был хорошим вариантом, которого можно взять и удержать, и он уже знал о нашей связи. Нельзя было притворяться, что он ничего не значил для меня.

Он ожидает, что я захочу защитить его.

Я слышал, как Алекс вернулась из ванной в грязной одежде, держа в руках ботинки.

— Я знаю, что должна быть одета в то, что было на мне, когда ты забрал меня, но мне больше негде хранить героин, — небрежно сказала она, пожимая плечами.

— Я не думаю, что он заметит такие детали, — сказал я в ответ, наблюдая, как она села рядом со мной и надела ботинки, держа шнурки достаточно свободными, чтобы ее рука могла скользнуть в них, если понадобится.

По-прежнему никакой реакции. Все еще настолько хладнокровно, насколько это возможно, относится ко всей ситуации.

Если каким-то чудом мы оба переживем эту ночь, я намеревался выяснить, что с ней не так. Какую жизнь она вела, чтобы быть такой собранной перед лицом собственной смерти?

Какой человек не испытывает по этому поводу хоть какого-нибудь горя?

Черт возьми, если бы я был чертовски уверен, что смотрю в дуло, заряженное пулей с моим именем на ней, даже я бы что-то почувствовал. Подумал бы обо всех сучках, которых я не успел трахнуть. Обо всем виски, которое я не успел выпить. Обо всех отпусках, которые я никогда не брал. Обо всех планах на старость, и о том, что этого никогда не будет. Может быть, подумал бы о том, что у меня не будет шанса найти какую-нибудь сучку, которая мне достаточно понравилась бы, чтобы пристегнуть мой член и позволить ей делать мне минет, чтобы свести меня с ума на следующие двадцать лет.

Еще о чем-нибудь.

Каждый должен хотеть жить для чего-то.

Как гласит старая поговорка... Алекс собиралась умереть ни за что (прим перев.: live for everything, die for nothing — живи ради всего, умри ни за что).

— Ты возьмешь какое-нибудь оружие? — спросила Алекс, и я заметил, что она пристально смотрела на меня. Как долго, я понятия не имел.

Я кивнул, вставая с дивана и направляясь к шкафу на кухне, который был небольшой кладовкой. Я распахнул дверь, чувствуя присутствие Алекс позади себя, заглядывающую на четыре полки с оружием, боеприпасами, ножами, электрошокерами, наручниками, цепями, кастетами — всем, что нужно. У меня все еще был мой Дезерт Игл в грузовике, и он собирался вернуться обратно за пояс, но я схватил нож и сунул его в карман, схватил второй пистолет и ремень, чтобы надеть на лодыжку.

Если бы я не повернулся и не наклонился, чтобы прикрепить ремень к лодыжке, я мог бы не увидеть, как Алекс схватила перочинный нож и сунула его в ботинок, в котором не было героина.

— Я выгляжу слишком чистой? — спросила она, когда я встал.

Я почувствовал, как мои брови сошлись вместе, глядя на ее запыленную одежду. — Что?

— Мое лицо, руки и волосы. Я слишком чистая? Может, мне попытаться немного испачкаться?

При этих словах я почувствовал, как на моих губах заиграла улыбка. — Немного взбодрилась?

— Да. Так что это было убедительно.

— Убедительно для чего, куколка?

— Что ты держал меня в плену, как велено.

— Задача состояла в том, чтобы схватить тебя и удержать. Никто не говорил, что я не могу позволить тебе принять душ и поесть.

— Ох, — сказала она, глядя в окно.

— Ты в порядке? — спросил я, глядя на ее сдвинутые брови.

Она повернулась ко мне со странной маленькой ухмылкой. — Я думаю, что это такой же хороший день, как и любой другой, чтобы умереть, верно? — как будто почувствовав, что это было неправильно, она поспешила сменить тему. — Шотер говорил так, как будто с ним все было в порядке?

— Он подшучивал над приставленным к нему охранником, ему разбили лицо, пока мы разговаривали. Так что, да, он в порядке.

Ее бровь поползла вверх. — Быть избитым — это... хорошо?

Я почувствовал, как мое плечо дернулось. — Шот — умник с острым языком. Если он все еще не засовывает ногу себе в рот, они его еще не сломали.

— О. Хорошо. Так... он будет там? — спросила она напряженно. Как будто она знала, что это серьезное осложнение.

— Да.

Она подняла руку и провела ей по своим почти сухим волосам, заставляя их мягко соскользнуть. Она вздохнула, кивнула, принимая ситуацию. — Ты вытащишь его оттуда, — уверенно сказала она.

— Куколка, у меня есть не только он...

Она подняла руку, и это был такой нелепый жест (кто теперь поднимает руки, чтобы заставить людей замолчать?) что я замолчал и поднял бровь.

— Ты беспокоись о своем друге. Прежде всего. Не попадай в неприятности из-за того, что я облажалась и попала в плохую ситуацию. Это не твоя работа — исправлять это. Так что позаботься о своем друге и позволь мне самой позаботиться о себе.

С этими словами она повернулась на каблуках и направилась к моей входной двери. Я провел рукой по голове, чувствуя, как короткие волосы цепляются за кожу.

Это должно было стать настоящим кошмаром.

Я должен был как-то защитить Шота. Который хотел, чтобы я забыл о нем и позаботился об Алекс. И в то же время защитить Алекс, которая хотела, чтобы я позаботился о Шоте, потому что ее план состоял в том, чтобы покончить с собой. Тем временем, пытаюсь не разозлить печально известного переменчивого и непостоянного Лекса Кита, который был вполне способен убить нас всех сразу.

Иисус Христос.

Если я переживу это, мне нужно будет найти новую гребаную работу.

Дворник. Продавец подержанных автомобилей. Дрессировщик морских свинок.

Гребаное все, что только не гарантировало кровь и ужас на каждом шагу.

Я вздохнул, схватил ключи и вышел на улицу.

Алекс уже сидела в машине, пристегнутая, спокойно отодвигая кутикулу на ногтях, как будто мы не могли попасть в хорошо организованную ловушку.

Если бы она не была так настроена на смерть, из нее получился бы хороший преступник.

Перед складом были припаркованы два внедорожника, пустые, капоты уже были прохладными на ощупь. Еще больше укрепляя мою мысль о том, что мы направляемся в ловушку. Алекс не смотрела на меня, когда расстегивала ремень и двигалась к своей двери.

Я схватил свой пистолет, засунул его за пояс брюк и встретил Алекс с ее стороны машины.

— Спасибо, что пытаешься мне помочь, — сказала она, глядя на здание перед собой, пока говорила со мной.

— Я еще не закончил пытаться, куколка, — сказал я, но она пожала плечами, прикусив внутреннюю сторону щеки. — Ты готова? — спросил я, уже слишком хорошо осознавая, насколько хорошо она была подготовлена к тому, чтобы это сделать.

— Ага. Давай покончим с этим.

Она зашагала рядом со мной, когда я впустил нас в парадную дверь, в холл, а затем медленно спустился по лестнице. Рядом со мной она была так спокойна, как только могла. Ни дрожи. Никакого затрудненного дыхания. Только странно пустые глаза и прямые плечи.

Тем временем мое сердце билось как долбаный отбойный молоток.

Мы добрались до нижней площадки, и я услышал голоса за углом. Алекс остановилась, и моя рука потянулась, на мгновение опустившись ей на бедро. Ее глаза встретились с моими, и она заставила свои губы дернуться вверх, прежде чем снова отвернуться. Моя рука опустилась, и мы двинулись вперед, как единое целое, обойдя изгиб стены и оказавшись в поле зрения вагона поезда.

Четыре головы повернулись на шарканье наших ног. Лекс, двое его головорезов и Шот.

Лекс приближался к среднему возрасту с темными волосами, темными глазами и худощавым телосложением. Его головорезы были большими грудями мускулов, один уродливый с бритой головой и черными глазами, другой среднего вида с длинными светлыми волосами и голубыми глазами. У Шота была разбита губа (вероятно, из-за его насмешек над Вялым Членом Рика, когда мы разговаривали по телефону ранее) и исчезающий синяк под глазом. Он чуть сгорбился влево, что наводило на мысль, что у него, вероятно, были ушибы или сломаны ребра. Но с ним все было в порядке. И, блядь, он даже улыбнулся и помахал рукой, когда увидел меня.

Я покачал головой и увидел, как бровь Алекс слегка приподнялась, увидев его.

Было ли это из-за его поведения или потому, что он был красивым парнем, я понятия не имел.

Дверь вагона была открыта, и я вошел первым, Алекс следовала за мной по пятам.

— Брейкер, так приятно снова тебя видеть, — сказал Лекс, его мерзкий голос оставил скользкую пленку в воздухе.

— Лекс, — поприветствовал я, кивая ему. — Шот, — сказал я, тоже кивая ему.

— Ты, должно быть, Алекс, — сказал Шот, позволив одной из своих снимающей-трусички-улыбки расплыться по его лицу. — Составляла компанию моему брату?

— Боюсь, это больше похоже на то, что он припер меня к стенке, — легко сказала она. Для любого другого она казалась такой же непринужденной, как и сам Шот. Но я заметил, что ее глаза даже не скользнули по вагону. Она увидела его и не сводила с него глаз. Как будто она слишком боялась смотреть на людей, которые держали ее судьбу в своих руках.

— Ну, мы здесь, — сказал я, глядя на Лекса. Желая приступить к делу. Ожидание ничему не помогало.

Лекс кивнул. — Алекс Миллер, — сказал он, и я увидел, как ее руки слегка согнулись, прежде чем она сжала их в кулаки, подняла подбородок и повернулась лицом к человеку, которого ненавидела больше всего на свете.

— Лекс Кит, — сказала она тоном, похожим на зазубренное стекло.

— Ты красивее, чем я ожидал. Мои люди говорили, что ты красавица, но я понятия не имел, что ты будешь такой...

— Мы флиртуем с заложником или устраиваем гребаную встречу? — я вмешался, пытаясь сделать вид, что не обращаю никакого внимания на Алекс, ее сжатую челюсть и еще более бледную, чем обычно, кожу.

— Нет ничего плохого в том, чтобы быть немного цивилизованным, Брейкер, — сказал Лекс, и образы тех избитых девушек в файле непрошено всплыли в моей голове. Да, он был чертовски цивилизованным.

— Прошлой ночью я спал на холодном бетонном полу. Прости меня, если я не в настроении для светской беседы, — холодно сказал я. Если бы он знал что-нибудь о моей репутации, он бы знал, что я никогда не был в настроении для светской беседы. Я получил приказ, я выполнил его. Черт возьми, лучше если бы мы обошлись вообще без слов.

Краем глаза я увидел, как Алекс придвинулась ближе к Шотеру. Не ко мне. К Шотеру. Шотера это, похоже, не смутило. Женщины, казалось, всегда стекались к нему. Очевидно, даже в ситуациях жизни или смерти.

Прилив ревности, который я почувствовал при этом, был внезапным и неожиданным. И совершенно, блядь, нелепым. В этом не было никакого смысла. Я не был таким человеком. Я не ревновал. Но, черт возьми, у меня все еще был ее вкус во рту.

— Конечно, — сказал Лекс, врываясь в мои мысли. — Давайте перейдем к делу, — он остановился, глядя на своих людей, что-то безмолвное промелькнуло, потому что они слегка пошевелились. Один направляется к двери, чтобы заблокировать выход, а другой пошел и встал позади Шота и Алекс. — Планы изменились.

— У нас была сделка, Лекс, — сказал я, позволив своему голосу быть резким, потому что это было ожидаемо, когда кто-то нарушал ее.

— Была. Но условия сделки... изменились.

— Изменились, — повторил я сквозь стиснутые зубы.

Он ничего мне не ответил. Кроме того, что его люди двигались, не было ничего, за что можно было бы зацепиться. Никаких интонаций, которые можно было бы прочесть. Никакой улыбки. У ублюдка было отличное бесстрастное лицо.

— Да, видишь ли... Моя потребность в Алекс не так остра, как я первоначально думал.

Его потребность в Алекс? Какого хрена это должно было означать?

— Мне понадобится больше деталей, чем это, Лекс. И у меня нет в запасе целого дня.

Я приподнял бровь сказав это грубо, но этого от меня ожидали, поэтому он ничего не ответил. — Да. Как оказалось, она мне не понадобится еще несколько дней. Но ты можешь понять, почему я не могу позволить ей вернуться к своей жизни теперь, когда она знает о нашем маленьком... соглашении.

Несколько дней.

Несколько дней, чтобы придумать другой план.

Несколько дней, чтобы покончить с этим сукиным сыном навсегда.

Алекс могла бы успокоиться.

Она могла бы жить дальше.

— Так в чем вопрос, Лекс? — спросил я, пытаюсь сосредоточиться на настоящем.

— Я говорю о том, что мне нужно, чтобы ты придержал ее для меня.

Слава богу.

Я практически почувствовал вздох облегчения от Алекс. Шотер протянул руку и сжал ее мизинец своим, прежде чем отпустить. Крошечный жест, так похожий на Шотера. Всегда думает обо всех, кроме себя. Хотя Лекс ничего не сказал о том, чтобы отпустить его.

— Ты хочешь, чтобы я подержал эту сучку еще пару дней? — спросил я, зная, что получу нагоняй за то, что назвал ее сучкой, если мы выберемся из этого.

— Оплата будет той же. Считайте это дополнительным отдыхом.

— Отдыхом, где я должен повсюду таскать с собой какую-то цыпочку? — спросил я, качая головой.

Лекс махнул рукой. — Она мне нужна. Мне не нужно, чтобы она была в хорошем состоянии. Держи ее прикованной в своем подвале, мне все равно. Пока она жива и в сознании до конца недели, у меня не будет никаких претензий. Хотя я действительно беспокоюсь, — сказал он, переводя взгляд с меня на Алекс так, что у меня заскрежетали зубы.

— У меня нет времени на игры, Лекс. Скажи мне, в чем проблема, или позволь мне идти.

Его глаза чуть прищурились, и я понял, что давлю на него. Он начинал злиться.

— Что, возможно, у тебя сформируется... привязанность.

Услышав это, я откинул голову назад и рассмеялся. Гортанный, хриплый звук. Для него это звучало так, будто то, что он говорил, было абсурдно. Для меня это был добрый старый сарказм, потому что я был лицом у ее киски, когда он позвонил мне раньше.

— Она не совсем в моем вкусе, — сказал я, качая головой, все еще улыбаясь.

— Я слышал, что женщины в твоём вкусе.

Это было не совсем неправдой. Я общался со многими разными женщинами. — Мне нравятся женщины, которые выглядят как женщины, а не как двенадцатилетние подростки, — продолжил я. Я видел, как Алекс напряглась при моем замечании, но я ничего не мог с этим поделать. Я пытался ей помочь. Если она должна была злиться на меня за это, так тому и быть.

— Двенадцатилетний подросток? — Лекс задумался, снова переключая свое внимание на Алекс, его темные глаза скользили по ней так, что я почувствовал себя грязным, а он даже не смотрел на меня. — Я не думаю, что это справедливо, Брайан. Я имею в виду, что они могут быть маленькими, но их вполне достаточно, — сказал он, его тело дернулось, как будто собиралось двигаться в ее направлении. Но потом он вздохнул, покачал головой, должно быть, о чем-то задумавшись, и повернулся ко мне лицом. — Она женщина. Она рядом. У мужчины есть свои... потребности.

— Это работа. Я держу свой член в штанах, — протянул я, давая понять, что в этом есть небольшой двойной смысл — я могу, но ты, очевидно, не можешь.

Лекс выдохнул, бросив на меня покорный взгляд. — Я должен быть уверен, что ты следуешь инструкциям в точности, Брейкер.

О, черт.

Я знал, к чему это приведет.

Судя по взгляду, который бросал на меня Шот, он тоже знал.

Алекс все еще просто стояла там со своими мертвыми глазами, почти касаясь Шотера

плечом.

— О, да? — спросил я, поднимая бровь на Лекса.

— Мне нужно убедиться, что твоя преданность там, где она должна быть.

— То есть с тобой.

— Конечно, — сказал он, махнув рукой.

— Брейк... — в голосе Шотера звучало предостережение.

Лекс приподнял бровь, глядя на него. — Ударь ее, — резко сказал он.

Ну.

Это предсказуемо.

Блядь.

Ни разу. Не в моей жизни. Не в моей карьере. Ни разу в жизни я не поднимал руку на женщину. И, какими бы ни были последствия, я не планировал начинать сейчас.

— Слушай, ты получаешь удовольствие от того, что избиваешь женщин, это твое дело, — сказал я, качая головой. — Я не буду делать это дерьмо для твоего развлечения.

Подбородок Лекса дернулся, и пистолет взвелся у меня за шеей.

Это был первый раз, когда я увидел живую реакцию Алекс с тех пор, как мне позвонили по телефону. Ее глаза метнулись к моим, расширяясь, зная этот звук, прежде чем ее взгляд нашел пистолет, прижатый к моему затылку. Она выглядела так, словно была готова сбежать.

Чтобы отвлечь ее, Шот снова схватил ее мезинцем, но держал, пытаюсь удержать ее на месте. Она посмотрела на него, отпуская его хватку, делая шаг назад и отводя глаза от меня.

— Серьезно Лекс? — спросил я, качая головой, почти скучающим тоном. Это был не первый раз, когда на меня наставляли пистолет. И это будет не последний раз. Все, на что я мог надеяться, так это на то, что у дерьма, держащего его, был твердый палец на спусковом крючке.

Лекс выглядел разочарованным, затем махнул рукой другому парню, который тут же схватил Алекс за руку достаточно грубо, чтобы она взвизгнула, оттаскивая ее от Шотера, который выглядел готовым наброситься, пока пистолет тоже не прижался к его затылку. — Может быть, это поможет тебе принять решение, — пожал он плечами. Когда я заколебался, на пистолете взвели курок. И я знал, что они не блефуют. Шот для них был бесполезен. Они убивали за меньшее, чем то, что он обзывал их раньше.

Его глаза сказали мне, что он думал о том же самом. И я увидел там нечто такое, чего никогда раньше не видел. Не силу. Не бесстрашие. Но там это было.

Страх.

Дерьмо.

Голова Алекс дернулась, привлекая мое внимание. И в ту секунду, когда мои глаза остановились на ней, ее подбородок приподнялся, а глаза открылись шире — взгляд, который, казалось, кричал: — Сделай это, у тебя нет выбора.

И я этого не сделал.

Я не мог.

— На колени, — прорычал Лекс в сторону Шота, который перевел дыхание и заставил себя улыбнуться.

— Не знаю, как ты будешь стрелять, чувак, но мой рот предназначен только для киски, — сказал Шот, пытаясь быть легкомысленным даже в последний момент.

Свинец поселился в моем животе, тяжелый, заставляя меня чувствовать себя

прикованным к месту, слишком напуганный, чтобы двигаться. Что бы сделать хоть что-нибудь или что-нибудь сказать.

Шотер встал на колени и подмигнул мне.

Черт возьми.

Этого, блядь, не могло быть.

— У тебя есть какие-нибудь последние слова для твоего брата? — спросил Лекс бесстрастным голосом. Как будто он делал это каждый день. В каком-то смысле он так и делал.

— Не забудь посылать Папе скотч, — сказал он. И он это и имел в виду. Это было то, с чем он хотел оставить меня.

Человек позади него сделал шаг назад, прицеливаясь.

— Просто ударь меня! — Алекс взвизгнула, звук отскочил от стен и пронзил мое тело, как ножи.

Это был первый раз, когда она заговорила с тех пор, как поздоровалась с Лексом, и все взгляды упали на нее. Воздух вокруг нее, казалось, был заряжен, искрясь от ее гнева. Потому что это было то, чем она была — она была зла. Ее щеки покраснелись от этого. Ее поза застыла.

— Мисс. Миллер... — начал Лекс.

— Заткни свой гребаный рот, ты, подонок, — огрызнулась она, и я поборол желание застонать. Этот ее гребаный рот. Это могло навлечь на нее всевозможные неприятности.

К чести Лекса, он даже не вздрогнул. Я ожидал слепой ярости. Я ожидал, что ее мозги будут разбросаны по всему окну позади нее. Женщины никогда так не разговаривали с Лексом Китом.

— Это ответ...

— Какую часть фразы «заткни свой гребаный рот» ты не понял? — она просто... закричала, прежде чем повернуть голову в мою сторону, — прекрати это. Прекрати все это. Просто... ударь меня.

— Алекс... — начал я, чувствуя, как мой желудок начинает скручиваться, желчь начинает подниматься к горлу, когда я посмотрел на ее лицо. Ее кожа была как сливки, а кости под ней — как у птички. Если я подниму руку... я действительно могу причинить ей вред.

И она никогда бы мне этого не простила.

Не совсем.

Воспоминания всегда будет там, под поверхностью.

Она всегда будет знать, что я способен ударить ее.

— Все в порядке, милая, — вмещался Шотер успокаивающим тоном.

Ее глаза закатились. — Это все не-блядь-в-порядке, — немедленно сказала она, — никто не умирает, потому что я девчонка, а ты боишься меня ударить. Это чертовски смешно. Просто ударь меня!

Лекс приподнял бровь и кивнул мужчине за спиной Шотера, который снял с предохранителя пистолет и нацелил его. — Ты слышал женщину, — сказал Лекс, выглядя так, словно ему очень нравился мой дискомфорт. Хотя и не так сильно, как ему понравилось бы, если бы я ударил Алекс. Наверное, ему было тяжело просто думать об этом.

— Брейкер... — сказала Алекс с отчаянием в голосе.

Может, это то, что сделало это.

Кто-то вроде нее. Кто-то, кто смотрел на смерть и говорил «эх, неважно». Кто-то такой собранный, как она, отчаянно пытающаяся спасти кого-то другого.

И я знал.

Может быть, она никогда больше не будет полностью доверять мне после того, как я ее ударю.

Но она определенно никогда не простила бы меня, если бы я этого не сделал.

Я стиснул зубы, заставляя содержимое своего желудка оставаться внизу, и направился к ней, отведя руку назад, потому что знал, что должен причинить ей боль, иначе Лекс просто заставит меня сделать это снова, но также сдерживаясь. Потому что мой кулак мог просто... сломать ее.

Я с трудом сглотнул, и она тоже.

Затем я замахнулся.

Мои костяшки пальцев, попавшие ей в челюсть, были единственным худшим чувством, которое мог предложить мир. Хуже, чем если бы Шот сказал мне свои последние слова. Хуже, чем все жизни, которые испустили свой последний вздох в моих руках. Хуже, чем побои, которые я получал, когда был слишком мал, чтобы делать что-либо, кроме как плакать.

Ничто и близко не могло сравниться с этим чувством.

Видеть, как ее голова повернулась в другую сторону, когда ее тело упало. Видеть, как ее глаза закрываются от боли.

Она тяжело повалилась на бок, подложив под себя одну руку, а другую поднеся к лицу.

— Bravo, — сказал Лекс, медленно хлопая в ладоши.

Моя голова дернулась к нему, чувствуя, как что-то странное накапливается в моем организме. Что-то, чего я никогда раньше не знал. Горячий вид гнева. Не мой обычный холодный, расчетливый гнев. Такое ощущение, что это заменило мою кровь бензином, и кто-то просто зажег спичку.

Послышалось шарканье по полу, и краем глаза я увидел, как Шотер протянул руку Алекс. Она согнулась, почему, я не понял, прежде чем потянулась, взяла его за руку, позволяя ему помочь ей подняться.

— Чертовски доволен, Лекс? — выдавил я, приподняв бровь. Мой кулак все еще болел от удара, и мне потребовалось все, что было в моих силах, чтобы не броситься на него и не разбить ему лицо.

— Пока, — сказал он, глядя на Алекс сверху вниз с ярким, ужасным блеском в глазах.

Я не мог проследить за его взглядом. Я просто не мог этого сделать. Я не был готов к тому, как она посмотрит на меня.

— Шотер, — сказал Лекс, кивая ему.

Пожав плечами, Шотер смирился со своей судьбой. Он должен был вернуться с ними. Он не собирался жаловаться и стонать по этому поводу. Он повернулся к Алекс, легонько указательным пальцем поднял ее подбородок, пронесся мимо меня, врезался плечом в мою руку, а затем последовал за головорезами Лекса из вагона.

— Я буду на связи, — сказал Лекс, снова посмотрев на Алекс. На этот раз больной убудок облизнул губы один раз, прежде чем уйти.

Я стоял и смотрел, как они уходят. Прислушиваясь к их шагам по ступенькам. Дверь закрывается. На улице завелись двигатели.

— Брейкер... — позвал голос Алекс.

— Нет куколка, — сказал я, демонстративно отводя взгляд.

— Поговори со мной, — сказала она.

Моя голова поникла, слегка покачиваясь.

— Ничто никогда этого не отнимет, — сказал я ей, зная в глубине души, что это правда.

Она протянула руку и коснулась моей руки.

— Ничего страшного. Я забуду об этом через неделю, — сказала она.

— Алекс, ничто никогда не избавит тебя от воспоминаний о том, как взрослый гребаный мужик нанес тебе правый хук в челюсть.

Она встала передо мной и протянула руки к моему лицу, пока у меня не осталось выбора, кроме как поднять его.

Ее челюсть покраснела там, куда угодил мой кулак. К утру на ней появятся синяки. Постоянное напоминание о том, что я сделал.

— Я в порядке. В шоке, но в порядке.

— Ты не можешь быть чертовски серьезной прямо сейчас.

— Да ладно тебе. Ты тоже это чувствуешь, — сказала она, опуская на меня глаза. — Весь этот страх и адреналин. Это как... напалм (прим. перев.: Загущённый бензин, горючий продукт, применяемый в качестве зажигательных и огнемётных смесей) в организме. Я даже не чувствую своего лица.

Сейчас это было так. Но через час, когда адреналин уступит место рациональным мыслям...

— Алекс...

— Давай же. Это был глупый маленький ничего не значащий удар, Брейкер.

— Ты не будешь думать, что это был глупый маленький пустячный удар, как только отойдешь от шока.

— Неважно. Все закончилось. Я могу ударить тебя, чтобы свести счеты, — сказала она, одарив меня странной маленькой улыбкой, — но я почти уверена, что твоя челюсть сделана из гранита. Это, вероятно, причинит мне больше боли, чем тебе.

Она пыталась утешить меня.

Это было нелепо.

Я был тем, кто должен был утешать. Я был тем, кто пересек черту. Мне нужно было попытаться все исправить.

— Ты можешь ударить меня в любое время, когда захочешь. Но до тех пор, почему бы нам не убраться отсюда к чертовой матери? — сказал я, протягивая руку к двери.

И она не вздрогнула, когда я поднял руку.

Я воспринял это как хороший знак.

Она не боялась меня.

Это было то, с чем можно было поработать.

— Только если ты снова приготовишь. Я умираю с голоду, — сказала она небрежно, как будто мы только что не пережили самый странный опыт в нашей жизни. — О, — сказала она, оборачиваясь на верхней ступеньке и глядя на меня. — Да. И я дала Шотеру нож.

Глава 10

Алекс

Я не совсем уверена, чего я ожидала от этой встречи. Но что бы я ни имела в виду, ну, это было далеко не так странно, как то, что произошло. С Лексом, который вел себя странно

и официально. С Шотом, который, казалось, больше заботился о моей жизни, чем о своей собственной, хотя он совсем меня не знал.

Думаю, какая-то часть меня думала, что Лекс набросится на меня, как только я войду. Я ожидала гнева. Ненависти. Злобы.

Но ничего этого не было.

И в этом не было никакого смысла.

Это не вписывалось в его личность.

И, поверьте мне, я знала все о его личности. Я могла бы провести психологическую оценку, я так хорошо его знала. Когда он узнал, что кто-то работает против него, ну, скажем так, он никогда не воспринимал эту новость хорошо.

Меня должны были избить и вытащить оттуда. К тому времени, когда оружие, наконец, будет поднято, я планировала уже быть в состоянии передозировки героина, какой бы она ни была.

Что-то было не так.

И сейчас я больше не могла об этом беспокоиться, потому что Шотера заставили встать на колени и произнести свои последние слова, и я просто... не могла этого допустить. Я не знала его, но он проявил ко мне, совершенно незнакомому человеку, доброту.

Я не могла позволить Брейкеру потерять своего лучшего друга.

Из-за меня.

Ни в коем случае.

Поэтому я сделала самую глупую вещь, которую женщина могла сделать с таким мужчиной, как Лекс Кит. Я закричала на него. Я унизила его.

И он даже не клюнул на приманку.

Да, что-то было серьезно не так.

Брейкер подошел ко мне. Он замахнулся рукой. Я приготовилась к этому. Но, в конце концов, к чему-то подобному не готовятся. Раньше меня никогда не били по лицу. Пощечина? Конечно. Но удар? От огромного, гигантского мужчины? Нет. Так что, хотя я и предполагала, что это будет неприятно, реальность оказалась такой, о какой я и думать не могла.

Секунда контакта вызвала взрыв боли, которая, казалось, излучалась, заставляя все мое лицо пульсировать, когда я почувствовала, что начинаю падать. У меня хватило присутствия духа подготовиться к падению как раз вовремя, едва не врезавшись при этом в Шотера. Моя рука потянулась к лицу, пока мой разум пытался думать сквозь боль.

А потом Шот протянул мне руку. И я вспомнила о ноже.

Он взял его с едва заметной улыбкой на губах. Просто призрак улыбки с огоньком в глазах, когда он засовывал его в ботинок, как это сделала я.

А потом все исчезло.

И почему-то в вагоне поезда было больше напряжения, чем с тремя плохими парнями в нем.

Потому что Брейкер выглядел так, словно у него внутри что-то сломалось.

Он не был таким человеком.

Из тех, кто использовал свою силу против женщин.

И он не мог примирить эту реальность с тем представлением, которое у него было о себе.

Что ж, ему просто придется с этим смириться.

Все было кончено.

Надеюсь, это больше никогда не повторится.

Но даже если бы это было так, я никогда не смогла бы винить его за это.

— Что, черт возьми, ты имеешь в виду, говоря, что дала Шоту нож?

Он небрежно поднимался по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки за раз, чтобы соответствовать моему темпу.

— Я имею в виду, что я взяла один из твоих перочинных ножей из твоей кладовки и положила его в свой ботинок. И когда я упала... Я отдала его Шоту.

Брейкер остановился на верхней площадке, преграждая мне путь, и посмотрел на меня сверху вниз. — Повтори еще раз?

Я почувствовала, чтожимаю плечами. — Я подумала, что, если он попадет в какую-нибудь ситуацию... было бы хорошо, если бы у него было... что-нибудь.

— Он хорошо обращается с ножом, — сказал Брейкер, заглядывая мне через плечо. — Почти так же хорошо, как он обращается с оружием.

— И с таким именем, как Шотер, я думаю, это довольно хорошо.

На это он кивнул. — Возможно, ты только что спасла ему жизнь, Алекс, — сказал он, его голубые глаза были мягкими.

— Это было самое меньшее, что я могла сделать, видя, как он был готов отдать свою жизнь за меня, — сказала я, поднимаясь вверх, так что ему пришлось отступить, чтобы я могла пройти мимо. На складе у меня начинала ощущаться клаустрофобия. Мне нужно было выбраться отсюда. Выйти. Брейкер повел меня к машине, открывая для меня дверь, когда я, наконец, выпалила то, о чем думала с тех пор, как он это сказал. — Зачем ты должен посылать отцу Шотера скотч?

Брейкер фыркнул, его глаза немного потеплели. — Отец Шота — пьяница. Так было всегда. Когда он пьян, он мудака. Что происходило постоянно. Раньше он выбивал дерьмо из Шота. Как только он смог себе это позволить, он начал посылать своему старику ящики дорогого виски каждый месяц.

— Зачем?

— Я думаю, для него это просто его собственное маленький способ сказать «пошел ты». Знать, что ублюдок хотел бы отказаться, но он не может, потому что он алкоголик, поэтому он выпьет все это. Доставляет ему какое-то болезненное удовлетворение.

— Мне нравится Шотер, — сказала я, садясь на сиденье и глядя на Брейкера, который просто стоял там, держа дверь открытой, его лицо было пустой маской. — Ты получишь его обратно, Брейкер.

Мускул дернулся у него на челюсти, когда он захлопнул дверцу и обошел машину.

Всю обратную дорогу до его дома мы ехали в молчании, оба погруженные в собственные мысли. Которыми мы, вероятно, должны были поделиться. Сравнивая заметки о том, что произошло. Посмотреть, уловили ли мы оба одну и ту же странность всей этой встречи.

Если Лекс знал, что я делаю, зачем ему было нужно держать меня у Брейкера? Почему я не была в убежище в лесу, где меня подвергнут всевозможным пыткам? Почему мне давали больше времени, чтобы нанести больше вреда? В этом не было никакого смысла.

Камни хрустели под шинами грузовика, вырывая меня из моих мыслей, когда в поле зрения появился его дом.

Брейкер молча выбрался из машины и направился к двери, оставив меня следовать за

ним.

Ему нужно было прийти в себя. Черт, если уж на то пошло, разве он не должен быть счастлив, что я не была... мертвой с пеной на губах от передозировки? Хэй... мы должны были праздновать тот факт, что я смогу дышать завтра. Но нет, он был такой мрачный, потому что ему пришлось ударить меня.

Конечно, моя челюсть убивала меня, но я не говорила ему об этом.

Где-то на полпути обратно адреналин ускользнул, унося с собой все, что держало меня в блаженном неведении о боли. Пульсация усилилась. Всякий раз, когда я пыталась открыть рот, это вызывало стреляющую боль в нижней челюсти и в виске.

Но все же. Это было не то, из-за чего стоило так расстраиваться.

Брейкер вошел и направился прямо к своему бару с напитками, достал два стакана и налил в один. Он протянул мне его, и я покачала головой. Я не была большим любителем выпить. И я определенно не пила виски прямо из бутылки.

— Я собираюсь пойти... привести себя в порядок, — сказала я вместо этого, нуждаясь в том, чтобы избавиться от пыльной одежды, нуждаясь в том, чтобы смыть все переживания. А также, Брейкеру нужно еще несколько минут, чтобы прийти в себя.

Я приняла душ, переделалась обратно в футболку, которую мне дали ранее, затем остановилась, чтобы проверить повреждения на лице.

Уже потемнело. Синевато-фиолетовая отметина в четыре дюйма на линии прямо над моей челюстью. Если повезет, хуже не станет. Ему и так было достаточно тяжело смотреть на меня.

Я вернулась и обнаружила, что он сидит на диване, телевизор включен на полную мощность, и его взгляд был прикован к нему, но он смотрел сквозь него. У него на бедре был стакан со льдом, он обхватил его рукой, янтарная жидкость наполовину заполнила его.

Вздыхнув, я направилась в гостиную, забрав его ноутбук, когда проходила мимо, и села рядом с ним.

На пост по-прежнему не было ответа, поэтому я принялась за работу, добавив еще несколько деталей, отчетов, чтобы еще более четко представить Лекса и его отношения.

Затем я положила ноутбук обратно на кофейный столик, все еще открытый, и повернулась к Брейкеру. Он все еще смотрел в телевизор.

Я потянулась к нему, забрала стакан, и он позволил мне, затем поставила его обратно на кофейный столик.

Прежде чем я смогла подумать об этом лучше, я придвинулась к нему, перекинула одно колено и села, затем прижалась грудью к его груди, мое лицо покоилось под его подбородком.

Я сделала глубокий вдох, вдыхая его. Свежее, чистое мыло из душа, древесный запах его стирального порошка и просто... он.

— Алекс...

— Заткнись, — тихо сказала я, обхватив рукой его сзади за шею. — Мы оба пережили встречу с Лексом. Если это не причина для объятий, то я не знаю, что это такое. И я имею в виду... Я уже много лет никого не обнимала, так что просто заткнись и дай мне это сделать, хорошо?

Его грудь слегка подпрыгнула у меня под грудью, и я поняла, что он тихо смеивается. Несколько секунд спустя одной рукой он обхватил моё бедро и притянул меня крепче.

— Мне жаль, что я ударил тебя, — сказал он, его глубокий голос был полон сожаления,

что я почувствовала, как мое лицо уткнулось еще глубже в его шею, а его борода щекотала мою щеку в этот момент.

Я слегка повернула лицо, прижимаясь губами к его пульсу. — Загладь свою вину, — сказала я, прикусив нижнюю губу, надеясь, что он клюнул на приманку, или я была почти уверена, что умру от унижения.

Брейкер скользнул рукой вверх по моему позвоночнику, затем в мои волосы, слегка сжимая их, и используя это, чтобы оттащить меня назад. Я отодвинулась и посмотрела вниз, чтобы увидеть, что он наблюдает за мной, приподняв бровь. — Загладить свою вину перед тобой?

— Да, — сказала я, кивая, молясь, как черт, чтобы мои щеки не вспыхнули румянцем. Это серьезно убило бы всю атмосферу «быть главной», которую я пыталась создать.

— И как ты предлагаешь мне это сделать? — спросил он, одарив меня одной из своих ослепительных улыбок.

— Используй свое воображение, — предложила я, кладя обе руки ему на грудь, наслаждаясь сильными мышцами под моими ладонями.

— Воображение? — спросил он, приподняв бровь. — Зачем использовать его, когда я могу использовать это? — спросил он. Затем, прежде чем я успела увидеть, как он двинул рукой, и она оказалась между нами, пальцем провел вверх по моей мокрой промежности и начал совершать твердые, медленные круги по моему клитору.

Все мое тело содрогнулось один раз, сильно, от прикосновения, когда сдавленный стон вырвался из моего горла.

Я с трудом сглотнула, наблюдая, как на его лице появляется довольная ухмылка. — Я думала, что это я должна была сделать первый шаг.

— Куколка, ты посадила свою милую маленькую попку мне на колени, одетая только в мою футболку и без трусиков. Я считаю это первым шагом.

Я не могла спорить с этой логикой.

Кроме того, своим пальцем он создавал всевозможный хаос между моими бедрами. Он менял темп или направление каждый раз, когда я чувствовала, как спираль внутри сжимается, угрожая высвободиться. В четвертый раз, когда он почувствовал, что я приближаюсь он отстранился и мой кулак сильно ударил его по плечу. — Черт возьми, — прорычала я, втягивая воздух в легкие.

— Так веселее, — сказал он, пожимая плечами, и улыбка тронула его губы.

— Для тебя, может быть, — сказала я, опуская на него глаза.

— У тебя есть жалобы на то, что я делаю? — спросил он, звуча слишком самодовольно.

— В этом моме... черт, — закричала я, его палец скользнул вниз и вошел в меня, изгибаясь и поглаживая верхнюю стенку, заставляя мои ноги рефлекторно дергаться. — О боже мой, — задохнулась я, мои бедра слегка приподнялись, давая ему больше доступа, когда его палец продолжал безжалостно исследовать мою точку G.

— Что ты там говорила? — спросил он низким гортанным голосом.

— Нет... ничего, — сказала я, мое дыхание стало быстрым и неглубоким.

— Так и думал, — сказал он, наблюдая за моим лицом, когда я поднималась. И поднималась вверх. И это было странно, чуждо и так всепоглощающе, что мне казалось, я взорвусь, если когда-нибудь доберусь до вершины. Мои бедра начали двигаться по собственной инициативе, разжигая мое желание, и Брейкер издал рычащий звук в своем горле. — Вот и все, отпусти это. Иди за мной, детка, — настаивал он, его большой палец

давил на мой клитор.

Я не ошиблась.

Это было похоже на взрыв.

Каждый мускул напрягся. Каждое нервное окончание загорелось. Мое дыхание сбилось, я прошипела его имя, когда мои стенки сильно пульсировали вокруг его пальца, казалось бы, бесконечной волной. Его палец продолжал протаскивать меня через все это, вытягивая его, пока я не подалась вперед и не рухнула на него.

Он положил свою руку мне между лопаток и прижал меня к себе, пока я дрожала от толчков.

— Дыши глубже, куколка, — тихо сказал он, пока я изо всех сил пыталась успокоить прерывистое, похожее на всхлипы, дыхание. — Господи, ты так сильно кончила от моих пальцев... просто подумай, на что это будет похоже, когда это будет мой язык или мой член.

Какой-то звук вырвался у меня, наполовину стон, наполовину возражение.

Честно говоря, я даже не могла подумать о таком. Я едва сдерживалась от этого оргазма. Я не могла представить себе другого.

Я была согласна.

На ночь.

Или месяц.

Или всю мою жизнь.

Да, это было так хорошо.

— Я загладил свою вину перед тобой?

— Ты про что?

— Я приму это как «да», — усмехнулся он и схватил меня за задницу, крепко сжимая ее. — Давай, — сказал он, вставая и прижимая меня к себе, — давай приготовим тебе немного еды.

— Еда? — спросила я, отодвигаясь от его шеи, чтобы посмотреть на него, когда он прошел на кухню, опустил меня на стойку и сделал шаг назад.

Он улыбнулся, прижимаясь бедрами к моим коленям, пока мои ноги не раздвинулись автоматически. — Да, куколка. Еда. Я собираюсь накормить тебя, а потом буду трахать тебя до тех пор, пока ты не сможешь нормально ходить в течение недели.

Ну что ж.

Глава 11

Алекс

Некоторое время он работал молча, нарезаая картофель, бросая его на сковороду с чесноком и оливковым маслом и бросая стейк в жаровню. Я наблюдала за происходящим с каким-то зачарованным удивлением. Во-первых, потому что у меня не было абсолютно никаких кулинарных навыков (если только приготовление рамена не считалось. Что, я почти уверена, не так). А также потому, что было почти забавно видеть кого-то вроде Брейкера — огромную, неповоротливую массу мышц и тестостерона, делающую что-то, что не связано с массовыми убийствами и хаосом.

— Расскажи мне, почему ты хочешь убить Лекса, — неожиданно сказал он, его тело было наполовину повернуто ко мне, когда он стоял у плиты, перемешивая картофель, пока тот шипел.

Может быть, это была глубокая усталость, которая накапливалась. Или странное

тяжелое и удовлетворенное опьянение после оргазма, но я даже не думала о том, чтобы не отвечать или уклоняться от ответа на этот вопрос.

— Из-за него моя мать покончила с собой, когда мне было шестнадцать.

Брейкер бросил деревянную ложку в сковородку и повернулся, чтобы посмотреть на меня. — Что?

Это было такой вездесущей частью моей жизни так долго, что мне даже не приходило в голову, что это шокирующая вещь — знать это. Но тут был Брейкер, самый большой и крутой парень, которого я когда-либо встречала, выглядевший абсолютно пораженным этой новостью.

Я почувствовала, как мои плечи слегка дернулись, отодвигая образ ее в той ванне в сторону. — Давай просто скажем, что когда-то давным-давно Лекс наложил лапы на мою мать. И она так и не оправилась по-настоящему. Она всегда была очень хрупкой. Физически и эмоционально. Я никогда не понимала почему, пока не нашла ее в тот день после школы. Она взяла бутылочку обезболивающего, оделась и легла в ванну.

— Алекс... — его голос прервался странным скрипучим шепотом.

— Именно тогда я нашла записку. Что на самом деле было больше похоже на письмо на шести страницах, исписанных с обратной и лицевой стороны, объясняющее, что с ней случилось.

— Что с ней случилось? — спросил он, оставаясь на месте, как будто, возможно, чувствуя мою потребность в пространстве.

Это была не та история, которой я делилась. Не полностью. Я поделилась лакомыми кусочками с Гленном, когда он предложил мне помочь, значительно отредактировав кровавые подробности. Но на этот раз я не хотела этого делать. Я хотела очистить все это. Может быть, из-за того, как жил Брейкер, я думала, что он поймет. Или из-за его спокойной силы я думала, что он сможет справиться с мрачной реальностью. Но какова бы ни была причина, я позволила этому выплеснуться наружу.

— Моя мама была такой же, какой я была после ее смерти, жила в приемной семье. Но она попала туда, когда ей было восемь. Ее родители были заядлыми наркоманами, и ее забрали. Когда ей было шестнадцать, она жила в детском доме. И Лекс Кит тоже.

При этих словах рука Брейкера взметнулась, чтобы выключить плиту, его бровь приподнялась. Я догадывалась, что история пребывания Лекса в системе не была широко известна.

— И, хочешь верь, хочешь нет, они стали друзьями. Моя мама, — сказала я, проводя рукой по своим наполовину сухим волосам, — была действительно красивой. Она... могла бы стать моделью, если бы вела другую жизнь. Может быть, именно это и привлекло его к ней. Или, может быть, дело было в ее мягкости. Она всегда была слишком мила для своего же блага. Однако, насколько я могу судить, они были всего лишь друзьями. Он был для нее как старший брат или наставник, помогал ей пройти через систему. Кто знает... Может быть, тогда Лекс не был тем монстром, которым он оказался. Судя по ее рассказу, он был к ней только добр.

— До определенного момента, — продолжил Брейкер.

— Пока ей не исполнилось двадцать. Лекс исчез из ее жизни, примерно на три года. Она нашла работу в закусочной, у нее была маленькая квартирка. Она пыталась наладить свою жизнь. А потом однажды ночью к ней пришёл Лекс. Взрослый. Более уверенный в себе. И он подошел прямо к ней и вытащил ее из закусочной, сказав, что ей больше никогда

не придется работать. Она собиралась пойти с ним, и он собирался позаботиться о ней. — Я покачала головой, глядя в затемненное окно. — Как ты можешь себе представить, идея Лекса заботиться о ком-то была извращенной.

— Алекс, ты не должна...

— Он отвез ее к себе домой, избил и изнасиловал, — продолжила я, нуждаясь в том, чтобы выговориться. — Не только в ту ночь. Каждую ночь. В течение многих лет.

— Господи Иисусе.

— Как я уже сказала, она была мягкой и милой. И когда он не издевался над ней, он заботился о ней. Так что она была как бы в ловушке. Потом он, знаешь... медленно поднимался, и я думаю, что стресс делал его все более и более жестоким, пока однажды ночью он не избил ее почти до потери сознания, и она отправилась в больницу за помощью. Был детектив, который действительно старался изо всех сил ради нее, увез ее, нашел ей безопасное место, помог ей попытаться вернуть ее жизнь в прежнее русло.

— Лекс просто... оставил ее?

— Я думаю, он просто не мог ее найти. Она исчезла из поля зрения. В конце концов, я думаю, он перешел к другим целям. Поскольку она никогда не выдвигала обвинений, я думаю, он решил, что она больше не стоит его времени.

— Она продержалась шестнадцать лет? — спросил Брейкер, сдвинув брови.

— Может быть, это было для меня. Эгоистичная часть меня хочет в это верить. Что она пыталась заботиться обо мне, пока я не стану достаточно взрослой, чтобы позаботиться о себе. Это могло быть частью всего этого. Потому что у нее все было хорошо. Не очень хорошо. У нее были проблемы с сохранением работы и налаживанием нормальных связей, но она улыбалась и смеялась. Может быть, не каждый день. Но она делала это, и это не было принуждением. Она пела мне. У нас ничего не было, но мы были друг у друга, и во многих отношениях этого было достаточно. Во всяком случае, я так думаю... Я думаю, что было что-то, что вызвало ее реакцию в тот день. Она была неуравновешенна в своем настроении, склоняясь больше к паранойе, чем к депрессии, всегда боялась, что со мной что-то случится... но она не была склонна к самоубийству. Я была в школе, так что не знаю, что она делала в тот день. Она не работала. Может быть, она собиралась на собеседование или что-то в этом роде. Я думаю, она увидела его. Я думаю, именно поэтому она это сделала. Она увидела его и испугалась, что он придет за ней. Придет за мной из-за нее. Она не могла пережить это снова. Я понимаю, почему она это сделала.

— Ох, куколка, — сказал он, качая головой, подходя ко мне, пока снова не оказался у меня между ног и обхватил меня руками за спину и прижал к себе.

Это было совсем другое, чем то, объятие раньше. То, которое я дала ему, неловко обняв за плечи. Это был полный контакт. Это были тела, соприкасающиеся повсюду. Это он одалживал мне часть своей силы. И я просто... растворилась в нем.

Кто бы мог подумать, что что-то такое ручное и будничное, как объятие, может быть таким приятным?

Я сделала глубокий вдох, вдыхая его, затем медленно поползла назад, чувствуя себя неловко. Что-то происходило между нами. Я не знала, что это было, но какой-то чистый, первобытный инстинкт подсказал мне сделать это.

— Так ты меня кормишь или как? — спросила я, пытаюсь слегка рассмеяться.

Брейкер посмотрел на меня сверху вниз, его брови на мгновение сошлись вместе, прежде чем он отступил.

Он снова включил картошку и посмотрел на стейк. — Так вот почему ты хочешь убрать Лекса. Из-за твоей матери.

— Вот так все и началось, да. Но мне не потребовалось много времени, чтобы понять, что он уже давно делает это со многими разными женщинами. Некоторых он оставил в живых. Многих он убил. Он тоже в каком-то смысле убил мою мать. Просто ему потребовалось почти двадцать лет, чтобы сделать это. Они все заслуживают небольшой мести.

— И как ты планировала это сделать? Через экран компьютера?

Я решила проигнорировать намек на снисходительность в его тоне и пожала плечами. — Ты был бы удивлен тем, что ты можешь узнать из-за ширмы. Например, независимо от того, какая у него деловая встреча, независимо от того, насколько важны люди, с которыми он встречается, он сделает три перекура. Один. Ты можешь точно определить нужное место и сообщить нужным людям, где оно находится и когда у них будет четкий выстрел...

На это он хмыкнул и приподнял мне подбородок, что я не совсем поняла, как истолковать.

— Ты также выяснила местонахождение всех его маленьких камер пыток. Он и двое мужчин за закрытой и звуконепропускаемой дверью. Также хорошая возможность застать его врасплох. Ты также выяснила, кто у него в карманах, а кто нет. Как Маллики. Ты знала, что они не с ним. Вот почему ты положила свою коробку в шкафчик в спортзале Шейна.

— Вот именно. Я имею в виду, что я могла бы пойти к Приспешникам или к тем чудакам на холме...

— Хейлштурм, — сказал Брейкер, глядя на меня через плечо. — Почему ты этого не сделала?

— Ну, потому что Приспешники выглядят так, как будто они были бы счастливы снести мне голову, если бы я попыталась даже договориться о встрече. И Хейлштурм, ну, я имею в виду... тебе приходилось видеть это место? — спросила я, думая о контейнерах, в которых они жили, работающих на солнечной энергии и защищенных огромным забором, вооруженной охраной и дрессированными собаками.

— Я работал с Ло в прошлом году, — спокойно сказал Брейкер, произнеся имя их лидера, как будто это было пустяком. Когда Ло была известна на улицах как «обычный старый сумасшедший ублюдок»... что бы это ни значило. — Они не такие чокнутые, как кажутся. Действительно хорошо обученные наемники. Много бывших военных.

— Несмотря ни на что. Они жуткие. Маллики, может, и ростовщики, но они вполне нормальные люди.

— Очевидно, ты никогда не видела их за работой.

Я закатила глаза. Как будто небольшое повреждение коленной чашечки напугало бы меня после всего того дерьма, которое я видела. — Я тоже никогда не видела тебя за работой. И ты вполне нормальный.

— Я... нормальный? — спросил он оскорбленным тоном, поворачиваясь ко мне с перчаткой для духовки на руке, и я почувствовала, что смеюсь.

— О, извини, — протянула я, все еще смеясь. — Ты действительно ужасен, стоя на своей кухне с рукавицей для духовки и деревянной ложкой. Меня трясет.

— Женщина, — сказал он, его голос был жестким, когда он потянулся к духовке, схватил сковороду для жарки, затем с грохотом опустил ее на плиту, отключив ее, а также

конфорку под картофелем.

А затем он сделал шаг в центр комнаты, завел руку за спину и снял футболку.

Теперь было много слов, чтобы описать то потрясающее совершенство мышц, которое встретило меня.

Накаченный. Мускулистый. Восхитительный. Вызывающий слюноотделение. Человек-конфетка. Черт возьми!

Но наиболее подходящим, по-видимому, было: срань господня.

— Приступим, — требовательно сказал он, его голос был еще глубже, чем обычно. Затем он быстро расстегнул пуговицу и молнию на джинсах.

— Я, эм, думала, что ты собираешься... накормить меня сначала, — пробормотала я, чувствуя одновременно прилив желаяния, настолько сильного, что это было чудом, что я не растаяла, превратившись в лужицу.

— Еда может подождать. Снимай эту футболку и иди сюда, — сказал он, стягивая джинсы с бедер. Я наблюдала, слишком потрясенная, чтобы двигаться и выполнять инструкции, когда он вышел из штанов и стоял посреди своей кухни в черных боксерах, которые никак не скрывали его эрекцию.

Я потянулась к подолу футболки, когда он двинулся, чтобы снять свой последний барьер одежды.

И, ну да, мои руки онемело опустились по бокам.

Потому что вид такого обнаженного мужчины, как Брейкер, требовал полной концентрации. И кроме того, если я стяну футболку через голову, он скроется из виду. Конечно, только на секунду, но секунда была слишком долгой. Потому что он был похож на ожившую греческую статую. Каждая мышца, сухожилие, вена на своем месте. На животе у него был приподнятый белый шрам, тянувшийся на три дюйма вниз. Еще один круглый у бедра.

А потом, ну, там был его член.

Было ли уместно пялиться? Я не знала. Мне было все равно. Я уставилась на него.

Потому что он был идеален. Длинный, толстый и стоящий по стойке «смирно».

И внезапно мне захотелось обхватить его рукой. Я хотела почувствовать его. Я хотела услышать, как его дыхание становится прерывистым. Я хотела показать ему хотя бы половину того, что он показал мне раньше.

И почему-то я была слишком погружена в свои маленькие фантазии, чтобы заметить, что он пошевелился.

Двинулся ко мне.

И встал прямо передо мной.

Я знала это, потому что почувствовала, как он схватил нижнюю часть футболки и грубо потянул ее вверх. Мои руки были подняты, и материал был отброшен.

Я подняла глаза и обнаружила, что он наблюдает за моим лицом, чисто мужская удовлетворенная ухмылка играла на его губах. — Видишь что-нибудь, что тебе нравится, куколка? — спросил он, наблюдая, как жар приливает к моим щекам.

Так что, да, не было никакой возможности, чтобы он не видел, как я плююсь на его член.

— Я... хм...

— Тебе нравится, как выглядит мой член, детка, просто подожди, пока не почувствуешь, как он ощущается в твоей тугой киске.

О боже.

Хорошо.

Кому-то нужно было сказать моей киске, чтобы она остыла к чертовой матери.

Я была почти уверена, что там происходило что-то вроде трепета перед оргазмом.

Он еще даже не прикоснулся ко мне.

— Ты нервничаешь? — спросил он, склонив голову набок и наблюдая за мной.

Нервничаю?

Да. Можно и так сказать. Хотя я была почти уверена, что должно было быть лучшее слово, чтобы описать пьянящий коктейль нервозности/возбуждения/желания/ и парализующего ужаса, который кружился во мне прямо в этот момент.

— У меня это... было давно, — уклончиво сказала я. Годы. Это было много лет назад. И я была почти уверена, что мой предыдущий опыт едва ли учитывался, учитывая, что ничто никогда не чувствовалось так, как я чувствовала себя в этот момент. Горячей. Физически нагретой. Несмотря на то, что у меня голая задница. Моя кожа покраснела с головы до ног. Но и из-за другого. Как будто глубоко в животе у меня что-то горело. Как будто, если бы это не погасло, оно сожгло бы меня дотла. И вдобавок ко всему, из-за непреодолимой потребности почувствовать его. Чтобы узнать, как будут ощущаться волосы на его груди рядом с моей грудью. Каково будет чувствовать его твердые ладони, поглаживающие мои ребра. Каково будет чувствовать его рот, прижатый к моей ключице.

Ничто никогда и близко не подходило на то, что я чувствовала, стоя рядом с Брейкером. И это было пугающим.

— Как долго? Месяцы? — спросил он, как будто это было совершенно нормально — разговаривать голышом посреди своей кухни. Черт, может быть, для него так оно и было.

— Годы.

— Годы? — он выдохнул, качая головой. — Ни за что, блядь. Не тогда, когда ты выглядишь так, как выглядишь. И говоришь так, как ты говоришь. Ни хрена себе.

— Говорю так, как я говорю? — спросила я, сморщив лицо.

— Этот гребаный рот. И характер. Заставляет член подниматься во весь рост в переполненной комнате, — ну что ж. Это была новость.

И, возможно, самый приятный комплимент, который я когда-либо получала. В действительно извращенном смысле.

— Ну... у меня не было времени на свидания.

— Я не говорю о свиданиях. Говорю о сексе.

— Неважно. Нет особой разницы. Я не находила для этого времени.

— У нас нет ничего, кроме времени, — сказал он, его улыбка немного померкла, а глаза потемнели.

— Наверно.

— Наверно? Ты знаешь... ты не совсем помогаешь моему эго этим.

— А что я должна была упасть в обморок и стонать: «Возьми меня, возьми меня»? — спросила я, преувеличивая последние два слова до хриплого стога, достойного порнозвезды.

Его рука скользнула между нами, быстро просовывая палец внутрь меня, заставляя меня издать настоящий горловой стон. — Что-то вроде этого, — сказал он, его ухмылка вернулась, когда его палец входил и выходил из меня, пока мои ноги не задрожали, а мои руки не опустились ему на грудь, чтобы успокоиться. — Умный гребаный ротик, — сказал он, его рот был у моего уха, когда я наклонилась к нему. — И мокрая сладкая киска.

Его палец внезапно вышел из меня, и моя рука шлепнула его по груди. — Нет, —

простонала я, бесстыдно двигая бедрами навстречу ему.

— Ты хочешь мой член? — спросил он, его рука скользнула в мои волосы, откидывая их назад, чтобы заглянуть мне в глаза.

О боже.

Да.

Я хотела.

Но действительно ли ему нужно было, чтобы я это признала?

Я почувствовала, как моя голова кивнула, соглашаясь с тем, что моя гордость может немного пострадать, если это означало, что напряжение в моей промежности может быть снято.

— Тогда почему бы тебе не встать на колени и не показать мне, как сильно ты этого хочешь?

Хорошо.

Между моих ног снова возникло это мини-трепетание.

Что, если бы я была в здравом уме, показалось бы мне странным.

Но как бы то ни было... У моего разума была одна вещь, которую он хотел. И если получение этого означало, что я должна была сначала встать перед ним на колени, что ж, так тому и быть.

Я втянула нижнюю губу в рот, облизывая ее, и медленно опустилась на колени.

Хорошо. В общем я делала это всего два раза до этого. И это было ужасно. Как вы можете себе представить. Гленн со своим наполовину вялым пенисом привел к чему-то, что очень напоминало скованность, прежде чем он, наконец, поднял меня и толкнул на спину.

В твердом, толстом члене Брейкера было что-то такое, что мне не терпелось исследовать. Своими руками. Моим ртом.

Поэтому я протянула руку и сомкнула вокруг него и погладила до основания, когда я наклонилась вперед, губы сомкнулись вокруг головки и я почувствовала, как его бархатистая твердость скользнула в мой рот. Мой язык скользнул по головке, пробуя начало его желания, и я услышала, как его дыхание с шипением вырывается изо рта. Ободренная и, может быть, немного более чем возбужденная, мой рот скользнул вниз по его длине, моя рука двигалась по нему там, где мои губы не могли, извиваясь и поглаживая одновременно, пока он не опустил руку, собирая мои волосы и удерживая их. Он позволил мне поработать с ним еще одну короткую минуту, прежде чем оттащить меня назад за волосы. Я издала что-то вроде возражающего звука в своем горле, от которого он засмеялся глубоким, рокочущим смехом, от которого у меня внутри все сжалось.

— Не волнуйся. Я позволю тебе снова поработать своим сладким ротиком надо мной. Но прямо сейчас, куколка, мне чертовски нужно быть внутри тебя. Мне нужно почувствовать, как твоя киска сжимает меня, когда ты выкрикиваешь мое имя. И как только твой оргазм начнет приближаться, я буду подталкивать тебя к нему снова. Снова и снова. Пока ты больше не сможешь кричать. Пока все, что ты сможешь сделать, это задохнуться и позволить ему пронзить тебя насквозь.

О. Мой. Бог.

Хорошо.

Да.

Я была очень близка к тому, чтобы простонать «возьми меня, возьми меня» по-настоящему.

Я с трудом сглотнула, сжала бедра вместе и попыталась ухмыльнуться, что, я уверена, вышла немного неуверенной. — Все разговоры, — поддразнила я, наблюдая, как его брови нахмурились, делая его глаза еще более сексуальными, чем обычно.

Затем он использовал мои волосы, чтобы поднять меня на ноги. Ощущение было одновременно болезненным, но таким эротичным, что я почувствовала, как мой рот открывается в беззвучном стоне.

Он сильно дернул меня за волосы в сторону, наклонившись близко к моему уху. — Руки на стойку, — прорычал он, затем грубо отпустил меня, заставив отступить на фут. Когда я не сразу двинулась, чтобы сделать, как было сказано (потому что я была слишком ошеломлена, возбуждена и смущена, чтобы делать что-либо, кроме как смотреть на него), он сделал предупреждающий шаг вперед, подняв бровь. — Мне нужно повторить?

Я покачала головой, повернулась и хлопнула руками по прохладной стойке.

— Раздвинь ноги, — сказал он, и я почувствовала, как его взгляд прошелся по моему телу сзади. Напрягая живот от накатывающего смущения, которое я почувствовала при этой инструкции, я раздвинула ноги. — Шире, — сказал он, и я раздвинула их шире, оставив ноги шире, чем на ширине плеч. — Хорошая девочка, — пробормотал он, звук практически сорвался с его губ мурлыканьем, и я почувствовала его одобрение, как теплое одеяло.

Я скорее почувствовала, чем услышала, как он двигается, воздух вокруг него, казалось, электризовался, когда он подошел ближе. Он провел руками по моим бедрам, погружаясь в мою кожу таким восхитительным образом, что моя голова откинулась назад и ударилась о его плечо. Но потом он начал двигаться. То есть спускаться вниз. На... колени. У меня было всего несколько секунд, чтобы почувствовать, как в моем сознании формируется оскорбительное возражение, прежде чем его язык скользнул вверх по моей расщелине и нашел мой клитор, заставив все мое тело содрогнуться, мои руки сжались в кулаки на холодной стойке.

Потому что... черт возьми.

Мои бедра задрожали, когда его губы сомкнулись вокруг чувствительного бутона и сильно пососали, из моего горла вырвался сдавленный стон.

— О боже... — захныкала я, выгибая задницу, давая ему лучший доступ.

Но потом контакт закончился, и он двинулся, чтобы встать. Он провел рукой вниз по моему позвоночнику, посылая дрожь по всему телу.

— Не двигайся, — сказал он твердым голосом.

— Поче... — начала я спрашивать, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него.

Его рука схватила меня за затылок, заставляя отвернуться от него. — Я сказал, не двигайся, — повторил он, и я кивнула.

Затем он начал двигаться. Я не обернулась, чтобы посмотреть. Но вскоре он оказался в поле моего зрения, проходя через гостиную в свою спальню и открывая мне восхитительный вид на свою идеальную, мускулистую задницу, когда он это делал.

Он вышел через несколько секунд, подняв голову ко мне, его глаза скользнули по моему виду, склонившемуся над стойкой. Я тоже наслаждалась видом, начиная с его широких плеч и кончая глубоким, очень глубоким V-образным вырезом пояса Адониса, его напряженным членом и мускулистыми бедрами. Он был просто... идеален. Каждый дюйм. Мои глаза скользнули по его руке, увидев серебряную фольгу презерватива, причину, по которой он оставил меня, и я почувствовала, прилив облегчения.

Потому что я каким-то образом забыла все ужасные истории из моих школьных занятий

по сексу и, вероятно, позволила бы ему пойти на это и рискнуть бог знает, чем.

Слава богу, хоть один из нас соображал здраво.

Он подошел ко мне сзади, быстро справившись с презервативом, прежде чем я почувствовала, как он вдавил бедра в мою задницу, так что его член скользнул между моих бедер, заставляя мою задницу выгнуться и начать тереться о него. Руками он провел вверх по моим бокам, опустился к животу, двигаясь вверх, пока его мозолистые, твердые ладони не накрыли мою грудь, которая, казалось, отяжелела от соприкосновения, мои соски болезненно затвердели, когда он начал перекачивать их между пальцами. Его подбородок приблизился, прежде чем его губы коснулись кожи моей шеи, сильно посасывая. В эту секунду его член скользнул вверх и попал в сладкое местечко, вызвав неожиданный оргазм, пронзивший меня, перехватывая дыхание.

— Ты произносишь мое имя, когда кончаешь, — сказал он мне в шею, впиваясь руками в мою кожу.

— Брейкер, — выдохнула я, чувствуя, как дрожат мои ноги, когда пульсация начала ослабевать.

— Хорошая девочка, — пробормотал он.

Одной рукой он провел по моей груди, а другой скользнул вниз по животу, касаясь моего, внезапно ставшего слишком чувствительным, клитора. Я почувствовала, как его член прижался ко входу на долгую секунду, достаточно долгую, чтобы я по-настоящему забеспокоилась о его размерах, прежде чем он двинулся вперед, одним быстрым движением погрузившись глубоко в меня.

Полу-вздых, полу-стон сорвался с моих губ, потому что было больно. Не тот резкий укол, которого я ожидала, а горячее, жгучее ощущение, когда он растянул меня до предела. Он замолчал, глубоко зарывшись, его теплое дыхание было у моего уха. — Расслабься, — сказал он напряженно. — Не сопротивляйся мне, — продолжал он, его бедра покачивались напротив меня, не совсем толкаясь, но пульсируя внутри меня, заставляя мое тело привыкнуть к ощущениям.

Я сделала глубокий вдох, откинула голову ему на плечо, закрыла глаза, позволяя себе преодолеть дискомфорт, позволяя ему ускользнуть, пока его не сменило медленно нарастающее удовольствие. Мое дыхание стало более поверхностным, но учащенным. Мои бедра начали двигаться сами по себе.

— Помнишь, что я сказал о том, как я трахаюсь? — спросил он напряженно.

Я облизнула губы языком, прежде чем ответить, мой голос прозвучал хрипло. — Жестко, — вспомнила я.

— Жестко, — согласился он. — Раскинь руки шире, — проинструктировал он. — Приготовься.

Я скользнула руками по поверхности, удивленная, когда он сомкнул свои руки поверх моих, удерживая их на месте.

А потом не было никаких мыслей.

Потому что его член врезался в меня.

Жестко, как и обещал.

Я ожидала больше горячих ощущений.

И, что я могла чувствовать — это нарастающий оргазм, когтистая, ноющая потребность, возрастающая до уровня, граничащего с болью по своей интенсивности.

Мои руки сжались в кулаки, когда из моего горла начали вырываться стоны, громкие и

неистовые. Он отпустил мои руки, поднялся к плечам и схватил их, используя, чтобы дать ему больше рычагов, когда он продолжал свои неустанные, устойчивые толчки.

— Вот и все, — сказал он. — Чувствуешь, как твоя киска сжимает меня? — спросил он. И он был прав. Я чувствовала напряжение, угрозу забвения. — Иди за мной, куколка. Позволь мне услышать, как ты выкрикиваешь мое имя.

Его член погрузился глубоко.

И тогда я это сделала.

Жестко.

И громко.

Выкрикивая его имя на таком уровне, что у меня заболели уши, когда моя плоть сжалась в быстрой последовательности импульсов. Сквозь это его толчки ничуть не колебались, и не замедлились, просто продолжали врезаться в меня сильно и быстро, так что, прежде чем оргазм полностью утих, он снова нарастал.

Как он и обещал.

И, как он и говорил, мои стоны стали сдавленными, глотая воздух, когда мои ноги начали сильно дрожать, заставляя его руки соскользнуть с моих плеч и обхватить меня за талию, притягивая меня к себе, чтобы удержать меня в вертикальном положении. Его зубы впились в мочку моего уха, когда он схватил мою грудь, впиваясь, когда его толчки стали (если это было возможно) сильнее и быстрее. Требуя моего освобождения, чтобы он мог добраться до своего.

Он сжал мои соски, когда его член выскользнул наружу. К тому времени, как он снова наполовину погрузился в меня, мое тело взорвалось оргазмом, от которого у меня все побелело, рот открылся, чтобы закричать, но ничего не вышло.

— Да, черт возьми, — прорычал он, когда я прошептала его имя, все мое тело сотрясилось от оргазма.

Я почувствовала, как он напрягся, глубоко войдя, когда его дыхание вырвалось из горла, и он кончил на последних волнах моего оргазма.

Глава 12

Брейкер

Я хотел подойти к ней. Когда она рассказывала мне о своей маме. Я почувствовал печаль в ее словах. Воздух вокруг нее был тяжелым от этого. Но вместе с этим была та странная аура отстраненности, которую она всегда носила. Как будто ей нужно было вычеркнуть себя из уравнения. И я впервые задумался, может быть, дело было не только в том, какой она была. Возможно, это был защитный механизм, способ выжить, когда она была сама по себе. Может быть, это была не настоящая Алекс Миллер.

И я поймал себя на том, что хочу узнать настоящую.

Но я также знал по странной пустоте ее слов и по тому, как она держала свои плечи, что она не впустил меня. Если бы я подошел к ней, она бы отпрянула. Поэтому я остался посреди кухни и слушал. Даже несмотря на то, что это немного убивало меня, чтобы дать ей немного силы. Или некоторой эмоциональной честности.

Затем она, наконец, закончила говорить. Я не мог с этим бороться. Я подошел к ней. И я обнял ее. Она растворилась во мне на минуту, позволив обнять ее, прежде чем я почувствовал, как она внезапно напряглась и отстранилась.

Потом она переключилась и начала, как обычно, болтать.

И, ну, Алекс, будучи болтливой, была почти такой же горячей, как Алекс, краснеющая, или Алекс, целующая меня в ответ, как будто ее никогда раньше не целовали.

Я просто ничего не мог с собой поделать.

Очевидно, она тоже не могла.

Видеть, как она склонилась над моей стойкой, задрав задницу, приглашая меня войти. Да, наверное, это самая горячая вещь, которую я когда-либо видел в своей жизни. Быть внутри нее, слушать ее стоны, слышать, как она зовет меня по имени, когда ее киска сжимает мой член... Да, это стоит того, чтобы пройти через все это дерьмо, которое, несомненно, произойдет с нами обоими из-за этого.

Ее руки поднялись и обвили мою шею после этого, мои прижимали ее ко мне, когда ее дыхание успокоилось, и ее ноги стали достаточно устойчивыми, чтобы держать ее без поддержки. Я схватил ее футболку и вернул ей, взял свою одежду и направился в ванную.

К тому времени, когда я вернулся, она уже нарезала стейк ломтиками на тарелках рядом с большими кучами картофеля.

Увидев, как я приподнял бровь, она наклонила голову, слегка покраснев. — Если я не была голодна раньше... то теперь точно, — призналась она тихим голосом, отчего в моей груди раздался смешок. Не то чтобы я был человеком без чувства юмора. Черт возьми, когда твой лучший друг — кто-то вроде Шотера, у тебя постоянно будет болеть бок. Но в ее неловкости было что-то одновременно чертовски сексуальное и уморительно милое. Я никогда не ловил себя на том, что смеюсь с женщинами (или над ними). Моя реакция на Алекс была другой. Новой. Интересной.

— Куда ты направляешься? — спросил я, наблюдая, как она проходит мимо меня с тарелками, минуя стулья, стоявшие у островка, мимо гостиной и направляясь в холл.

— Решила, что мы поедим в постели, — сказала она, даже не потрудившись обернуться.

— Кровати предназначены для секса и сна, — сказал я, наблюдая, как она замирает и поворачивается ко мне.

Ее брови были приподняты, на губах играла растерянная улыбка. — Что?

— Секс и сон. Как правило, в таком порядке. Ты не ешь в постели.

— Почему, черт возьми, нет? — спросила она, махнув рукой с тарелкой в сторону.

— Ты серьезно ешь в своей постели?

На это она фыркнула. — Ты видел мою квартиру? — спросила она, улыбаясь, — кроме моего рабочего кресла, единственное место, где я могла сидеть — это моя кровать. Она одновременно служит столовой, диваном, кабинетом, педикюрным креслом...

— Хорошо, — сказал я, соглашаясь с тем, что ее дом был адской дырой, которая, возможно, требовала чего-то подобного, — но мы не будем есть в постели, — сказал я, указывая рукой на кухонную стойку. Услышав это, она громко выдохнула, покачала головой и направилась обратно, громко грохнув тарелками.

— Просто говорю... кровать была бы удобнее, — пожалала она плечами, выдвигая стул и садясь. Я покачал головой, направляясь к холодильнику, чтобы взять пару бутылок пива. — Значит, тебе даже не нравится... поздний ночной перекус в постели? — спросила она. Когда я обернулся, она пристально изучала меня взглядом.

— Нет куколка, — сказал я, протягивая ей пиво и садясь есть.

— Странно, — сказала она в горлышко пивной бутылки. Мы ели в тишине в течение минуты, воздух вокруг Алекс, казалось, становился все более и более беспокойным с каждым мгновением, когда она начала ерзать, — разве мы не собираемся поговорить о том, какой

странной была та встреча? — наконец спросила она, выпалив слова, как будто она пыталась сдержать их некоторое время.

Что ж. Хорошо. Мы должны были поговорить о встрече несколько часов назад. Но я, черт возьми, не собирался прекращать прикасаться руками к ее телу, чтобы поговорить о больном ублюдке, из-за которого ее голос звучал безжизненно.

Но я догадался, что пришло время. Ее накормили, трахнули и вообще она была более уравновешенной, чем обычно.

— Конечно, — сказал я, отодвигая тарелку в сторону.

— Это было странно, правда? — спросила она, полностью поворачиваясь ко мне, ее колени прижались к моему бедру, и она оставила их там.

— Да, куколка, это было странно.

— Он не знает, что я следила за ним.

— Нет, не знает, — если бы он знал, она была бы давно мертва. Ужасная мысль, но тем не менее правдивая.

— Так какого черта он хочет, чтобы ты удерживал меня?

— Это хороший вопрос, — это был тот вопрос, который я безостановочно обдумывал с тех пор, как Лекс вышел из вагона поезда. Алекс, если не считать того, что я знал, что ее жизненная миссия состояла в том, чтобы уничтожить Лекса Кита, была никем. У нее не было друзей. Никакой семьи. Она держалась особняком. В ней не было ничего такого, что могло бы привлечь внимание Лекса. Помимо того, что она великолепна. Но если бы это было его мотивом, она бы уже не была в моих руках. Ничто в этой ситуации не имело смысла.

Но я знал Лекса. Я знал, как он действовал. У него были планы. А потом у него появились планы подкрепить свои планы. Если он хотел Алекс, у него была причина.

— И зачем удерживать Шотера? — она продолжала, ее брови сошлись так, что между ними образовались две маленькие вертикальные линии, и я отчетливо представлял, как она делает это каждый раз, когда садится за свой ноутбук. Как будто такой взгляд появлялся у нее всякий раз, когда она пыталась что-то обдумать.

Шот был еще одной неучтенной проблемой. Я понял, почему он схватил его с самого начала. Лекс знал, что поймет меня. Он знал, что мне это дерьмо не понравится. Он хотел убедиться, что я сделаю так, как мне сказали. В этом был смысл. Это было умно.

Но продолжать удерживать Шота даже после того, как я явно показал, что делаю свою работу? Да, я этого не понял.

Это пахло планом побольше.

И это наполнило меня тем, что никогда не было мне знакомо: страхом.

По крайней мере, у Алекс хватило присутствия духа дать ему нож. Блядь. Какой-то ничтожный хакер был в деле больше, чем я. Какого хрена со мной происходит?

— Я не знаю, — наконец ответил я.

— Между нами, — продолжала она, ковыряя картошку, но не съедая ее, — мы, кажется, довольно хорошо знаем Лекса. Все это не соответствует его обычному образу жизни, — она помолчала минуту, а затем сказала так тихо, что это было в основном для нее самой, — какого черта ему от меня нужно?

Я вздохнул, слегка повернувшись на стуле и положив руку ей на бедро. — Не знаю. Но он тебя не достанет. Ты и я... мы это сделаем. Посмотрим, сможем ли мы узнать что-нибудь еще. Если мы не сможем, мы спрячем тебя нахрен отсюда, прежде чем он сможет прийти за

тобой.

— А что насчет тебя и Шота? — спросила она, выглядя встревоженной.

— Позволь мне побеспокоиться обо мне и Шоте.

— Ты вляпался в это из-за меня, — настаивала она.

— Нет, — сказал я, опуская голову и удерживая ее взгляд, — я в этом замешан, потому что Лекс — мудака, который взял единственного человека, который важен для меня, чтобы использовать меня как марионетку. Это не из-за тебя.

— Он схватил Шота, потому что хотел, чтобы ты схватил меня, — настаивала она.

— Куколка, это работа, — сказал я, пожимая плечами, — когда ты имеешь дело с такими ублюдками, как Лекс Кит... ты привыкаешь к тому, что они делают грязное дерьмо и вовлекают тебя в это. Вот почему мне платят столько, сколько мне платят. Чтобы мириться с их дерьмом. Я всегда принимал это. Шот всегда принимал это. Единственная хуйня, которой он смог воспользоваться — это такие близкие отношения и жизнь в одном городе. Это дерьмо просто настигло нас. Нам следовало быть более осторожными. Это не твоя вина. Это моя. Это та жизнь, которую я выбрал. Не взваливай мою вину на свои плечи.

Она опустила глаза в свою тарелку. — Мне нравится Шотер. Я имею в виду... Я знаю, что встречалась с ним всего минуту, но он мне понравился. Он кажется хорошим человеком.

— Самый лучший, — согласился я, — намного лучше, чем я. И он умен, Алекс. Он хорошо обучен. У него хорошие инстинкты. Я знаю, что он не похож на такого человека из-за его паршивого рта, но это правда. На самом деле, эти дурацкие комментарии, которые он делает... это заставляет людей недооценивать его. Что работает ему на пользу. Что касается выживания, то у него такие же хорошие шансы, как и у нас, даже несмотря на то, что он находится в центре операции Лекса.

На это она издала короткий невеселый смешок. — Тогда это не сулит ничего хорошего никому из нас.

— Послушай, — сказал я, мне не понравилось, что ее тон снова стал пустым, — уже поздно. У нас был чертовски тяжелый день. Нам нужно немного закрыть глаза и поговорить об этом, когда мы отдохнем.

Алекс вздохнула, пожимая плечами. — Хорошо.

— Хорошо, — сказал я, вставая.

— Просто брось мне одеяло и подушку, и я буду спать тут, — сказала она, вставая, чтобы взять посуду.

— Оставь посуду. И о чем, черт возьми, ты говоришь?

Ее брови сошлись на переносице. — Одеяло и подушку, — повторила она, махнув рукой в сторону гостиной, — для дивана. Чтобы я могла поспать. Я имею в виду, я могу обойтись без подушки, если у тебя нет ничего лишнего. Но я как бы... практически голая, и мне нужно одеяло, — она махнула вниз на свои голые ноги.

Я почувствовал, как улыбка тронула мои губы. Неужели она всерьез думала, что я позволю ей спать на диване?

— Ты спишь со мной в постели, — сказал я, направляясь в коридор.

— Нет, правда. Диван вполне сойдет. Я не хочу... мешать.

Я остановился у ванной, повернулся к ней, ожидая увидеть ее улыбку, как будто она дразнила меня или что-то в этом роде. Но все, что я видел, была серьезность.

— Куколка, ты спишь со мной в моей постели. И я хочу, чтобы ты мне мешала. О, и, — сказал я, медленно поднимая и опуская взгляд, — в ней не будет никаких «практически».

Если ты в моей постели, ты голая.

С этими словами я вошел в ванную, образ ее широко раскрытых глаз от удивления вспыхнул в моем мозгу, когда я разделся и прыгнул в душ.

Когда я вытерся и вернулся в спальню, низко повесив полотенце на бедра, я обнаружил ее на кровати. Все еще в футболке. Ноги спрятаны под одеялом.

Мои губы изогнулись, когда ее взгляд остановился на мне. И, как будто она ничего не могла с собой поделать, ее взгляд скользнул вниз по моей груди и животу, остановившись на полотенце. Как только ее взгляд задержался на нем, я распахнул его и позволил ему упасть на пол. Она смотрела долгую секунду, прежде чем ее взгляд упал на одеяло вокруг талии.

— Я думал, что четко сформулировал правило отсутствия одежды, — сказал я, подходя к своей стороне кровати и откидывая одеяло.

— Ты можешь спать, как хочешь. Мне нравится, когда на мне есть одежда.

— К черту то, что тебе нравится, — сказал я, протягивая руку, стягивая футболку через ее голову и бросая ее в коридор.

— Серьезно? — спросила она, прожигая меня взглядом, когда ее рука легла на грудь, прикрывая ее.

— Ага.

— Ты слишком серьезно относишься к своей постели, — проворчала она, скользнув под одеяло.

Я откинулся на спину на минуту, прежде чем протянуть руку и притянуть ее к себе. Она вскрикнула, и ее рука легла мне на живот, пытаясь оттолкнуть. — Расслабься.

— Я сделаю это, если ты меня отпустишь, — сказала она, все еще толкаясь.

Я покачал головой, притягивая ее на свою грудь, одной рукой обнимая ее за плечи, другой обнимая за бедра, одна из ее ног оказалась зажатой между моими. Я провел пальцами по ее бедру, и она перестала сопротивляться, потерлась лицом о мою грудь и издала тихий хныкающий звук из своего горла, который дошел прямо до моего члена.

— Рад знать, что ты готова трахаться в любое время, когда мои руки прикасаются к тебе, куколка, но я устал, так что тебе придется потерпеть до утра, — я улыбнулся, когда почувствовал, что она пытается подняться. — Ложись спать, Алекс.

— Перестань быть таким чертовски властным, — возразила она, но успокоилась.

— Этого не случится, — сказал я, сжимая ее один раз, прежде чем устроиться поудобнее.

Глава 13

Алекс

Я проснулась от холода.

Вот так я поняла, что я одна. Огромное тело Брейкера всю ночь было похоже на раскаленную печь. Теплую, уютную печь. Если бы кто-нибудь сказал мне, что Брайан Брейкер, состоящий из шести футов безжалостных сокращающихся мышц и очень грубого секса — мог спать в обнимку, я бы сказал, что они сумасшедшие.

Так было до того, как он сорвал свое полотенце (горячо), затем сорвал мою футболку (еще горячее) и прижал меня к своему телу, полностью поймав меня в ловушку обеими руками и одной ногой, и не дав мне даже дернуться всю ночь.

Я думала, что буду чувствовать клаустрофобию. Я никогда не спала в одной постели с кем-то другим. И хотя я всегда спала на крошечной кровати с двумя односпальными

матрасами, у меня всегда было достаточно места, чтобы ворочаться и метаться, когда я становилась беспокойной. Что случалось часто.

Мой сон никогда не был глубоким. Каждый крик на улицах под моей квартирой и каждый писк запирающейся машины будили меня. Как и мои обычные ночные кошмары.

Но я проспала до утра.

Впервые за долгое время я не могу вспомнить, как долго.

Отчасти это, вероятно, было связано с полной тишиной в уединенном доме Брейкера.

Но это не объясняло, почему не было плохих снов.

Я очень старалась не заикливаться на этом маленьком факте.

Как я проспала, когда Брейкер выскользнул из-под меня? Да, это была полная загадка.

Я села в постели, потирая сонные глаза. Подошла к его комоду, схватила новую футболку, надела ее и поспешила в ванную.

Порывшись немного, я нашла новую зубную щетку и принялась чистить зубы, а также лихорадочно пыталась навести хоть какое-то подобие порядка в волосах. Учитывая, что единственным вариантом было помыть руки, я не стала умываться и вышла в гостиную.

Только чтобы остановиться как вкопанной, увидев Брейкера, стоящего ко мне сильной спиной, в серых спортивных штанах, низко сидящих на бедрах, стоящего у раковины... моющего посуду.

Моющего. Посуду.

Ситуация была такой неожиданной и странной, что я почувствовала, как странный смех сорвался с моих губ.

При этом звуке голова Брейкера повернулась через плечо. — Что тут смешного?

— Ты моешь посуду? — спросила я, входя в кухню.

— Как еще она очиститься?

— Я не знаю. Я полагала, что крутым парням не обязательно делать такие вещи. Что посуда оживет и вымоется сама из страха возмездия или чего-то в этом роде.

На это он фыркнул, его глаза потеплели. — Там есть кофе.

Хорошо. Это было странно.

Не странно в плохом смысле.

Странно в каком-то странном смысле.

Потому что это было так нормально. Так, вероятно, начинали свое утро большинство людей. Занимались банальной работой по дому. Делились улыбкой. Предлагали друг другу кофе. Это было хорошо... по-домашнему.

Услышав это, я снова рассмеялась.

Потому что таких мужчин, как Брейкер, никогда не следует называть домашними.

Я подошла к кофеварке, налила себе чашку и долила ему. Как ритуал.

Между тем, я никогда раньше не доливала кофе кому-то другому.

— Ты голоден? — спросила я, чувствуя себя неловко от тишины.

— Ты готовишь?

— Я могу поджарить немного тостов, — предложила я, собираясь взять хлеб и положить два ломтика для себя в тостер.

— Конечно, — сказал он, вытирая сковородку с прошлой ночи.

Я стояла, наблюдая, как нагреваются маленькие сморщенные металлические спирали, чувствуя непреодолимое желание заполнить тишину. Что в прошлом было странно для меня. Но с тех пор, как я встретила Брейкера, я, кажется, не могла держать рот на замке. — Где ты

научился готовить?

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Брейкер остановился. — Что?

— Где ты научился готовить?

— Моя мама.

При этих словах я почувствовала, как у меня закружилась голова. — Серьезно?

Брейкер взял свою чашку с кофе, прислонился бедрами к стойке, наблюдая за мной. — Да. Серьезно. Она позволяла мне помогать, когда я был маленьким. До того, как она умерла.

Еще одна мертвая мать. Мы были печальной парой.

— Сколько тебе было лет? — спросила я, пропуская соболезнования. Никто не хотел слышать это дерьмо.

— Десять.

Черт, десять. Это отстой. У меня было шесть лишних лет со своей.

— Твой отец был на фото? — спросила я, зная, что сую нос не в свое дело, ожидая, что он меня проигнорирует. Вот что делали люди. Вот что делала я.

— Если под «на фото» ты имеешь в виду жизнь, в которой он каждый день выбивал из меня все любящее дерьмо, то да.

Я почувствовала, что вздрагиваю от этого.

Один или два приемных родителя дали мне пощечину. Я знала, как это унижительно и беспомощно. Я не могла себе представить, каково это, когда тебя бьет настоящий родитель. Когда в твоих венах текла их кровь. Когда не было никакой надежды когда-нибудь что-то изменить.

Кроме того, теперь я была знакома с тем, каково это, когда кулак взрослого мужчины бьет тебя. И это было совсем не весело. У меня болела челюсть, когда я открывала ее. Просто боль от синяка, который портил мою кожу, но все равно было больно. И это был всего лишь один удар.

— Он был таким же пьяницей, как отец Шота? — спросила я, надеясь, что это было оно. Иначе, какое могло быть оправдание?

— Нет, куколка. Он был просто придурком. До того, как это был я, это была моя мама.

— Он избивал твою маму? — спросила я, мой голос звучал странно. Слабым.

— Да.

Вот почему. Вот почему он взбесился из-за того, что ударил меня. Не потому, что он был просто благородным парнем. Порядочным человеком. Потому что он видел, как его отец избивал его мать, и он в детстве оплакивал ее беззащитность. И когда она ушла, он был дублером.

Дерьмо.

Я была довольно бесчувственной, говоря ему, чтобы он смирился с этим.

Но откуда мне было знать?

— Как она умерла? — спросила я. Мне было любопытно, и он, по-видимому, действительно откровенничал о своем прошлом.

— Рак легких — просто сказал он, — она не курила. Но папаша да.

О боже.

Хорошо.

Моя история начинала звучать менее ужасно, чем его.

Не то чтобы это было соревнование. Но если бы это было так... он бы победил. Легко.

Я почувствовала, как слезы защипали мне глаза, и почувствовала, как меня захлестнула

волна ужаса. Это была не я. Я была не из тех девушек, которые плачут. Я была той девушкой, которая задирала подбородок, расправляла плечи и делала вид, что тебя ничего не трогает. Я не собиралась плакать из-за маленького десятилетнего Брейкера, в то время как большой, мужественный, достаточно хорошо приспособленный Брейкер стоял в нескольких футах от меня.

Его глаза на секунду потеплели, наблюдая за мной. Как будто, может быть, он знал, с чем я борюсь. Затем его голос немного повеселел: — Твой тост горит.

Я резко развернулась, нажала на кнопки, и, конечно же, они почернели. Но их можно спасти. Я порылась в поисках ножа и соскребла обуглившийся край, прежде чем намазать их маслом.

— Спасибо, детка, — легко сказал он, беря треугольник и вгрызаясь в него.

Я не поблагодарила его за ужин.

Дерьмо.

Хорошо.

Мне нужно было приобрести... набор каких-нибудь базовых социальных навыков или чего-нибудь в этом роде.

Я жевала кусочек тоста, глядя в окно на его задний двор. — Так, эм, ты типа... — о боже мой. Мне нужно было перестать бормотать. — Чем ты... занимаешься?

Его голова склонилась набок. — Что?

— Когда ты не... работаешь? Чем ты занимаешься?

Он пожал плечами. — Тренируюсь. Смотрю фильмы. Хожу куда-нибудь с Шотом или Пейном.

Часть меня понимала, что встречи с Шотом или Пейном (чем бы это, черт возьми, ни было) включало в себя то, что все трое разбегались в разных направлениях с разными женщинами. Я подавила странный укол ревности.

Мы занимались сексом.

Это не давало мне права вешать на него свой флаг.

Он, наверное, все время валял дурака.

Почему я вообще думала о его прежних сексуальных завоеваниях? Это было совершенно не мое дело. Он не интересовался моими. И он, черт возьми, не испытывал к ним ревности. Не то, чтобы он знал, что они были просто... жалкими по сравнению с его.

— Алекс, — позвал его голос, и я резко повернула к нему голову, — звал тебя дважды, — сказал он, заставив меня слегка покраснеть.

— Прости. Я была... где-то в другом месте.

— Где?

— Не здесь.

При этих словах я приподняла бровь. — Что это за чертовы стены, куколка?

— Какие стены?

— Колючая проволока высотой в десять футов, которую ты носишь вокруг себя, как защитное одеяло.

Ну и черт с ним.

Он поймал меня.

Но это не означало, что ему нужно было это знать.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Разве ты не пытаешься держать меня на расстоянии?

— Не будь смешным.

Брейкер поставил свою кружку на стойку, покачав головой. — Детка, я почти уверен, что прошлой ночью я был внутри тебя, — начал он, и я почувствовала, как мои щеки запылали. Он не просто так это сказал, — я знаю, как ты чувствуешь себя и как ты говоришь, когда кончаешь. Я знаю, какая ты на вкус. И ты думаешь, что не можешь сказать мне, о чем ты думала минуту назад? Ты не думаешь, что можешь впустить меня хоть ненадолго?

— С какой целью?

— Потому что так поступают люди, Алекс, — сказал он, его голос стал резким. — Ты не можешь прожить жизнь, прячась за компьютером, говоря себе, что месть важнее жизни. Налаживание связей. Выходить к людям. Делиться своей историей. Какого хрена ты так боишься этого?

— Я ничего не боюсь! — взвизгнула я, отбрасывая остатки своего тоста, больше не голодная. Я никогда не ссорилась с парнем. Никогда. Это было странно, и от этого у меня сводило живот. И мой старый верный друг гнев поднял свою уродливую голову.

— Чушь собачья, Алекс. Ты всего боишься.

Это было неправдой. Я ничего не боялась. Не так, как большинство людей. Не таким образом, чтобы это делало их осторожными, заставляло их сомневаться в том, что они хотели сделать. Я просто летела вперед, и к черту последствия. Что было худшим, что могло случиться? Я бы умерла? Ну и что?

— Нет, я не...

— Ты так боишься жизни, что, черт возьми, не боишься умереть, Алекс, — сказал он, его голос был мягче, и его слова прозвучали с тяжелым чувством внутри меня.

Потому что он был прав.

Он был прав.

И это было очень разочаровывающе и чрезвычайно расстраивающим.

Я боялась жить жизнью, в которой не было бы мести. Я даже не знала, что может означать такая жизнь. Если бы это у меня отняли, что бы мне осталось?

Мне даже не нужно было останавливаться, чтобы узнать ответ: ничего. У меня бы ничего не было.

Я почувствовала, как мои плечи поникли, голова опустилась к моим ногам.

Боже, я была довольно жалкой.

— Не делай этого, — вмешался голос Брейкера, и я увидела, как его ноги двигаются ко мне, — не отстраняйся только потому, что я прав, — сказал он, его рука скользнула под мою челюсть, с той стороны на которой не было синяка.

— Просто оставь меня в покое, Брейкер, — сказала я тихим голосом. Неужели так трудно было понять, что я хочу побыть одна? Что мне нужно было разобраться с каким-то дерьмом?

— Ни за что. Ты перестанешь зарываться в себя и вступишь меня.

— Почему тебя это волнует? — выпалила я, мой взгляд поднялся к нему, и я сразу поняла, что это ошибка.

— Потому что ты ворвалась в мою жизнь, рассказывая о извращенном порно и желании убить худшего криминального авторитета города за последние годы. Ты показала мне свою выдержку и решимость. Твоя странная разновидность самоотверженной силы. Твой гребаный умный рот. И твое феноменальное гребаное тело. Ты дала мне это. На один день, Алекс. Гребаный день. И я не могу насытиться этим. Так что я хочу большего.

— Что, если я не смогу дать тебе больше?

— Ты сможешь, — просто сказал он, проводя большим пальцем по моим губам, — но, может быть, это немного подождет, — сказал он, его взгляд упал на мои губы.

— Подождет? — спросила я, чувствуя, как тяжесть ложится мне на грудь, а в животе поднимается жар.

— Сначала я думаю, что мне нужно напоминание об этом феноменальном теле, — пояснил он.

При его словах снова возникло то пред-оргазмическое трепетание, и я крепче прижалась к нему бедрами.

— Это я могу тебе дать, — осторожно сказала я, наблюдая, как его глаза потемнели.

— Черт возьми, можешь, — сказал он, отступая. Затем повернулся ко мне спиной и направился в гостиную, — я не собираюсь ждать весь день, пока ты последуешь за мной, — крикнул он, опускаясь на диван, — тащи свою хорошенькую маленькую попку сюда и оседлай меня.

О.

Боже.

Окей.

Хорошо.

Прежде чем мой разум смог принять решение, мои ноги понесли меня к нему. Я обошла его спереди, встав между его раздвинутыми ногами.

— Твой первый шаг, — проинструктировал он, лениво наблюдая за мной.

Я потянулась за подолом и стянула футболку, бросив ее на пол рядом с моими ногами. Я судорожно вздохнула, наблюдая, как его глаза медленно скользят вниз по моему телу, а затем так же медленно поднимаются вверх.

— Иди достань презерватив из тумбочки, — проинструктировал он, и я снова смущенно потянулась за футболкой. — Нет, — сказал он, ставя ногу на нее. — Иди так.

— Брейкер... — попыталась я.

— Позже ты произнесешь мое имя. Мне больше нравится, когда ты говоришь его, когда я внутри тебя. Так что иди, возьми гребаный презерватив, чтобы я мог слышать это снова.

Трепет, трепет, трепет.

Он убивал меня, а он даже не коснулся воздуха вокруг меня. Поэтому я с трудом сглотнула от неуверенности, повернулась и направилась обратно в спальню. Я схватила презерватив из его прикроватной тумбочки и направилась обратно, изо всех сил стараясь держать подбородок поднятым, и щеки покраснели. Мантра, похожая на один из тех нелепых компакт-дисков с гипнотической самопомощью, которые крутятся у меня в голове по кругу: я сильная, уверенная в себе, сексуально опытная женщина, которой не нужно стыдиться своей наготы.

Я передала презерватив Брейкеру, который спустил свои спортивные штаны, небрежно вытащил свой твердый член и надел его.

Я почувствовала, как у меня внутри все сжалось при виде того, как его глаза снова поднялись на меня. — Иди сюда, — сказал он, его голос был грубым и мягким одновременно. Что казалось невозможным, но это было так.

Я придвинулась к нему, поставив колени по обе стороны от его бедер, так что я оседлала его. Он сразу же положил свои руки на мои бедра, двигаясь вверх по ребрам, пробегая по чувствительной нижней части моей груди, прежде чем накрыть ее и сжать,

заставляя мою голову откинуться назад со стоном, когда мои бедра опустились, ища его и удовлетворения, которое он предлагал.

— Ты уже мокрая для меня, куколка? — спросил он, одной рукой обнимая меня за спину, чтобы подтолкнуть к себе, его голова наклонилась, чтобы его рот мог взять мой сосок, проводя по нему языком, пока он не напрягся, а затем сильно посасывая.

— Да, — призналась я, мои бедра покачивались на его члене.

— Тогда возьми мой член, — сказал он, двигаясь к другому соску и повторяя попытку, пока мое покачивание не стало более неистовым, и я потянулась между нами, взяла его член в руку и подвинула его ко входу, остановившись, когда он прижался ко мне. Его голова поднялась, одну руку он положил мне на затылок, — прими меня, Алекс, — проинструктировал он, и трепет был таким сильным, что это был практически полноценный оргазм. Поэтому я опустила бедра, чувствуя, как он переступает порог, и со стоном закрыла глаза. — Нет, — сказал он, рука на моей шее сжалась достаточно сильно, чтобы оставить синяк. — Смотри на меня, когда я трахаю тебя.

Мои глаза медленно открылись, чувствуя тяжесть, как будто мне приходилось бороться, чтобы держать их открытыми. Пока я не нашла его ледяные голубые глаза, видя, что холод в них полностью отступает, полностью замененный теплом. И я ни за что не хотела отводить взгляд.

— Хорошо, — тихо сказала я, чувствуя, как он погружается до упора.

— Покажи мне, как ты этого хочешь, — сказал он мне, его другая рука переместилась, чтобы надавить на мою поясницу, направляя.

Затем я начала двигаться. Сначала я просто покачивала бедрами вперед и назад, прежде чем начать движение вверх и вниз, чувствуя, как мое тело крепко сжимается вокруг него каждый раз, когда его член входит.

— Тебе нравится, когда все идет медленно? — спросил он, не выглядя разочарованным, несмотря на то, что он предупреждал меня раньше, что он «не медленный и милый любовник».

Но даже когда он спросил, я почувствовала, как желание достигло апогея, превратившись в непреодолимую, мучительную потребность освободиться. И мои бедра начали двигаться быстрее, дыхание стало более прерывистым, сердце бешено колотилось. Мои руки переместились на его твердую грудь, слегка впиваясь в нее, по мере того как мой темп становился все более и более неустойчивым, слишком далеко зашедшим, чтобы поддерживать его устойчивым.

— Черт, — прорычал он, и опустил обе руки на мои бедра, и он удерживал их на месте, его тело внезапно начало двигаться под моим, входя в меня в быстром, устойчивом темпе, от которого всхлипы становились тяжелыми, с постоянными стонами, когда мое тело почувствовало, что конец близок. — Скажи мне, что тебе нравится, когда я трахаю тебя, — сказал он глубоким, напряженным голосом.

— Мне нравится, когда ты трахаешь меня, — тут же ответила я. Это было правдой. До боли. — О боже... черт... — простонала я, мои ногти впились в кожу его груди, когда я почувствовала, как глубоко внутри меня все сжалось, угроза взрыва. Затем его член снова рванулся вверх, и я почувствовала, как мой оргазм разрывает меня, его имя вырвалось с придушенным вздохом.

Я упала вперед, уткнувшись лицом в его шею, когда он прокатился по мне, заставляя мое тело содрогаться от толчков.

Он продолжал толкаться, даже когда мои стоны превратились в тихое удовлетворение. — Неа, куколка, я с тобой еще не закончил, — сказал он, забавляясь, когда внезапно встал на ноги, увлекая меня за собой, обхватив моими ногами талию.

Обняв его за плечи, уткнувшись лицом ему в шею, я понятия не имела, что мы вообще двигаемся, пока не почувствовала, как моя спина ударилась о стену.

Я вскинула голову и обнаружила, что он смотрит на меня сверху вниз с дьявольской ухмылкой на губах. — Ты сделала это по-своему. Теперь я сделаю это по-своему.

Я почувствовала, как дрожь пронзила меня при этих словах. Но потом его руки соскользнули с моих бедер, спустились под колени, заставляя меня приподняться, и мои бедра неловко дернулись вниз, и, если бы я не была прижата к стене, я бы упала на задницу. Он подтянул мои колени повыше и поднял их, когда начал врезаться в меня, его бедра ударялись о мою внутреннюю поверхность бедер с каждым толчком так, что это могло закончиться синяками. Но я была слишком далеко, чтобы беспокоиться, когда его длина безжалостно толкнула меня обратно вверх, заставляя мое дыхание, которое только что выровнялось, стать прерывистым и неровным.

Его лицо опустилось, двигаясь рядом с моим ухом, когда его тело безжалостно дернулось в моем. — Сладкая гребаная киска, — прорычал он, — тебе нравится, когда все жестко? — спросил он, не нуждаясь в ответе, так как я была на середине стоны, как и он.

— Да.

Его голова наклонилась, прижимая мои губы к своим и впиваясь в них, когда его темп каким-то образом стал еще быстрее.

Напряжение внутри усилилось, и я почувствовала, как умоляю его губы. — Не останавливайся.

— Не раньше, чем ты, блядь, закричишь, — пообещал он в ответ, его язык двинулся вперед, чтобы завладеть моим.

Прошло несколько секунд... секунду спустя я почувствовала, как внутри оборвалась спираль, посылая вместе с ней пульсирующий прилив удовольствия, который был сильнее, чем все, что я когда-либо знала раньше.

Потом я закричала. Как он и сказал. Его имя. Как ему нравилось.

Его голова поднялась, наблюдая за моим лицом, когда он проник сквозь мой оргазм, выходя, и снова глубоко погружаясь, когда кончил, рыча мое имя.

— Иисус, блядь, Христос, — сказал он мне в шею несколько минут спустя.

Не в силах заставить свой мозг и речь работать вместе, чтобы сформировать слова, я почувствовала, как моя голова закивала. Господи Иисусе, мать твою.

— Я причинил тебе боль? — спросил он, отступая назад, его руки скользнули из-под моих коленей под мою задницу.

Появилась болезненность. Очень много. Между моих ног. Моей внутренней поверхности бедер. Но это была хорошая разновидность боли.

— Нет, — сказала я, открывая глаза.

На это он кивнул, опуская мои ноги на землю. — Чертовски идеально, — пробормотал он, одна из его рук скользнула вверх по моему животу, чтобы на мгновение обхватить мою грудь, прежде чем остановиться на моей челюсти. Большой стороне. Мягко поглаживая по синяку. — Иди оденься, — сказал он, отходя от меня.

— Зачем? — спросила я, прислоняясь спиной к стене, все еще не полностью доверяя своим ногам, чтобы удержать меня.

— Мы пойдём к тебе домой и возьмём немного твоих вещей, — сказал он, входя в ванную.

При этом мои ноги, казалось, вспомнили о своей работе, когда несли меня к моей футболке. Я накинула ее, прежде чем направиться к двери ванной.

— Что? — спросила я через закрытую дверь.

Она распахнулась, и там был Брейкер. Все еще голый. Все еще в блаженном комфорте.

— Тебе нужна какая-нибудь одежда. Мы возьмем твой ноутбук. Все, что тебе еще нужно. Ты пробудешь здесь некоторое время. С таким же успехом нужно взять твоё дерьмо с собой.

С этими словами он проскользнул мимо меня и пошел одеваться.

Часть меня не решалась никуда идти. Покинуть относительную безопасность этого дома. Но он был прав. Мне нужна была одежда. Мой ноутбук тоже был бы нужен. И мои записные книжки. Фотографию моей мамы я хранила в коробке под кроватью. У меня было не так уж много. Черт возьми, мы бы, наверное, спокойно несли в руках все, что у меня было.

Поэтому я пошла в ванную, нашла свои запыленные штаны для йоги и натянула их, решив оставить его футболку, а не надевать свою старую грязную. Затем я надела ботинки, которые дал мне Брейкер, и вышла ему навстречу. Он был переодет в темные потертые джинсы и темно-серую теплую кофту с длинным рукавом, которая слишком хорошо смотрелась на его широкой груди.

— Пойдем, — сказал он, направляясь к двери и оставляя меня следовать за ним.

Глава 14

Брейкер

Я был наполовину удивлен, когда ее дом не был разгромлен. И когда удивление прошло, забеспокоился. Ее дом следовало разорвать на части. Что бы, черт возьми, Лекс ни планировал для Алекс, это должно было включать в себя изучение ее дерьма. Тот факт, что он этого не сделал, был еще одной вещью в длинном списке вещей, которые просто не имели смысла.

Алекс, казалось, это не смутило, когда она направилась прямо к своему шкафу, вытащила большую черную спортивную сумку и начала запихивать в нее одежду.

Я снова оглядел ее жилище, на этот раз не торопясь, чтобы увидеть его более ясными глазами.

У нее действительно ни хрена не было. Никаких фотографий. Никаких безделушек. Ни картин, ни книг. Ничего такого, что позволило бы тебе узнать, кем она была. Я мимолетно задался вопросом, знала ли она вообще, кто этот человек.

— Насколько плоха китайская еда внизу? — спросил я, листая один из ее зашифрованных блокнотов.

— Очень. Но бывает и хуже, — сказала она, хватая горсть бюстгалтеров из своего комода.

— Они тебе не понадобятся, — сказал я, кивая на ее руку, — я пойду возьму немного еды. Не то чтобы твой подгоревший тост не был вкусным, куколка, но мне нужна настоящая еда.

— Ха-ха, — сказала она, беря лифчики и запихивая их в свою сумку, несмотря на то, что я не собирался позволять ей их носить, — что? Ты даже не собираешься спросить меня, чего

я хочу? — спросила она, звуча искренне раздраженной этой идеей, когда я стоял в дверях.

— Подумал, что у меня будет достаточно еды, чтобы поделиться.

— Что, если мне не понравится то, что ты закажешь? — спросила она, уперев руки в бока.

— Мы серьезно спорим о гребаной китайской еде?

— Проблема скорее в твоём самоуправстве.

Она могла спорить, о чем угодно. Горячо. Я знал, что если не сдамся, то мы пройдем пару раундов. Без всякой гребаной причины. Именно такой она и была. И если бы это не было так чертовски горячо, я бы, наверное, счел это раздражающим. — Хорошо, куколка. Что ты хочешь съесть?

При этих словах она опустила руки с бедер и пожала плечами. — Я съем все, что угодно.

Это было так нелепо и неожиданно, что я поймал себя на том, что запрокидываю голову и смеюсь. — Ты, блядь, серьезно? — спросил я через смех, — ты злишься на меня за то, что я не спрашиваю тебя, чего ты хочешь, когда тебе плевать, что я закажу?

— Как я уже говорила... это дело принципа.

Иисус Христос.

Она была гребаным психом.

Но я спустился по пожарной лестнице, улыбаясь.

Я наблюдал, как люди за прилавком складывали в коричневый пакет соевый соус и горчицу, когда зазвонил мой сотовый. Этот звук сразу же наполнил меня ужасом. У меня не было другой работы. И хотя не было ничего необычного в том, чтобы получить звонок по поводу новой, они обычно начинали с предварительного сообщения с паролем, чтобы они знали, что это действительно я, прежде чем дозвониться до меня.

Я потянулся к нему и нажал кнопку вызова.

— Да.

— Брейкер, — скользкий голос Лекса донесся до моего уха и подтвердил бурлящее чувство в моем животе.

— Лекс, — ответил я скучающим голосом, хотя кровь стучала у меня в ушах.

— Как держится моя девочка?

Блядь. Это была зыбкая почва. Был шанс, что за мной наблюдали, что бы я не солгал. Но также нехорошо выглядело и то, что я расхаживал рядом с ней без наручников и выглядел ничуть не взволнованным. Черт возьми, когда мы ушли от меня, она выглядела только что оттраханной и довольной.

— Заноза в моей заднице. Потребовала, чтобы я отвез ее домой, чтобы она переделалась.

— Мне нравятся девушки с характером, — заметил он, заставив мои губы скривиться. Ему нравились девушки с характером, потому что ему нравилось ломать их. Большой ублюдок.

— Зачем ты звонишь Лекс? — спросил я, протягивая наличные девушке с едой.

— Присматриваю за своими инвестициями.

— Инвестициями? — повторил я, беря пакет с едой и направляясь к двери, выходя на тротуар.

— Да. У меня есть на нее планы.

— Хватит с меня этого гребаного дерьма, чувак. Чего ты хочешь?

— Мне нужно, чтобы ты привел мисс Миллер завтра ко мне в офис.

Дерьмо.

— В какой офис? — спросил я, зная, что это сильно повлияет на судьбу Алекс.

— Оскар-стрит, — немедля ответил он.

Дерьмо.

Дерьмо.

Дерьмо.

— Во сколько?

— Одиннадцать.

— Буду там, — сказал я, вешая трубку, прежде чем сказать, о чем я на самом деле думал.

А именно, что я должен забрать Алекс и убраться к чертовой матери отсюда.

У Лекса было несколько офисов в разных местах. Там были те, в которых он обсуждал новые деловые сделки. Офисы со столом, книжными полками и боковой панелью, полной хорошего ликера. Затем были «офисы», которые были дешево оформлены в передней комнате, потому что встреча действительно проходила в задней части, и это обычно означало, что много вашей крови будет смыто в канализацию, встроенную в пол.

Оскар-стрит один из таких офисов.

И если он был умен (а он был), то за мной следили. Побег не вариант.

Я поднялся обратно по пожарной лестнице с болью в животе, открыл дверь и застыл.

Алекс стояла перед своим столом, складывая блокноты в картонную коробку. Она переделалась в легкие потертые узкие джинсы и фиолетовую футболку с длинными рукавами. И лифчик, заметил я с ухмылкой. Но не это заставило меня остановиться.

Дело было в том, что она пела.

Медленная, мрачная песня о том, как улыбаться, когда твое сердце разрывается. У меня было смутное воспоминание о том, как она играла на какой-то старой радиостанции, когда я рос. Но тот, кого я слышал поющим, не отдавал этому должного. Что-то в этом, слетевшем с губ Алекс, в ее голосе, мягком, певучем, заставило слова тяжело опуститься у меня в груди. У нее был отличный голос. Но дело было не в этом. У меня перехватило дыхание, когда я на мгновение увидел Алекс за ее стенами и заборами — мягкую, милую и незащищенную.

— Ой, — сказала она, поворачивая голову и обнаруживая, что я стою тут. Румянец залил ее щеки, и она удвоила свои усилия, чтобы собрать вещи, притворяясь, что это отнимает у нее всё внимание, — я почти готова.

— Алекс...

— Просто нужно собрать кое-что из-под моей кровати, и мы сможем...

— Алекс.

— Что? — спросила она, уловив нотки раздражения в моем голосе.

— Лекс звонил.

Услышав это, она замерла. И ее глаза потеряли прежний свет и потускнели. Закрылась. Стены прочно встали на свои места.

Если это возможно, я ненавижу эту херню еще больше.

— Чего он хотел?

— Встреча в его офисе.

— В каком из них? — спросила она, и резкость в ее голосе намекала на то, что она уже знала все о его разных офисах.

— Оскар-стрит.

Она не побледнела. Ее рот не открылся. Она не начала волноваться. Нет. Алекс из

вагона вернулась. Алекс, которая смирилась со своей судьбой.

— Во сколько?

— Одиннадцать.

— Хорошо, — сказала она, кивнув один раз, — что ж, это дает мне немного времени.

— Время для чего? — спросил я, надеясь, что она придумает что-нибудь, чем хотела бы заняться. То, что я мог бы для нее сделать. Что-нибудь, что заставило бы ее улыбнуться.

— Чтобы перенести все эти записи в файлы и загрузить их в Интернет. В конце концов кто-нибудь на них наткнется. Я не хочу умирать, не поделившись той грязью, что у меня есть на него.

Черт.

Вот тебе и надежда.

И с большой вероятностью того, что мы оба умрем менее чем через двадцать четыре часа, я не мог отказать ей в том, что она хотела сделать со своим оставшимся временем.

— Тогда давай выдвигаться, — сказал я, собираясь взять у нее спортивную сумку.

— Не волнуйся. Китайская еда почему-то вкуснее, когда она разогрета, — сказала она, хватая что-то под кроватью и запихивая в коробку с блокнотами. Она положила свой ноутбук сверху, и мы направились обратно к моему грузовику.

Когда мы вернулись ко мне домой, я разогрел еду. И это было ужасно. Но она была права, мне приходилось есть и похуже. Алекс взяла свой ноутбук в гостиную, ковыряясь в тарелке с едой, и маниакально набирая на клавиатуре, добавляя страницы за страницами информации на форум в даркнете.

Я поел, несмотря на потерю аппетита, сидя и наблюдая за ее работой. При других обстоятельствах я бы счел ее целеустремленность и решительность чертовски сексуальными. Но прямо сейчас, наблюдая, как она печатает то, что было, в ее собственном извращенном гребаном стиле, ее собственной предсмертной запиской... да... это дерьмо совсем не было горячим.

И это было то, чем она занималась весь день. Не делая перерыва, чтобы разогреть еду, когда приближалось время ужина, просто ела ее холодной, продолжая листать страницы своих блокнотов.

— Алекс, — позвал я позже, когда мир за окнами потемнел.

— Почти готово, — сказала она, не оборачиваясь, — многое из этого дополнение. Просто еще одна или две страницы.

Поэтому я сидел и ждал.

Двадцать минут (и десять страниц) спустя она вздохнула, сжала пальцы, затем потерла глаза, прежде чем повернуться ко мне.

— Ладно. Все готово, — сказала она, одарив меня затуманенной улыбкой.

— Чувствуешь себя лучше? — спросил я.

— Да. Я не знаю, почему я так долго скрывала эту информацию. Она должна была давно быть где-то там, чтобы его могли найти другие люди.

— Иди сюда, — сказал я, удивленный мягкостью своего тона.

Ее брови сошлись вместе, но она скользнула по подушкам, устроившись задницей рядом со мной, подтянув колени к груди. Я обнял ее одной рукой, притягивая ближе, крепко прижимая к себе, ее колени прижались к моему животу.

— Я не собираюсь кормить тебя банальностями. Ты все равно слишком умна, чтобы им верить. Ты не хуже меня знаешь, как это плохо. Мы оба знаем, что есть хороший шанс, что

ни один из нас не выберется завтра живым. И это, блядь, отстой, потому что я только что встретил тебя. И то, что я видел до сих пор? Мне это понравилось. И я хочу увидеть больше. Но этого нет в планах, и нет смысла ныть по этому поводу. Но я скажу вот что, Алекс Миллер, — сказал я, опустив подбородок, чтобы посмотреть на нее, чтобы она поняла, что я серьезно, — это чертовски обидно. Потому что мне бы хотелось разрушить эти стены. Увидев, как ты сегодня поешь... Мне понравилось то, что я увидел, когда заглянул за них. Захотелось вытащить тебя и показать тебе, на что похожа жизнь за пределами той крепости, в которой ты живешь.

— Брейкер...

— Шшш, куколка. Дело в том, что у нас нет времени, чтобы ты впустила меня вот так. Но на что у нас есть время? На то, что я буду находиться внутри тебя по-другому. Итак, примерно через две минуты до десяти утра я планирую трахать тебя в каждой позе, в каждое отверстие, до тех пор, пока ты, блядь, больше не сможешь этого выносить. Звучит как план?

— Хм, — задумчиво произнесла она, поджав губы, как будто обдумывала это, — я могла бы придумать и худшие способы провести свое время.

При этих словах я почувствовал, что усмехаюсь, одаривая ее улыбкой. — Ты собираешься перестать задерживать меня, чтобы я мог трахать тебя до завтра или как?

— Я думаю, что смогу с этим справиться.

— Хорошо. А теперь встань, — сказал я, отпуская ее руку. Ее бровь приподнялась, но она поднялась на ноги, — раздевайся.

Ее рот приоткрылся, глаза немного расширились. — Что?

— Раздевайся.

— Серьезно?

— Ага. Я мог бы включить музыку, — поддразнил я, потянувшись за пультом.

На это она закатила глаза и быстро сняла футболку и направилась к пуговице на джинсах, давая мне возможность увидеть черный кружевной лифчик, который на ней был. Может быть, если бы мы остались в живых, я бы переосмыслил свою позицию в отношении этого конкретного предмета одежды. — Даже не попытайся поддразнить меня?

— Хочешь стриптиза, иди в стрип-клуб, — парировала она, спуская штаны с ног.

Можете назвать меня сумасшедшим, но я бы не променял угрюмую гребаную Алекс Миллер, которая не слишком церемонно снимает с себя одежду, стреляя в меня кинжалами, на какую-то цыпочку, делающую это медленно и чувственно под музыку в любой чертов день.

Я подавил улыбку, когда она потянулась за спину, чтобы расстегнуть лифчик. — Тебе лучше сделать это хорошо, — предупредила она, позволяя лифчику упасть с ее рук и зацепив пальцы за пояс трусиков.

— Разве я тебя подводил? — я сел, уперев локти в колени, так что оказался почти на одном уровне с ее бедрами.

Я поднял глаза и увидел, как ее щеки запылали, когда она поняла, что должно было произойти всего за секунду до того, как я схватил ее за икру, поднял ее и, широко раздвинув ее ноги, поставил их по обе стороны от меня на край дивана. Одну руку я положил на поясницу, прижимая ее вперед, когда я наклонился и лизнул ее уже мокрую киску.

Она издала задыхающийся вскрик и переместила руку на мою макушку, прижимая меня к себе, а ее бедра покачивались у моего рта.

Я не врал, когда сказал ей, что у нее чертовски сладкая киска. Она такой и была. Я

провел языком по ее клитору, чувствуя, как ее тело дрожит, когда ее медовый вкус покрыл мой язык. Я мог бы есть ее всю ночь, слыша, как ее дыхание становится все более и более неровным, ее стоны становятся все более и более хриплыми. Черт, если бы это не вызвало раскаленный добела прилив желаний к моему члену.

— Брейкер... — выдохнула она, ее пальцы впились мне в голову, и я понял, что она была близко. В первый раз с ней всегда было легко. Как и во все годы ее сдерживаемого сексуального разочарования, она постоянно находилась на полпути к оргазму.

Я втянул в себя воздух, обдав ее клитор потоком прохладного воздуха, затем втянул его, заменив теплым языком. Ее тело содрогнулось, и я сильно пососал, ее бедра сжались, когда она застонала во время оргазма.

Она все еще плыла по волнам, когда я встал, схватил ее и толкнул на диван на колени, ее руки вцепились в подушки спинки, а колени покачивались на краю нижних подушек. Я раздвинул ее бедра и погрузил пальцы в ее все еще содрогающуюся киску.

— Черт, — выдавила она, ее пальцы вцепились в диван, когда я быстро и сильно толкнулся, растягивая и подготавливая ее. Свободной рукой я нащупал бумажник, вытащил презерватив и небрежно бросил его на землю. Она тяжело дышала, толкаясь в мои пальцы, когда я вытащил их, чтобы надеть презерватив, — нет, — возразила она, потянувшись назад, чтобы попытаться схватить меня за руку.

— Засунь свои пальцы в киску для меня, — сказал я, натягивая презерватив, наблюдая, как ее рука скользнула между ног и вставил в нее два пальца. Ее голова со стоном упала вниз, и я почувствовал прилив желаний, такой сильный, что у меня подкосились ноги, — чертовски горячо, детка, — сказал я, мои руки потянулись к ее заднице, — ты хочешь мой член?

Ее пальцы быстро выскользнули наружу. — Да, — простонала она, выгибая свою задницу ко мне, и я с улыбкой вошел.

Я трахал ее так, как мне это нравилось, как она научилась меня принимать, ей это нравилось — жестко, быстро, достаточно грубо, чтобы оставить какие-то следы, чтобы вспомнить это утром. Она дважды сильно кончила вокруг меня, прежде чем я выскользнул, поднимая свой член немного вверх.

— Я хочу трахнуть твою задницу, — сказал я ей, мой голос грохотал как гравий. Заметив ее колебания, я наклонился вперед, прижался грудью к ее спине и обхватил руками, чтобы подразнить ее сиськи, — кто-нибудь когда-нибудь был там раньше?

Я уже знал ответ, но она все равно сказала мне тихим шепотом. — Нет.

— Ты боишься, что я это сделаю?

— Да, — честно ответила она.

— Думаешь, будет больно? — на это я получил небольшой кивок, когда перекачивал ее соски между пальцами, ее голова повернулась так, что ее лицо оказалось у моей шеи, — может быть, сначала немного, но я сделаю это хорошо. Ты позволишь мне попробовать?

Ее губы прижались к моей шее, и я на секунду закрыл глаза, наслаждаясь ощущением ее небольшого проявления любви. — Хорошо.

— Если тебе это не понравится, скажи мне, и мы остановимся. Хорошо?

— Хорошо, — согласилась она, отодвигаясь от меня.

Мои руки скользнули вниз по ее бокам, и она заерзала, когда я коснулся ее ребер, заставив меня улыбнуться. Она боялась щекотки. Я боролся с желанием сыграть на этой слабости, когда я опустил руку к моему члену, направляя его к ее заднице и прижимаясь к

ней, пока она не перестала вздрагивать и не толкнулась навстречу. Я медленно скользнул внутрь, стиснув зубы от желания толкаться сильно и быстро, пока не кончу, заставляя себя делать это медленно и мягко для нее.

Она вздрогнула, я остановился неподвижно, пока она не привыкла. Затем протолкнулся дальше. Пока я не вошел по самую рукоять и не остался похороненным в ней, позволяя ей преодолеть дискомфорт и неожиданное зарождение желания.

Прошло совсем немного времени, пока ее бедра не начали описывать маленькие круги, пытаюсь унять желание, которое, я знал, росло, чужеродное, но сильное.

— Хорошо себя чувствуешь, куколка? — спросил я, потирая ее задницу руками.

— Да... да, — сказала она, делая еще один поворот бедрами.

Я улыбнулся, обнял ее, притянул к себе, пока ее спина не оказалась у моей груди, а затем медленно толкнулся в нее. Ее голова легла мне на плечо, глаза плотно закрылись, рот приоткрылся настолько, что из него вырвались стоны. Я опустил руку вниз по ее животу, опускаясь к клитору и двигаясь по нему медленными кругами, по мере того как мои толчки становились все более настойчивыми. Она подняла руку вверх и обвила вокруг моей шеи, а другую руку потянула вниз и схватила меня за запястье, пока я работал с ее клитором.

— Ты близко? — спросил я, зная, что она была близко.

— Да.

— Дай мне это услышать, — сказал я ей, сильнее вдавливаясь в ее клитор, — я собираюсь это почувствовать и хочу это услышать.

Она кивнула, ее ногти впились в мою кожу, когда она начала толкаться бедрами вниз, когда я толкнулся вверх, пытаюсь добраться туда быстрее.

— Брейкер...

— Дай мне это услышать, — снова сказал я, чувствуя, как мой собственный оргазм умоляет об освобождении.

— О боже... черт! — закричала она, ее тело сильно содрогнулось во время оргазма. Я продолжал работать над ее клитором, двигаясь быстрее, погружаясь глубоко и кончая достаточно сильно, чтобы мои ноги подкосились, мои колени ударились о край дивана, когда я прижал ее к груди.

— Святое дерьмо, — сказала она минуту спустя, ее грудь затряслась, когда она засмеялась.

— Смешно? — спросил я, медленно выходя из нее и шлепая ее по заднице.

Она подвинулась, чтобы лечь на диван на бок. — Я столько пропустила, — призналась она, одарив меня широкой улыбкой.

Я почувствовал, что улыбаюсь в ответ. — Просто подумай обо всех способах, которыми я мог бы трахнуть тебя, если бы встретил раньше.

— Глупо говорить, что это стоило ожидания? — спросила она, наблюдая, как я направляюсь в ванную.

— Да, — сказал я, споласкивая руки, прежде чем повернуться, чтобы выйти, — но все равно приятно это слышать. Ты в порядке? — спросил я, опускаясь на колени рядом с диваном и убирая волосы с ее лица. Синяк на ее челюсти все еще выглядел болезненно, желтый и зеленый смешивались с фиолетовым и синим, когда он начал заживать.

— Я не думаю, что «хорошо» — правильное слово, — сказала она, одарив меня сонной улыбкой.

— Нет?

— Нет. Я думаю, что, может быть, «удивительное» или «феноменальное».

Я слегка улыбнулся ей, потянулся и просунул руки ей под колени и спину, притянул ее к своей груди и понес ее в спальню.

— Не-а, мистер, — сказала она, уткнувшись лицом мне в шею.

— Что нет?

— Даже не думай снова трахать меня, — уточнила она, когда я откинул одеяло на кровати.

— Нет? — спросил я, посмеиваясь.

— Нет, — твердо сказала она.

— Почему нет?

— Потому что сначала мне нужно вздремнуть, — сказала она, когда я опустил ее на кровать.

Я скользнул рядом с ней, притягивая ее к себе. — Я думаю, что могу дать тебе это, — сказал я, чувствуя, как сон тоже утягивает меня.

— Ты можешь трахнуть меня через час или два, — сказала она несколько минут спустя, ее голос был сонным.

— Звучит как план.

И это было именно то, что произошло. Я проснулся от того, что она целовала мою грудь. И, что ж, я позволил ей это сделать. Но прежде чем она смогла заставить меня кончить своим сладким маленьким ротиком, я повалил ее на спину и жестко трахнул, закинув ноги себе на плечи. Затем уперев ее ноги в мою грудь. Затем с ногами на матрасе прижатыми друг к другу, согнутыми под углом девяносто градусов.

Потом мы встали и поели. Она проверила свой ноутбук. Я включил фильм. Мы смотрели его. Затем мы снова погрузились в сон.

Я проснулся раньше, слишком встревоженный, чтобы поспать больше нескольких часов. Я спустился в подвал и провел изнурительную тренировку, пытаюсь очистить свой разум, чтобы сосредоточиться на том, как вытащить нас из такой дерьмовой ситуации. Но через час и холодный душ я так и не приблизился к тому, чтобы понять, что делать.

Алекс вышла из спальни полчаса спустя, одетая в одну из моих футболок, хотя у нее уже была своя одежда. Понимание того, что это означало, вызывало странное кружение у меня в животе. Я притянул ее, когда она подошла ко мне и прижалась лбом к моей груди, ее тело прижалось ко мне. Я почувствовал, что смеюсь, проводя рукой по ее спине.

— Хочешь кофе?

— Конечно, — сказала она, отходя, — прекрасный день, — протянула она, подходя к окну и наблюдая, как дождь льет стеной, как это было с тех пор, как я проснулся.

Я подошел к ней сзади, обнял рукой за талию, а другой рукой протянул ей кофе. Моя голова опустилась, и я запечатлел поцелуй там, где ее плечо соприкасалось с шеей.

— Ты ведь еще не устала от меня, не так ли?

Я почувствовал, как ее спина прижалась к моей груди, когда она потягивала свой кофе. — Еще нет.

— Хорошо, тогда я могу трахнуть тебя еще раз, прежде чем мы уйдем.

— Ты не можешь быть серьезным, — сказала она, качая головой.

— Почему нет?

— Потому что у меня такое чувство, будто я вчера вечером пробежала Нью-Йоркский марафон, — пожаловалась она, но я услышал улыбку в ее голосе.

Я опустил руку вниз по ее животу, двигаясь к ее бедру, и я обнаружил, что, пока она надевала мою футболку, она не потрудилась надеть трусики, когда я скользнул рукой по ее киске.

— Забавно, — сказал я, покусывая мочку ее уха, — твой рот говорит одно, но твоя киска рассказывает совершенно другую историю.

— Ты не можешь хотеть... — ее голос затих, когда я сдвинул бедра так, чтобы мой член прижался к ее заднице, давая понять, что я очень этого хочу, — о, — выдохнула она.

Я улыбнулся ей в волосы, спустил штаны, схватив презерватив, который я сунул в карман, пока одевался именно по этой причине. Если бы мы остались в живых, ее задница как можно чаще принимала бы мой член. Я перестал гладить ее киску, надев презерватив, затем повернул ее лицом ко мне, прижимая спиной к холодильнику.

Ее нога приподнялась, обвилась вокруг моих бедер, и я скользнул в нее. Ее глаза расширились, наблюдая за мной, когда я начал покачивать бедрами в ее мягком и сладком темпе — чего я никогда раньше не делал, но наслаждался, наблюдая, как удивление и удовольствие проступают на ее лице. Ее губы приоткрылись, веки тяжелели. Ее руки скользнули вверх по моим рукам и обхватили мою шею, притягивая меня к себе и прижимаясь губами к моим. Нежно. Ласково. Моя рука легла на ее щеку, баюкая ее, пока я продолжал лениво разжигать наше желание.

У меня было ослепительное осознание, когда я скользнул в нее, глотая ее всхлипы у своего рта. Она легла на мой диван накануне вечером после того, как я трахнул ее, и сказала мне, что этого стоило ждать. Ну, в некотором смысле, я тоже так думал.

Потому что мягкость и сладость имели свои собственные достоинства.

Может быть, это было просто потому, что это была Алекс, но заниматься с ней любовью было совсем по-другому. Это казалось чем-то большим. Как будто между нами что-то проходило, кроме тел, удовлетворяющих друг друга.

Губы Алекс оторвались от моих, и ее глаза распахнулись, остановившись на моих, когда ее всхлипы превратились в стоны, и я понял, что она приближается.

— Кончай, Алекс, — тихо сказал я, чувствуя, как она сжимается вокруг меня, — вот и все, кончай, детка.

А потом она сделала это, ее глаза расширились, рот приоткрылся, и долгое время не было слышно ни звука, пока ее тело двигалось сквозь пульсацию. Затем, наконец, — Брейкер, — прошептала она, ее голова упала мне на грудь.

Я кончил через несколько секунд, прижимая ее к груди и держа там некоторое время после этого.

Затем она вздохнула, покачала головой. — В чем дело? — спросил я.

— Сейчас двадцать минут десятого, — сказала она мне, высвобождаясь и отодвигаясь от меня.

По густоте воздуха вокруг нее я понял, что моя Алекс исчезла. Вместо этого другая Алекс, маска, была на месте — ее взгляд был отстраненным, плечи расправлены, когда она направилась в ванную и тихо закрыла дверь.

Блядь.

Ей не потребовалось и пяти минут, чтобы осознать, что между нами только что что-то произошло. Что-то другое. По крайней мере, для меня все было по-другому.

Гребаный сукин сын, ублюдок Лекс Кит.

Я привел себя в порядок, зашел в кладовку и сунул кое-какое оружие в штаны и

ботинки, оставив запасной перочинный нож и перцовый баллончик, чтобы Алекс засунула их в ботинки, когда выйдет.

Она пришла через несколько минут, одетая в черные узкие джинсы и черную футболку с длинным рукавом, выглядевшая так, словно собиралась на похороны. Что, вероятно, было именно тем, о чем она думала, когда одевала это. Она села на диван, провела пальцем по сенсору на своем ноутбуке, чтобы он ожил, и надела ботинки.

— Ничего?

— Много просмотров ни с того, ни с сего, — сказала она холодным голосом, — но никаких ответов.

— Вот, — сказал я, наклоняясь над диваном и протягивая ей нож и баллончик, — засунь их в свои ботинки. На всякий случай.

Она взяла их, но ничего не сказав, небрежно зашнуровалась, захлопнула ноутбук и встала. — Давай покончим с этим, — сказала она, направляясь к двери, избегая зрительного контакта.

У меня не было другого выбора, поэтому я схватил свои ключи и бумажник и последовал за ней. Я не мог осуждать ее за кислое настроение. Чем ближе мы подъезжали к городу, тем больше я чувствовал, как темнеет мое собственное лицо.

Я вздохнул, когда припарковал свой грузовик на стоянку перед офисом Лекса. Это было в более отдаленной части города, чем обычно, где я надеялся застать Лекса в одиночестве, вместо этого он решил послать одного из своих лакеев. И он был там. Из-за большого плана, крутившегося в его больном мозгу. Рядом со мной Алекс была как камень. Ее дыхание было медленным, прерывистым. Ее руки были расслабленными на бедрах. Ее лицо было бесстрастным. Ее взгляд был отстраненным, она смотрела в окно на капли дождя, собирающиеся на лобовом стекле.

— Куколка...

Она натянуто кивнула. — Давай покончим с этим.

Я вздохнул, наблюдая, как она открывает дверь и выходит под ливень. Не имея особого выбора, я последовал за ней.

Дверь распахнулась прежде, чем я успел даже дотянуться до нее, Вялый Член Рик стоял там со скучающим видом. Но я заметил, как кровь запачкала карман его джинсов. Мне было интересно, заметила ли это Алекс, но если и заметила, то не подала виду.

— Лекс здесь? — спросил я, когда мы вошли в офис, где стоял дешевый письменный стол из низкокачественного дерева, на полках стояли старые книги по юриспруденции. Мне было интересно, сделал ли он это по иронии судьбы или просто потому, что все они были просто подобраны. Пол в углах был пыльным, а на окнах были только старые пожелтевшие жалюзи, задернутые.

Он кивнул и постучал в дверь сбоку от книжной полки возле стола.

Через несколько секунд дверь открылась, и вышел Лекс в одном из своих серых костюмов, пятна крови почти не было видно на его черных туфлях. Но я видел их. И я почувствовал, как напрягся. Рядом со мной по-прежнему никакой реакции от Алекс.

Лекс склонил голову набок, наблюдая за Алекс. — Я вижу, ты справился с заданием.

— Каким заданием? — спросил я, стараясь, чтобы мои слова прозвучали небрежно, хотя мне казалось, что я говорю сквозь стиснутые зубы.

— Ты сломал ее.

Моя голова повернулась в ту сторону, где Алекс все еще просто смотрела в стену. Это

определенно выглядело так, как будто я это сделал. Разумнее всего было воспользоваться этой идеей. Но я не мог заставить себя, поэтому просто пожал плечами.

— Возможно, тебе придется... немного расшевелить ее, — сказал он, его глаза остановились на моем лице.

— Расшевелить ее? — повторил я, приподнимая бровь.

— Она не подходит мне в таком ступоре.

— Было бы не плохо, если бы ты сказал мне, для чего именно она тебе нужна.

На это он пожал плечами. — Вот почему мы здесь, — сказал он, поворачиваясь и направляясь обратно к двери, из которой только что вышел. Я почувствовал, как внутри у меня все сжалось, каждый инстинкт подсказывал мне, что мы не должны заходить за эту дверь. Но у меня не было особого выбора, когда Вялый Член Рик стоял перед входной дверью.

Лекс вошел в комнату, и я последовал за ним. Алекс была в нескольких шагах позади меня.

Я был прав.

Мы не хотели там находиться.

«Там» — это комната с белой плиткой и сливом в полу. Шланг был подсоединен к раковине в ванной комнате в задней части. Шланг, которым они смывали кровь в канализацию. Кровь, похожая на ту кровь, которая была сейчас повсюду.

Кровь, которая была от человека, прикованного наручниками к стулу в центре комнаты.

Молодого. На несколько лет старше Алекс, на несколько лет моложе меня. Немного пухлый и с определенно занудным видом, в очках в черной оправе и футболке с видеоиagramами. Но симпатичный.

Или, по крайней мере... он был симпатичным.

Он был мертв.

Вероятно, из-за огромной потери крови.

Артериальные брызги, блядь, повсюду.

Мои глаза сразу же обратились к Алекс, когда она вошла, и я увидел вспышку. Она исчезла в мгновение ока, спрятавшись за ее стенами. У меня даже не было возможности проанализировать это. Шок? Ужас? Это исчезло слишком быстро.

— Как вы можете видеть, — начал Лекс, и мои глаза скользнули к нему, — в последнее время у меня были некоторые проблемы.

— Кто этот придурок? — спросил я, кивая на парня в кресле.

Это должно было меня беспокоить. Это было ужасно. Достойно фильма ужасов. Но я видел и похуже. Я поступал почти так же плохо. Я не имел права испытывать отвращение. Но даже так, мой желудок сжался.

— К сожалению, это был человек, которого я недавно нанял.

— Что он делал?

— Он хакер, — просто сказал Лекс. — Ну, он им был.

— Хакер?

— Да, видишь ли... у меня была серия проникновений в системе безопасности и вирусов на моем компьютере, и у меня было подозрение, что кто-то пытается собрать информацию обо мне.

Блядь. Черт, блядь, блядь. Как бы мне ни хотелось взглянуть на Алекс, посмотреть, не выдала ли она свою вину, я не сводил глаз с Лекса.

— Так это тот парень, который этим занимался?

— Нет, нет. Это молодой человек, которого я нанял, чтобы найти хакера.

— Я предполагаю, что он не справился с заданием.

— Несомненно, — сказал Лекс, хлопнув рукой по плечу мертвого парня, заставив его безжизненное тело вздрогнуть.

— И мы здесь смотрим на него, потому что...

— Потому что угроза все еще существует, — продолжил Лекс, вытирая немного крови с рук белым карманным платком, — я привлек к этому нескольких своих людей, и когда они искали потенциальных хакеров для выполнения этой работы, имя Мисс Миллер всплыло. Я был заинтригован.

Да, держу пари, так оно и было. Как только он взглянул на нее. Ублюдок.

— Так ты хочешь, чтобы она выяснила все про эту утечку? — спросил я.

— Несомненно я хочу. Надеюсь, она не будет такой, — сказал он, глядя на мертвого парня, — разочаровывающей, как этот джентльмен здесь.

— Значит, я должен удерживать ее, пока она не найдет твоего парня?

— Или пока у меня не будет времени позаботиться о ней самому. Чего, к сожалению, сегодня я не могу сделать. У меня встреча в городе, которая должна занять меня на следующую неделю. Мне нужно, чтобы ты подержал ее до тех пор.

Неделя. Она будет у меня целую неделю. С отсутствующим Лексом. Я мог бы с этим поработать. Я мог бы найти способ вытащить Шота и вывезти нас всех к чертовой матери из города.

— Через неделю? — спросил я с напускным скучающим видом от такой перспективы.

— При условии, что ты сможешь исправить любой ущерб, который ты, очевидно, нанесешь, — сказал он, небрежно махнув рукой в сторону окоченевшего тела Алекс, — в таком виде она мне ни к чему. Если она все еще будет такой, когда я вернусь, просто избавься от нее. Я даже не смогу повеселиться с ней, когда она зомби.

Повеселиться.

Повеселиться.

Я проглотил желчь и кивнул. — Я могу это сделать, — я посмотрел на Алекс, качая головой, как будто она была помехой, затем снова посмотрел на Лекса, — я могу вытащить ее из этого состояния раньше, ты хочешь, чтобы я подключил ее к делу или подождал твоего возвращения?

— Во что бы то ни стало, — сказал он, разводя руками, которые, несмотря на вытирания, были в красных пятнах, — используй ее.

Я почувствовал, что киваю. — Мы закончили здесь?

— Неудивительно, что никому не нравится работать с тобой, — сказал Лекс, склонив голову набок, — ты действительно ужасный человек, — от отброса общества, что ж, думаю, я мог бы считать это комплиментом.

— Ты платишь мне за то, чтобы я держал эту сучку. Если ты хочешь докопаться до меня насчет того, как я справляюсь со своим дерьмом, это будет стоить тебе вдвое дороже.

Лекс вздохнул. — Одна неделя, и я ожидаю, что ты отвезешь ее.

— Куда? — спросил я, борясь с желанием перекинуть Алекс через плечо и вытащить отсюда ее задницу.

— В мой дом.

Дерьмо.

Он имел в виду деловые отношения с ней.

Через такие долгие, затянувшиеся деловые отношения, как я подозревал, прошла ее мать.

— Хорошо, — сказал я, кивнув, направляясь к двери, хватая Алекс за рукав футболки и таща ее за собой, — тогда увидимся.

Вялый Член Рик стоял в дверном проеме, пока я не обернулся, подняв бровь на Лекса, который махнул рукой, и он отошел в сторону.

Алекс оцепенело подошла к пассажирской стороне и поднялась наверх. Я сел за руль и рванул с места, не потрудившись пристегнуться. Просто нужно было убраться отсюда к чертовой матери как можно скорее.

— За нами следят? — голос Алекс донесся до меня, заставив меня слегка подпрыгнуть.

— Что?

— За. Нами. Следят? — осторожно произнесла она, ее слова были полны чего-то, чего я не мог понять.

— Нет, — уверенно сказал я. Я был внимателен, мой разум работал в том же направлении.

— Съезжай на обочину, — сказала она, наблюдая, как пейзаж становится все более пустынным, когда мы оставили город позади.

— Там дождь...

— Останови чертову машину! — завопила она, шокировав меня настолько, что я съехал на обочину и затормозил.

Прежде чем я успел даже повернуться, чтобы посмотреть на нее, она отстегнула ремень и выскочила в дверь, с силой захлопнув ее за собой.

Я выскочил из машины, обежал ее и увидел, что ее, наклонившуюся вперед, сильно вырвало рядом с передним колесом.

Блядь.

Я забыл о теле. Я знаю, что это было дерьмово и бесчувственно с моей стороны. Но для меня это ничего не значило. Очевидно, это что-то значило для нее. Одно дело, когда она видела фотографии того, что сделал Лекс. Это было совсем другое — видеть это прямо у себя перед глазами, чувствовать запах крови, видеть ее повсюду.

— Глубокий вдох, — сказал я, потянувшись на заднее сиденье за запасной бутылкой воды, когда дождь промочил мою одежду, — это пройдет.

— Ты не понимаешь, — сказала она хриплым голосом, когда сполоснула рот и выплюнула воду.

— Я понимаю это. Это было хреново — войти туда. Но все закончилось. Мы вышли. У нас есть неделя, чтобы решить, что мы будем делать, и...

— Ты. Не. Понимаешь, — закипела она, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, и в ее глазах были слезы.

— Объясни мне, — попытался я успокоить ее.

— Я знала его!

— Знала кого, куколка?

— Мертвый парень, Брейкер. Я, блядь, знала его!

Блядь.

Я никогда не переставал думать о том, что существовало что-то вроде хакерского подполья. Вероятно, они все знали друг друга в некотором смысле. — Детка... Я знаю, что

хакеры вращаются в одних кругах и все такое, но...

— Нет Брейкер, — сказала она, качая головой. Она провела руками по лицу, как будто могла стереть это изображение, — я имею в виду... Я знала его, знала его.

Глава 15

Алекс

Это был Гленн.

Я последовала за Брейкером, который последовал за Лексом во вторую комнату, зная, что, вероятно, это нехорошо, что нас ведут во вторую комнату, но у меня не было особого выбора.

И в ту секунду, когда я переступила порог, мой взгляд упал на стул.

И он нашел Гленна.

Гленн, милый, слегка полноватый хакер, который научил меня почти всему, что я знала. Единственный человек на планете, кроме Брейкера, который знал хотя бы часть моей истории.

Парень, с которым я когда-то занималась сексом.

Странным, неловким, бесстрастным сексом.

Но все же.

Я знала, как ощущаются его губы на моих, как выглядит его тело. Я знала его голос, когда он был взволнован из-за меня, когда я, наконец, понимала концепцию, которую он объяснял, или то, как он произносил мое имя, как предупреждение, когда он расстраивался из-за моего вездесущего вспыльчивого характера. Я знала, что он ненавидит кофе и предпочитает энергетические напитки. Я знала, что его мать все еще покупала ему нижнее белье на Рождество, а его ноутбук стоил в четыре раза дороже, чем мой (а мой был дорогим до неприличия).

Я знала его.

И он был мертв.

От рук Лекса.

Как и моя мать.

Использовал как марионетку и обескровил досуха.

Как мою мать.

Этот чертов сукин сын забрал у меня все и всех.

— Что ты имеешь в виду, говоря, что знала его? — спросил Брейкер, наклонив голову ко мне, вода стекала по его лицу и капала с бороды. Забавно, потому что я не замечала, что промокла сама.

— Когда я была одна... в поисках людей, которые помогли бы мне разобраться во взломе, я нашла Гленна. Его звали Гленн, — сказала я, мой голос немного дрожал, и я вздрогнула от этого. Но я ничего не могла с собой поделать. По мере того как я продолжала, все становилось все более и более шатким. — Гленн Гейбл, и он был всего на пару лет старше меня. И он был добрым и терпеливым, и он любил свою мать, и его руки всегда были теплыми до такой степени, что потели. И он обычно растирал мне спину, когда я сидела и смотрела в монитор весь день каждого дня, пытаюсь впитать то, чему он пытался меня научить, и...

— Ты встречалась с ним, — сказал Брейкер мягким голосом. Я посмотрела ему в глаза, ожидая увидеть там насмешку. Потому что Гленн не был таким крутым парнем, как Брейкер.

Но все, что я увидела в голубых глазах Брейкера, было понимание. Сочувствие.

— Да, — призналась я, слезы, которые жгли мои глаза, наконец-то победили и наполнили меня до краев, — это не продлилось долго. Но он был добр ко мне, и я заботилась о нем. И Лекс убил его!

— Ох, детка... — сказал он, его руки потянулись ко мне и притянули меня к своей груди, когда его руки сжали меня так сильно, что стало трудно дышать.

Но странным образом это все равно было приятно. Поэтому я уткнулась лицом ему в шею и дала волю слезам.

Мне было интересно, узнает ли когда-нибудь мать Гленна, что с ним случилось. Или было бы лучше если бы он был просто пропавшим без вести человеком и пустым гробом для нее. Я с ней не встречалась, но видела ее фотографии. Она была еще более тяжелой, феминизированной версией Гленна. Те же темные волосы. То же округлое лицо. Те же красивые карие глаза. Она была похожа на женщину, которая плачет над поздравительными открытками.

Ей больше не для кого будет покупать нижнее белье на Рождество.

Подумав об этом, я еще немного поплакал.

И у Гленна никогда не будет шанса наконец достичь финального уровня в той видеоигре, которой он был одержим за день до того, как Брейкер забрал меня. Он купил ящик энергетических напитков, чтобы целыми днями не ложиться спать и играть.

Я сомневаюсь, что он даже приблизился к завершению, прежде чем Лекс схватил его.

Подумав об этом, я заплакала еще сильнее.

— Он умер из-за меня, — закричала я, мои слова прозвучали пронзительно и сдавленно.

— Алекс, ты не должна думать...

— Это я взломала компьютер Лекса. Это я. Его наняли, чтобы найти меня. И он умер потому что все это время знал, что это я, и он знал, что не мог сказать об этом Лексу, потому что знал, что со мной случится. Он умер, чтобы защитить меня!

На это Брейкеру нечего было сказать.

Потому что сказать было нечего.

Не было волшебных слов, которые могли бы сделать это менее правдивым. Менее болезненным. В моей жизни не осталось никого, кто заботился бы обо мне даже если бы мы встречались. Никого не было. У меня никого не осталось.

— Никого не осталось, чтобы заботиться обо мне, — прошептала я ему в кожу, достаточно громко, чтобы я могла слышать.

И его руки сжали меня крепче. — Это неправда, — сказал он с уверенностью.

— Да, это так, — шмыгнула я носом, зная, что это звучит жалко и правдиво. Я заслужила это право.

— Куколка, это неправда, — твердо сказал он, — я забочусь о тебе.

— Нет, ты не заботишься, — сказала я, закатывая глаза, хотя он не мог меня видеть, — ты даже не знаешь меня.

— Я знаю достаточно тебя, Алекс. Я могу не видеть всего этого, потому что ты мне не позволишь. Но я знаю тебя. И то, что я вижу, меня волнует. Мне плевать, что я знаю тебя всего пару дней, и это слишком рано, и это не имеет никакого гребаного логического смысла. Тем более, что мне всегда было плевать на всех, кроме себя и Шота, но мне не все равно, и я собираюсь попытаться вытащить всех нас из этого.

Его слова согрели меня изнутри, заставив впервые увидеть, в каком холодном месте я

жила.

Но именно по этой причине он не мог заботиться обо мне. Я была не из тех девушек, которые этого заслуживают. Я была из тех девушек, которые были окружены смертью, пытками и навязчивыми идеями, которые не приносили ничего, кроме страданий мне и окружающим.

Возможно, он делал плохие вещи, но все, что я узнала о Брейкере, говорило о том, что он был хорошим человеком.

И я не могла затащить хорошего человека в свои сточные канавы, чтобы он бродил со мной по грязи. Это было неправильно.

Я должна была найти выход для себя. И для него. И Шота. Чего бы это ни стоило. Никто больше не собирался умирать из-за меня и моих проблем.

Я шмыгнула носом, сдерживая новый приступ слез, делая глубокие вдохи, чтобы успокоиться. Сейчас было не время. Чтобы сломаться. Развалиться на части. Мне нужно было отодвинуть всю эту тьму и запереть ее на время, пока все не будут в безопасности и подальше от моего беспорядка. Тогда я смогу выпустить это наружу. И пусть это поглотит меня, если понадобится.

— Ты в порядке? — спросил голос Брейкера, и я почувствовала, что киваю, хотя этот ответ был громким, оглушительным «нет», — мы можем ехать дальше?

— Да, — сказала я, вырываясь из его объятий и поворачиваясь обратно к машине, бросаясь внутрь, прежде чем он успел даже пошевелиться.

Брейкер молча сел в машину, включил обогрев, выехал с обочины и позволил мне помолчать, хотя я продолжала чувствовать его взгляд на своем профиле, пока он вел машину.

Некоторое время спустя мы подъехали к его дому, и я последовала за Брейкером внутрь, мы оба собирались переодеться в сухую одежду. К тому времени, как он вышел из спальни, я была в черных штанах для йоги и большой розовой толстовке, ноги свернуты на диване, с ноутбуком на них.

— Что ты делаешь?

— Хочу рассказать о Гленне, — сказала я, заставляя свои глаза сморгнуть слезы, — у него были друзья в хакерском сообществе. Они имеют право знать. Все беспокоятся друг о друге, когда мы исчезаем. В основном думая, что одного из нас посадили, но всегда есть шанс... на худшее. Его друзья заслуживают знать правду.

— Ты думаешь, это хорошая идея, учитывая, что мы единственные, кто знаем, что случилось с Гленном? — спросил он, наблюдая за мной, его слова были неуверенными, как будто он боялся, что переходит черту.

— Во-первых, Лекс не совсем похож на человека, который знает, как пользоваться даркнетом. Во-вторых, я собираюсь сказать, чтобы они оставляли это в тайне, потому что это может привести к тому, что я попаду в те же проблемы, что и Гленн. И в-третьих, мне плевать.

На это Брейкеру нечего было сказать.

Боковым зрением наблюдая, как он ходил по кухне, пока я печатала, и я не поднимала глаз, пока не увидела, как он сел рядом со мной, поставил два стакана на кофейный столик и наполнил их чем-то прозрачным.

Мои глаза встретились с его, брови сошлись вместе.

— Твой друг умер сегодня, — сказал он, поставив бутылку и потянувшись за стаканами, протягивая один мне, — ты обязана почтить его память.

— Выпивкой? — спросила я, взглянув на бутылку водки.

— Да, куколка. Это то, что делают люди. Люди, занимающиеся нашей работой. Мы пьем. Мы делимся историями. Мы немного притупляем боль. Мы деремся или трахаемся, и мы двигаемся дальше, черт возьми. Это единственный способ пережить это.

То, чем мы занимаемся.

Я никогда не думала об этом с такой точки зрения. Что мы, в некотором смысле, выполняли одну и ту же работу. Подпольно. Незаконно.

Но он был прав.

Возможно, у меня не было крови на руках в буквальном смысле, но то утро доказало, что у меня была кровь в очень метафорическом смысле.

Так что если такие люди, как мы, почитали смерть выпивкой, то я была обязана сделать это ради Гленна.

Я подняла свой стакан в сторону Брейкера, затем проглотила жидкость, которая обожгла мне горло. Я закашлялась, и Брейкер рассмеялся.

— Не большой любитель выпить, да?

Я потеряла языком небо, безуспешно пытаюсь избавиться от вкуса водки. — Нет.

На это он пожал плечами, наклонился вперед, чтобы схватить бутылку и налить нам обоим еще по одной. — Ты скоро перестанешь это чувствовать, — сказал он мне мудро, а затем просто продолжал поить меня водкой, пока это не стало правдой, — так вы двое долго встречались? — спросил он некоторое время спустя, когда у меня начала кружиться голова и комната немного кружилась, заставляя меня поставить ногу на землю, чтобы убедиться, что я все еще, на самом деле, сижу.

— Нет. И на самом деле мы не... встречались, — сказала я, решив, что сейчас самое подходящее время выложить все грязные маленькие секреты, которые я хранила глубоко запрятыми, — он многому меня научил. Я ему нравилась. Я просто... Мне больше нечего было ему предложить...

Если бы я смотрела на него, то увидел бы, как светлые глаза Брейкера потемнели, а лицо стало суровым. — Алекс, ты даешь мне больше, чем секс, — сказал он, его слова были немного тверже, чем обычно, заставляя меня посмотреть на него.

Но я не слышала в них никакой твердости.

И я засмеялась. — Говорит мужчина, который трахал меня последние пару дней.

— Куколка...

— Не то чтобы я жалуясь, — продолжила я, больше не обращая внимания даже на самую идею границ, — секс был таким... замечательным. Точнее суперзамечательным. И я даже не думала, что у меня вообще осталось сексуальное влечение. Но потом ты был таким горячим, с грязными словечками, и мои женские части сказали... ну, привет. И ты действительно хорошо знаешь, как пользоваться своими мужскими частями, и я просто... что тут смешного? — спросила я, мои брови сошлись вместе, чувствуя, как поднимается негодование. Разве он не видел, что я пытаюсь сделать ему комплимент? Было невежливо смеяться над комплиментами.

— Моими... мужскими частями? — спросил он, пытаясь сдержать улыбку и с треском проваливаясь.

— Отлично. Твоим членом, — парировала я, опуская на него глаза, — счастлив?

— Удивительно... учитывая этот дерьмовый день. Когда пришлось иметь дело с Лексом. Видеть, как он загоняет тебя в угол. Снова. Видеть, как ты плачешь. Даже со всем

этим дерьмом? Да, детка... Я чертовски счастлив прямо сейчас.

Я закатила глаза. — Ты пьян, — отмахнулась я от него.

— Нет, куколка. Ты пьяна. Я все еще трезв, как стеклышко.

— Это невозможно, — возразила я, — ты выпил столько же, сколько и я, и клетки моего мозга чувствуют себя так, словно плавают в желе.

— Это потому, что ты худенькая. Я могу выпить всю эту бутылку и не будут таким пьяным, как ты сейчас.

— Ну, несмотря ни на что. Ты не должен быть счастлив прямо сейчас.

— Почему нет?

— Потому что нет причин быть счастливым.

— Я сижу здесь с женщиной, пьяной в стельку, и говорящей мне, что ей нравится, что мои «мужские части» делают с ней, зная, что я буду по самые яйца в ее сладкой киске, прежде чем закончится ночь. Так что да, куколка, я думаю, что у меня есть довольно веская причина быть счастливым.

Даже будучи пьяной, в этом был какой-то смысл. Поэтому я просто пожала плечами.

— Алекс, посмотри на меня.

Я вздохнула, позволяя своим глазам скользнуть к нему. — Что?

— Ты можешь предложить мне больше, чем просто секс, — сказал он странно серьезным тоном, — ты меня понимаешь?

Его тон не оставлял много места для споров, и мой язык чувствовал себя немного онемевшим, и я не была уверена, что какой-либо мой аргумент все равно прозвучит убедительно. — Я понимаю тебя, — согласилась я, хотя и не была уверена, что на самом деле это так.

— Хорошо. Теперь мне можно уронить тебя здесь или мне отнести тебя в постель, чтобы трахнуть?

— Я могу идти, — заверила я его, поднимаясь на ноги, и мои руки тут же широко раскинулись, пытаюсь удержать равновесие. Я сделала несколько неуверенных шагов, понимая, что если я достаточно сосредоточусь, то действительно смогу идти, — на что похож пьяный секс? — спросила я, потянувшись, чтобы стянуть толстовку через голову, когда я, спотыкаясь, шла по коридору.

Брейкер последовал за мной, и, хотя я не могла этого видеть, я слышала по его голосу, что он улыбается. — У меня такое чувство, что с тобой это будет совершенно новый опыт.

— Только если я смогу снять эти... штаны... — сказала я, сидя на краю кровати и пытаюсь освободить свои ноги.

Глубокий смешок Брейкера пробрал меня до костей, когда он подошел к краю кровати, схватил край моих штанов и стащил их с меня одним быстрым движением, которое заставило меня дернуться и ухватиться за простыни, чтобы я не соскользнула с кровати. Я посмотрела вниз и увидела, что он также стянул с меня трусики. И я не позаботилась о лифчике.

Я посмотрела на Брейкера. — Так не пойдет, — сказала я, нахмутив брови и пытаюсь сосредоточиться.

— Почему нет? — спросил он, все еще улыбаясь.

— Потому что я голая.

— Я вижу это, — сказал он, окидывая взглядом мое тело, и от этого у меня между ног потекла влага, — не вижу в этом проблемы.

— А ты полностью одет, — продолжила я.

— Есть вещи, которые я могу сделать с тобой полностью одетым, — сказал он, подходя к кровати и опускаясь на колени в изножье. Он схватили меня за бедра и потянул вниз, к себе. Прежде чем я успела даже подумать о том, чтобы сдвинуть ноги вместе, его лицо оказалось между ними, его язык скользил вверх по моей плоти, пока не нашел мой клитор и не начал безжалостно работать с ним.

Мне не потребовалось много времени, чтобы подумать, что алкоголь имеет определенные преимущества в этом. Как будто тело, которое каким-то образом онемело везде, кроме тех мест, к которым прикасался Брейкер. Потому что, где бы это ни было, я чувствовала, что оно наэлектризовано. Он казался пульсирующим и живым.

Он лизал меня, пока я не кончила дважды.

Потом трахал меня, пока я не кончила еще дважды.

Потом он отошел в ванную, затем вернулся, отчего матрас показался водяным, так сильно он закачался. Он забрался рядом со мной, прижимая меня к своей груди способом, который был новым, но по прежнему каким-то глубоко знакомым. Он крепко обхватил мое бедро одной рукой, а другой перебирал мои волосы.

Я почувствовала, как сон окутывает меня.

— Гленн умер сегодня, — тихо прошептала я.

— Я знаю, детка, — сказал он, сжимая меня крепче.

— Мы напились, поделились историями и трахнулись.

— Да, куколка.

— Я думаю, может быть, теперь я смогу двигаться дальше, — сказала я, слегка поворачивая лицо, чтобы поцеловать его в центр груди.

Он обнял меня, крепко сжимая.

— Да, — согласился он. И я могла бы поклясться, что почувствовала его губы на своей макушке, прежде чем задремала.

Глава 16

Алекс

Четыре дня.

Четыре дня прошло с тех пор, как умер Гленн. С тех пор как я по-дурацки напилась и, вероятно, слишком во многом призналась, говоря бог знает, о чем.

Я говорю «вероятно», потому что ночью я была очень пьяной.

Я проснулась на следующее утро с отбойным молотком, вонзившимся в мой мозг, заставив меня застонать и перевернуться на бок, обхватив голову руками, когда Брейкер, посмеиваясь, встал с кровати.

— Это не смешно, — проворчала я, раскачиваясь всем телом, чтобы попытаться облегчить боль.

— С того места, где я стою, это выглядит смешно, — сказал он, возвращаясь и положил мне в руку три таблетки ибупрофена и дал мне бутылку воды. Я запила таблетки глотком воды, и он покачал головой, приподнимая доньшко бутылки, — допей все это. Тебе нужна жидкость.

— Мне нужно, чтобы меня оставили в покое, чтобы я умерла, — возразила я, но выпила воду залпом. В конце концов, он знал о похмелье больше, чем я. Я швырнула пустую бутылку в изножье кровати, приподнимаясь, пока не села у изголовья. Я случайно взглянула на

Брейкера, который выглядел слишком веселым и не страдающим похмельем, — я сказала что-нибудь глупое прошлой ночью?

— Да, — немедля сказал он, выглядя на грани смеха.

— Отлично, — сказала я, проводя рукой по волосам.

— Это было мило.

— Что бы это ни было, — возразила я, — оно не было милым. Неловким? Конечно. Милым? Нет.

— Откуда ты знаешь? Ты даже не помнишь, — логично сказал он, и я уставилась на него. Что только рассмешило его еще больше, — я пойду приготовлю тебе яичницу и тосты. С маслом. Иди прими душ и встретимся на кухне, выпьем немного кофеина.

С этими словами он ушел.

И я последовала инструкциям.

После того, как звон в моем мозгу превратился в постоянный, но терпимый стук, я подошла к ноутбуку и провела возле него весь день, отвечая на сообщения, которые я получила о Гленне. В посте о Лексе по-прежнему ничего не было.

И та часть меня, которая знала подземный мир даркнета, знала, что шансов на это было очень мало или совсем нет.

Следующие два дня рассказали меня больше о Брейкере. Не о Брейкере — куче мускул. Или о Брейкере — боге секса. А о Брейкере — человеке.

Он вставал рано. Он пил слишком много кофе. Он тренировался (да, с таким телом!). Он принимал душ. Он готовил. Он смотрел фильмы. Он занимался домашними делами. Он брал тайм-ауты, чтобы трахнуть меня.

Он был просто... нормальным человеком.

Это было странно осознавать. Такие мужчины, как он, казались выше мелких повседневных вещей, таких как вынос мусора или мытье кофейника. Но я не раз видела, как он делал это.

Что каким-то образом делало его более близким мне.

На третий день ему позвонили с работы. Я не спросила, кто это был, но он подтвердил, что это был не Лекс, тем самым заставив меня успокоиться.

На четвертый день он подошел ко мне, когда я, прислонившись к кухонной стойке, пила кофе.

— Мне нужно убежать, — сказал он будничным тоном, не утруждая себя тем, чтобы облегчить мне что-либо. Эта привычка показалась мне почти странно успокаивающей. Я никогда не была такой девушкой, с которой нужно было обращаться как с ребенком. Я ценила, что он уважал это во мне.

— На работу?

— Да. И мы почти съели всю еду, — сказал он, забирая мою кружку и целуя меня в шею. Я издала горлом бормочущий звук, когда мое тело ожило. Это было все, что ему потребовалось. Иногда мне даже не требовался поцелуй. Накануне вечером его мизинец случайно задел мое бедро, и я была готова. Он усмехнулся, как будто понимая, что происходит, и отодвинулся от меня, — у меня нет времени трахнуть тебя сейчас, — сказал он, подходя к кладовке с оружием и протягивая руку. Он засунул пистолет за пояс, где, как я узнала, он был всегда, если он выходил из дома. Затем вернулся, держа в руках еще один пистолет.

— Зачем это?

— Пистолет. Для тебя, — сказал он, вкладывая его мне в руки, — не думаю, что у тебя возникнут какие-либо проблемы, но тебе нужно быть готовой. Это предохранитель, — сказал он, снимая его, — ты что-то слышишь, что-то видишь, снимаешь предохранитель и прицеливаешься. Положи палец на спусковой крючок и нажми. Не думай об этом. Не медли. Здесь никому не место. Если здесь будет кто-нибудь, кроме меня? Они означают неприятности. Ты стреляешь в них, а потом звонишь мне, — сказал он, доставая из кармана один из одноразовых телефонов, которые держал вместе со своим оружием. Он открыл его и что-то набрал, — мой номер там есть. Поняла?

— Поняла, — сказала я, забирая телефон и засовывая его в карман, затем потянулась за пистолетом, стараясь не думать об этом слишком сильно. Он был прав. Мне нужно было подготовиться. Так что мне нужно было преодолеть все сомнения, которые у меня были при мысли об использовании оружия.

— Я не задержусь надолго. Два, три часа. Больше потрачу на дорогу. Оставайся внутри. Закрой за мной дверь. И всегда держи телефон и пистолет в пределах досягаемости.

Я почувствовала, как мои губы изогнулись вверх. — Я сказала, что поняла.

— Просто хочу убедиться, — сказал он, обнимая меня сзади за шею и притягивая к себе, чтобы поцеловать. Горячо. С большим количеством языка. Затем он отстранился, схватил ключи и вышел за дверь, — не слышу замка, женщина! — крикнул он через закрытую дверь, и я засмеялась, подбежав к двери и закрыв замки.

Некоторое время я стояла и слушала, как отъезжает его грузовик, чувствуя странный прилив разочарования.

Что было нелепо, поэтому я вернулась на кухню, схватила свою кружку и направилась в гостиную, схватив свой ноутбук и включив его.

Затем мое сердце подпрыгнуло в груди.

Потому что был ответ.

В посте о Лексе.

Был ответ.

Я щелкнула по сообщению, прокручивая вниз всю информацию, которую я загрузила, чтобы найти комментарий кого-то с ником Джейшторм.

«Я могу помочь. Нам нужно поболтать.»

Я с грохотом поставила кружку на стол, даже не заметив, что кофе расплескался по всей поверхности, когда мои руки забегали по клавиатуре.

«Где? Когда?»

Прошло всего пару минут, прежде чем просигналил еще один комментарий. Как будто, кем бы ни был Джейшторм, он сидел и ждал, когда я отвечу.

«Сейчас? Защищенная веб-камера?»

«Конечно.»

«Никнейм: Джейшторм.»

Я не ответила на это, просто включила камеру и программное обеспечение для чата, быстро провела руками по своим сумасшедшим утренним волосам, прежде чем ввести имя на экране и нажать кнопку вызова.

Мое сердце колотилось в груди, дыхание было поверхностным и затрудненным.

Я сдалась.

Несколько дней назад я решила, что это бесполезно. Я все равно верила, потому что всегда молилась, чтобы кто-нибудь более могущественный, чем я, выступил вперед.

Что был кто-то, кто хотел помочь.

Кто-то, кто мог бы помочь мне.

И Брейкеру.

И Шоту.

Шот был тем, о ком Брейкер ничего не слышал со времени последней встречи. Шот был тем, о ком Брейкер с каждым днем беспокоился все больше и больше. Он ничего не говорил об этом, но это было и так понятно. По тому, как тяжело были опущены его плечи. В напряжении его челюсти. В отрешенном взгляде его глаз.

Он был обеспокоен.

И это была моя вина.

Мне нужно было это исправить.

На звонок ответили, и потребовалось некоторое время, чтобы камера Джейштурм подключилась. Когда это произошло, с таким же успехом ее можно было и не подключать. Потому что изображение ничего мне не дало. Кто-то в капюшоне, закрывающем лицо. Толстовка была большой и черной, закрывающая все тело, что находилось под ней. В комнате, в которой находился Джейштурм, было темно. Я даже не могла сказать, глядя на него, был ли Джейштурм мужчиной или женщиной.

— Алекс? — спросил нечеловеческий голос.

Нечеловеческий, потому что, кем бы ни был Джейштурм, он использовал программу для модификации голоса.

Он говорил серьезно.

Это было хорошо.

— Да, — сказала я, слегка кивнув, чувствуя себя почти нервно.

— Мне жаль Гленна, — сказал Джейштурм.

— Спасибо, — сказала я, имея в виду именно это. Больше никто не выразил мне сочувствия. И я этого не заслуживала, но память Гленна заслужила.

— Лексу слишком долго спускали все с рук.

Это было правдой. — Да, — согласилась я.

— Ты все еще с Брайаном Брейкером?

Это была не та информация, которой я делилась. Джейштурм проводил свое собственное расследование. Опять же, это было хорошо.

— У него дома. Но он вышел на несколько минут.

Голова в капюшоне кивнула. — Тебе нужно избавиться от него.

Эти слова прозвучали как удар под дых.

Даже несмотря на то, что это было то, во что я заставляла себя поверить в течение нескольких дней.

— Я знаю.

— Шотер все еще жив. Но если вы не предъявите хакера, когда Лекс вернется, он долго не проживет, — последовала пауза, — ты могла бы создать ложный след, предоставить ложную информацию, чтобы держать ситуацию в руках. Но это не продлится долго, и Лекс использует свои обычные методы... убеждения на тебе.

Убеждение.

Изнасилование и пытки.

Да.

Джейшторм был прав.

— Но не раньше, чем он использует твои слабости против тебя.

— Мои слабости, — повторила я.

— Шотер и Брейкер.

Верно.

Это было правдой.

Дерьмо.

Одно дело — знать это. Другое дело, когда кто-то другой говорит тебе то же самое, о чем ты беспокоишься.

— Тебе нужно уйти.

— Как поможет уход? Брейкер попадет в беду из-за того, что упустит меня.

— Не так сильно, как он попадет из-за того, что поможет тебе.

Это тоже было правдой.

— У меня нет денег. Некуда идти.

— Ты выходишь и поворачиваешь налево в конце гравийной дороги. Находишь знак остановки, согнутый пополам и лежащий на траве, сворачиваешь в лес, под первым поваленным деревом лежит сумка. В ней достаточно денег, чтобы вытащить тебя из города на несколько недель. Удостоверение личности. Одноразовый телефон.

Черт возьми.

Джейшторм серьезно вел дела.

— И что потом?

— Тогда я использую это. Я использую то, что есть у тебя, и то, что есть у меня, и уберу Лекса Кита. Наконец-то.

— Но...

— Ты вне этого, Алекс Миллер. Ты и так уже достаточно потеряла. Возьми сумку. Уезжай из города. Не оглядывайся назад. Не собирай больше никакой информации. Ты можешь взять свой ноутбук и следить за его счетами, но не засовывай свой палец обратно в этот беспорядок. Ты свободна. Иди и построй новую жизнь.

И на этом Джейшторм закончил разговор.

Если раньше мое сердце колотилось, то теперь оно угрожало сердечным приступом.

Меня только что вычеркнули из уравнения.

У меня только что отняли дело всей моей жизни.

И сразу же это наполнило меня всепоглощающим ужасом и душераздирающим облегчением.

Все, что мне нужно было сделать, это уйти.

Проблема заключалась в том, что в этом не было «всего».

Уход был прыжком веры.

Он мог еще больше испортить и без того испорченную ситуацию.

Это означало оставить единственного человека в мире, о котором я заботилась.

Кого-то, кто сказал, что я ему тоже небезразлична.

И, да, это было скоро.

И, да, это было бессмысленно.

Но Брейкер что-то значил для меня.

Внутри звучал тихий голос, который подсказывал, что, возможно, он значил для меня всё.

Но это было еще одной причиной, по которой мне нужно было уйти.

Чтобы спасти его.

Чтобы спасти его от попыток спасти меня.

И потерять при этом свою жизнь или жизнь Шотера.

Я не могла этого допустить.

Мне нужно было уйти.

Я захлопнула свой ноутбук, быстро пересекая дом Брейкера. Я натянула джинсы и ботинки, накинула футболку под толстовку, наполовину опустошила сумку и оставила в ней сменную одежду и ноутбук, чтобы было легко и быстро путешествовать.

Я посмотрела на свои блокноты, перевернула один из них и вырвала страницу.

Мне придется уйти. Но мне также придется оставить записку.

Если я этого не сделаю, он подумает, что Лекс меня схватил. Я не могла допустить, чтобы он штурмовал дом Лекса в поисках меня. Поэтому я схватила ручку, села и написала свои последние слова Брейкеру.

И я притворилась, что сделала это без слез.

Но я плакала. Много. Заставляя слова, которые я написала, плыть у меня перед глазами.

Я схватила пистолет, который оставила у себя, сунула его за пояс, как это делал он, и выскочила из дома.

Глава 17

Брейкер

Я быстро сделал кое-что для старого друга — избил какого-то придурка, который все время пытался вытрясти его магазин. Я закончил за полчаса, относительно чистый от крови, и быстро пошел в продовольственный магазин.

Я не лгал, когда сказал, что мы съели практически всю еду. Я имею в виду, что все, что у меня осталось — это банка соленых огурцов и несколько черствых крекеров в шкафу. Может, она и была крошечной, но могла проглотить почти столько же еды, сколько и я. Это была одна из многих вещей, которые я находил в ней забавными.

Она изменилась.

После потери своего бывшего. После того, как поплакала со мной. После того, как выпила со мной. Немного открывшись... она изменилась.

Она опустила стены достаточно, чтобы я мог перелезть через них. Чтобы получить четкое представление о том, что было внутри. И я не ошибся. Я знал, что не ошибусь. Но было хорошо иметь доказательства.

Алекс Миллер была не просто опустошенным, решительным хакером с вендеттой, чья душа говорила на языке слез.

Она была забавной и милой, и у нее была сильная склонность к бесконтрольной болтовне, из-за которой она чертовски краснела. И этот ее характер? Да, дело было не

только в том дерьме, которое она считала важным. В тот день, когда у нее было гребаное похмелье, она до потери сознания спорила из-за персонажа в фильме.

Я трахал ее до тех пор, пока она не забыла, о чем спорила.

Я также ежедневно ловил ее на том, как она поет. Иногда по нескольку раз в день. Как будто она забыла, что я тут нахожусь. Или как будто ей было достаточно комфортно в моем присутствии, чтобы ее не волновало, что я подслушиваю. Несколько раз это была та песня об улыбке. В другое время это были другие. Почти всегда песни о том, как подняться над чем-то или о том, чтобы держать подбородок поднятым, несмотря на трудные времена. Я подумал, может это из-за ее матери. Если бы это была та музыка, которую она играла или пела для Алекс, когда она росла.

Она любила углеводы больше, чем белки. За ужином она всегда съедала их первыми, а потом с каким-то безразличием ковыряла мясо. Она забывала расчесываться, пока ее волосы не запутывались. Она ненавидела боевики и ужасы. Она говорила, что реальная жизнь и так достаточно ужасна, что если она собиралась сбежать из нее на какое-то время, то хотела бы убежать во что-то, что заставляло ее смеяться. Поэтому мы смотрели комедии. Она смеялась. А я смеялся над ее смехом.

Я бросил продукты в свою тележку, остановился в проходе с чипсами и схватил пакет с сырными завитками. Новый вид. Который, по-видимому, был превосходным. Всю свою жизнь я не задумывался на столько о закусках.

— Чувак, у тебя кровь на рукаве, — сказал знакомый голос, в котором звучало веселье.

Я обернулся и увидел, что там стоит Пейн, обняв мать за плечи одной рукой.

— Привет, дорогой, — тепло поприветствовала она меня, как всегда, полностью игнорируя тему крови. Как она всегда делала, — мне нужно пойти прикупить мясо для жарки на ужин. Пейн, детка, я догоню тебя у кассы.

И с этими словами она покатила свою тележку от нас.

— Ты не собирался позвонить и, блядь, сказать мне, что ты все еще жив? Когда ты имеешь дело с этим сукиным сыном?

Дерьмо. Да. Это было глупо.

— Извини, чувак. Я был занят.

При этих словах взгляд Пейна скользнул по моей тележке, и уголки его губ приподнялись. — Я это вижу. Она стоит всех тех неприятностей, в которые ты ввязываешься?

— Ты знаешь ответ на этот вопрос, — уклонился я, не чувствуя, что готов признаться вслух кому-то другому, что у меня были не совсем профессиональные чувства к Алекс. Это было слишком рано. Я был не из тех парней, у которых возникают чувства по любому чертову поводу.

— Шот? — спросил он, и на его лице появилось жесткое выражение, как будто он готовился к худшему.

— Насколько я знаю, он все еще злит парней, которые его держат. Видел его один раз. Алекс передала ему нож. У него есть шанс.

— И...

— И я должен держать ее, пока она снова не понадобится ему.

— Как, черт возьми, ты вляпался в эту историю? — громко спросил он, заставив группу женщин в конце прохода подпрыгнуть и оглянуться. Пейн послал им убийственную улыбку, они покраснели и побрели прочь.

— Не знаю, чувак. Но я собираюсь вытащить нас всех из этого. Вытащить нас оттуда.

Пейн кивнул. — Тебе что-нибудь нужно...

— Я не собираюсь вовлекать тебя в это тоже. Достаточно того, что тебя вообще видели со мной.

— Просто говорю. Если наступит полный пиздец, у тебя есть я.

Пейна не было в моей жизни. На темной стороне. Он был в той части моей жизни, которая касалась выпивки, развлечений и сучек. Но он знал все о темной. Он делил со мной бутылку по ночам, когда кровь на моих руках не давала мне спать. Он помог мне спасти Шота от смерти, когда на него набросились в переулке.

Он совал голову в мои дела, но не совал в них руки.

Именно так я и хотел это оставить.

Для него. И его семьи.

Неважно, что за дерьмо произошло, неважно, что мне больше некуда было обратиться, он не влезал в мое дерьмо.

— Я знаю, чувак, — сказал я, потому что ему нужно было это услышать, — иди, позаботься о своей маме. Я должен вернуться и проверить, как там моя девочка.

Моя?

Моя?

Иисус Христос. Она не была моей.

Словно почувствовав мою внутреннюю борьбу, Пейн откинул голову назад и рассмеялся, звук заполнил магазин. — О, это забавно. Святое гребаное дерьмо. Я никогда не думал, что доживу до этого дня.

— Какого дня? — спросил я, чувствуя, как у меня сжимаются челюсти.

— Того дня, когда ты поймаешь себя на чувствах к какой-то цыпочке, — уточнил он, все еще посмеиваясь.

— Я не... — начал я, чертовски хорошо зная, что это так.

— О, оставь это, — сказал он, хлопнув меня по плечу, — я не говорил, что это плохо. Просто сказал, что никогда не думал, что доживу до этого дня. Иди за едой и возвращайся к своей женщине, — сказал он, направляясь к выходу из магазина.

— Она не моя женщина, — громко крикнул я в ответ.

— Продолжай пытаться убедить себя в этом, чувак, — сказал он, прежде чем исчезнуть.

Я вздохнул, закончив покупки и направляясь обратно к дому с более тяжелым чувством, чем, когда уходил. Не потому, что я не знал, что это правда. Я знал. Я не был дураком.

Я проводил много времени с женщинами. Большая часть этого времени обычно проводилась внутри них. А потом я исчезал. Обычно я не задерживался, чтобы познакомиться с ними поближе. И даже если бы я это делал... они никогда не интересовали меня.

А Алекс интересовала. Она была запутанной, темной и сложной. Но в то же время она была милой и забавной (хотя сама так не думала), умной и преданной.

Она не отшатнулась от моей темноты и не попыталась пролить в нее свет. Потому что она жила в тех же глубинах, что и я. Мы просто... понимали друг друга.

Мне было насрать, чем она дышит.

Я хотел убедиться, что она продолжит это делать.

Чего бы это ни стоило.

Чтобы я мог проводить с ней больше времени.

Я подъехал к дому, взял сумки и направился к двери.

— Алекс, открой, куколка. Руки заняты! — крикнул я, пиная дверь.

Но ответа не последовало.

Я сразу же почувствовал, как у меня внутри все сжалось, когда я бросил сумки на ступеньку и потянулся к ручке. И она повернулась в моей руке.

Она, блядь, повернулась у меня в руке.

Воздух покинул мои легкие, я потянулся за пистолетом и в то же время распахнул дверь.

— Алекс! — я позвал, входя. Ничего. Никаких признаков борьбы ни на кухне, ни в гостиной. Я направился в ванную. Потом в спальню.

И именно там я нашел ее одежду, перевернутую на полу рядом с кучей ее записных книжек. Сумки не было.

Ее сумки не было. Я вылетел обратно в гостиную, пытаюсь придать этой информации смысл.

Мой взгляд упал на кофейный столик, чтобы найти там ее чашку с кофе, содержимое которой немного разлилось. Как будто она поставила ее в спешке.

Ее ноутбук исчез.

Ее сумка и ноутбук исчезли.

Мой пистолет опустился, чувство страха сменилось острым приливом ужаса и беспокойства.

Затем я оглянулся на стол и обнаружил там свой ноутбук, сверху был сложен листок бумаги с моим именем, нацарапанным на нем.

Именно тогда я понял.

Наверняка знал.

Все кусочки встали на свои места, и головоломка склеилась воедино.

Она ушла.

Но ее не похитили.

Нет.

Она бросила меня.

— Блядь! — крикнул я, бросая пистолет на диван и потянувшись за запиской. Какая-то часть меня не хотела это читать. Не хотела знать, что там написано. Что это могло значить, что она ждала, когда я оставлю ее в первый раз, чтобы она могла ускользнуть? Таков был план с самого начала? Она просто, блядь, использовала меня? Позволила мне использовать ее тело, чтобы у меня не возникло подозрений? Значит, я все это время не знал, что она собирается сбежать?

Чертовски глупо с моей стороны.

Я был лучше.

Я с рычанием открыл записку.

«Брейкер,

Во-первых, я сожалею о сердечном приступе. Я знаю, что вернуться и найти дом пустым, должно быть, было отстойно. Но ничего не поделаешь. Я клянусь. Это к лучшему. Ты не сможешь защищать меня и Шотера одновременно. Это невозможно. Тебе всегда придется выбирать. Ты же знаешь это. Лекс ни за что не позволил бы тебе заполучить нас обоих. Он так не работает. Тебе нужно выбрать Шота.

Поэтому я делаю этот простой выбор для тебя.

Я получила ответ на пост. Кто-то другой берется за это. Может быть, это даже будет сделано до того, как тебе придется беспокоиться о возвращении Лекса. Я не знаю. Я не посвящена в этот план. Все, что я знаю, это то, что с этим разбираются, и мне сказали, что мне нужно уйти.

Это не был какой-то гениальный план, который я замышляла.

Это то, что мне велели сделать.

Но даже ты должен понять, что это единственный выход.

Я не хотела уходить.

И я знаю, что ты сказал это только потому, что я была расстроена из-за Гленна и плакала, но твои слова о том, что ты заботишься обо мне, что-то значат для меня. Я тоже забочусь о тебе. Ты показал мне немного того, какой может быть жизнь, когда я наконец отпущу маму, Лекса и Гленна. Ты заставил меня поверить, что мне, возможно, все-таки есть ради чего жить. Так что это то, что я пытаюсь сделать — убедиться, что мы все продолжим жить, пройдя через это.

Со мной все будет в порядке.

Спаси Шота.

И тоже уезжай.

Спасибо тебе за все.

Алекс»

Кто-то еще был в этом замешан. Я бросился к своему ноутбуку, включил его и открыл даркнет, который Алекс оставила открытым. Появился пост, и я обновил его, прокручивая вниз, пока не нашел комментарий.

Джейшторм.

Кем бы ни был новый игрок, он совал свой гребаный нос туда, где ему не место. Это было не его дело, говорить ей, чтобы она оставила меня. Я мог бы защитить ее. Теперь она была где-то там, одна.

Она была умна. Она была технически подкована.

Но она ни хрена не знала о настоящем исчезновении. О том, чтобы быть вне сети.

И она, черт возьми, точно не знала, что блядь делать, если кто-то следит за ней.

Может быть, этот человек Джейшторм поможет ей. Пристроит ее в безопасном месте, пока он не сунул свой нос во все это и не разозлил Лекса.

Но существовала не менее высокая вероятность того, что этого не произойдет. Если Алекс будет одна. И все, что потребуется — это один неверный шаг, чтобы Лекс нашел ее.

Я должен был, блядь, найти ее первым.

Я схватил пистолет, засунул его за пояс джинсов и вышел на улицу, не обращая внимания на пакеты с продуктами, когда огляделся.

Я увидел отпечатки ее ног во влажной грязи сбоку от дома, ведущие вниз по подъездной дорожке. Еще одно доказательство того, насколько она была не готова. Зачем идти по грязи и оставлять отпечатки, когда можно идти по гравию и быть призраком?

Черт возьми.

Я последовал за ними по дороге, видя, как они сужаются, поэтому я пересек тротуар на другую сторону рядом со сбитым знаком «Стоп» и увидел, как они снова поднялись, направляясь в лес. Лес был не такой уж плохой идеей. Если ты знал, куда идешь. Если ты

знал, что, черт возьми, делать, если наткнешься на медведя.

Обе вещи, о которых, я был уверен, Алекс ничего не знала. Ее следы углубились рядом с пнем, как будто она там остановилась. Так что я тоже сделал это. Вижу белый мешок для мусора, засунутый под деревом. Что-то там было. Завернутое в него. Что-то, что Алекс взяла с собой. Что-то, что этот человек Джейшторм, должно быть, положил туда для нее. Это означало, что Джейшторм знал, где она временно живет. Он знал, что сможет уговорить ее уйти. Он ей что-то оставил.

Что?

Припасы.

Деньги?

Снаряжение для выживания?

И то, и другое было хорошо. И то и другое означало, что у нее было больше шансов уйти.

Мне стало интересно, как долго она была на ногах. Если бы был другой план. Если бы она должна была забрать свои припасы и где-нибудь встретить такси, автобус или поезд? Была ли она все еще в лесу?

Было слишком много зацепок, и не хватало времени, чтобы проследить за любой из них, прежде чем она уйдет навсегда.

Я поднялся на ноги, следуя по следам, пока они не исчезли в куче опавшей листвы.

Блядь.

Я вернулся в дом, направился прямо к своему компьютеру и открыл пост, обращаясь к тупому гребаному Джейшторму.

«Надеюсь, ты счастлив, ублюдок. Ты только что подписал ей смертный приговор.»

Может быть, это было немного по-детски. Может быть, Джейшторм никогда этого не увидит. Но мне нужно было это сказать. Это нужно было написать там. Она не была в безопасности одна. Если с ней что-то случится, я хотел, чтобы Джейшторм знал, что это на его совести.

Страница была обновлена, и на мой комментарий был дан ответ.

«Она следует инструкциям, она в безопасности. Беспокойтесь о Шотере и о себе. Я разбираюсь с Лексом.»

Я не потрудился ответить. Если он был таким самоуверенным, то он был глупым. Если он был глупым, то не было причин спорить с ним. Это ни к чему не приведет.

Я сидел там, наблюдая, как день сменяется вечером, а мир окутывает тьма.

Она все еще могла быть там. В лесу. Ночью.

Ночью было холодно.

У нее даже не было гребаной куртки.

Мой телефон зазвонил в кармане, и я нащупал его с приливом надежды. У нее был мой номер телефона. Она не оставила тот одноразовый, который я ей дал. От моего внимания не ускользнуло, что пистолета тоже не было. Он у нее был, у нее был мой номер. Если бы она действительно оказалась в плохом месте, она бы позвонила.

— Да.

— Брейкер... — скользкий голос Лекса сказал мне в ухо, заставляя надежду рухнуть с

тошнотворным треском.

— Лекс, — сказал я, стараясь, чтобы мой голос звучал небрежно. Что все было в порядке. Что все шло по его плану. Что я был просто его марионеткой, какой он хотел меня видеть.

— Как поживает моя девочка?

— Она ест как подросток, — добавил я, уклоняясь. Это было правдой. Это прозвучало правдиво для его чуткого слуха.

— Ну, тебе не придется долго беспокоиться о том, чтобы накормить ее. Я вернусь послезавтра, и мне нужно, чтобы ты привез ее ко мне домой.

Его дом.

Блядь.

Черт возьми.

Как, черт возьми, я собирался выпутаться из этого?

— Хорошо, Лекс. Во сколько?

— Брейкер, дружище, у тебя напряженный голос.

— Жажду попасть на следующую работу, — убить твою жалкую задницу. За Алекс. И Шота. И за себя самого.

— Я понимаю. Как я уже сказал, всего лишь еще полтора дня. Семь вечера.

— Хорошо, — сказал я, качая головой сам себе.

Дворник. Продавец подержанных автомобилей. Дрессировщик морских свинок. Я должен был сменить карьеру к тому времени, как мне исполнится тридцать. Пока не стало уже слишком поздно.

— Ты отдашь девушку и получишь своего друга в обмен.

— Замечательно.

— И полагающиеся тебе деньги, конечно.

Деньги, которые я намеревался потратить на растопку камина. Мне не нужны были его гребаные деньги.

— Хорошо.

— Тогда увидимся.

— Ага.

Я бросил телефон на диван, провел руками по лицу, пытаюсь придумать какой-нибудь выход из этой дерьмовой ситуации.

Я не появляюсь, Шот умирает.

Я появляюсь без Алекс, и мы, вероятно, оба умрем.

Но, по крайней мере, мы сделали бы это вместе.

Казалось, это был почти подходящий конец для двух закоренелых преступников. Два человека, которых никто не знал достаточно хорошо, чтобы скучать по ним. За исключением Пейна и, возможно, Алекс, если она когда-нибудь узнает, что произошло.

Она сказала, что ей не все равно.

Она сказала, что я дал ей повод поверить, что жизнь стоит того, чтобы жить.

Чертова Алекс.

Дело было не только в том, что она была важной фигурой на шахматной доске, в которую мы играли с Лексом. Дело было не только в том, что она была невинной, думая, что сможет справиться сама, как пятилетний ребенок, сбежавший из дома.

Я просто... Я, блядь, хотел, чтобы она вернулась.

Если я переживу эту неделю, я хочу, чтобы она была тут со мной, и мы бы убрались к чертовой матери из этого дерьмового города раз и навсегда и начали бы новую жизнь. Я хочу, чтобы она была рядом. В моей постели. Ужиная напротив меня, пытаюсь прикусить язык о том, насколько удобнее было бы есть в постели. Смеясь вместе со мной и смотря какую-нибудь глупую комедию.

Если я буду жив, она каким-то образом должна стать частью моих планов на будущее.

И я даже не знал, где она, черт возьми, была.

Блядь.

И у меня было всего полтора дня, чтобы выяснить, где она была, и придумать план, который не гарантировал кровопролития и смерти. Ну, по крайней мере, не наши.

Я встал с дивана и направился к своему грузовику.

Полтора дня.

В любом случае, я войду в дом Лекса меньше чем через тридцать шесть часов.

Будь что будет.

Глава 18

Алекс

Было холодно. Очень-очень холодно. Такой холод, который проникает в твои кости и заставляет тебя чувствовать, что ты никогда больше не согреешься. К тому же было темно. И лес был жутким, как ад. И имея только карту с нарисованной линией, обозначающей, где лес упирается в дорогу, я не чувствовала себя уверенной в том, что уход был правильным выбором в конце концов.

Ну, нет. Это неправда. Это был правильный выбор. Для Брейкера и Шотера. Мой уход не сделал все проще. Брейкеру придется придумать какое-нибудь оправдание тому, куда я исчезла. Или найти способ проникнуть к Лексу, чтобы вытащить Шотера до того, как Лекс позвонит ему. Но это было то, в чем я была уверена, что они справятся. Они были профессионалами. Они постоянно попадали в ситуации и выходили из них. С ними все будет в порядке.

Или, по крайней мере, это было то, что я должна была продолжать говорить себе, иначе у меня не хватило бы воли продолжать все это. Как бы то ни было, каждый шаг посылал укол в область моей груди.

Это было то, что я пыталась игнорировать.

Я как раз начинала терять веру в Джейшторм (проклиная себя за то, что была такой дурой), когда линия деревьев, наконец, оборвалась и появилась дорога. Никаких домов, которые я могла бы увидеть. Или магазинов, ничего. Просто дорога. Мои инструкции закончились после того, как я нашла дорогу. Поэтому я решила, что это означает, что я сама по себе.

Что было не плохо.

Всю свою жизнь я была предоставлена сама себе.

Я к этому привыкла.

До появления Брейкера.

Черт возьми.

Я отогнала эту мысль прочь. Это не помогало. Это не помогло мне двигаться дальше, думая о том, как хорошо было не иметь веса каждого решения, которое давило на меня. Знать, что я могла поделиться этим, обсудить это, принять обоюдное решение.

Всего лишь короткое пребывание с Брейкером, и моя жизнь так сильно изменилась. Черт, мне даже не пришлось задумываться о том, что я буду есть, потому что Брейкер готовил. Он позволил мне попробовать один раз, и мне удалось каким-то образом превратить коробку вкуснейшей китайской лапши из волос ангела (прим. перев.: разновидность китайской лапши) в один гигантский, рыхлый комок отвращения, который я даже не хотела пробовать, хотя я выживала на рамене с натрием и китайской еде дольше, чем я хотела.

Брейкер, шутя, бросал пасту и готовил свежую порцию, которая выходила раздражающе идеальной.

Я знаю, что получила лишь небольшое представление о его жизни. Жизни, когда он был дома, что, по его признанию, случалось нечасто. Он все время был на работе. В городе. За городом. По всей стране. Я, должно быть, увидела перерыв на каникулы. Я не видела, чтобы он входил весь в крови. Я не видела, чтобы он входил весь в порезах и синяках. Вещи, которые, как я знала, случались часто, потому что на его теле было больше шрамов, чем я могла сосчитать. Я не знала, каково это — беспокоиться о том, что он не вернется.

Я получила лишь небольшое представление о его образе жизни.

Но я чувствую, что увидела его как на ладони. Как личность.

И мне понравилось то, что я увидела.

Слишком.

Я никогда особо не разбиралась в отношениях между людьми. Я никогда не давала себе возможность сблизиться с другим человеком. И, возможно, это можно винить в иррациональной, подавляющей связи, которую я чувствовала к нему.

Я ничего не знала о любви. Но потребовалось шесть поцелуев, чтобы добраться от его рта до уха. Девятый, от уха до ключицы. Шестнадцать, от ключицы до бедра. А иногда, когда он был уставшим, ему становилось щекотно прямо там, в этой ложбинке. Нет, я ничего не знала о любви. Но я клянусь, все, чего я хотела до конца своей жизни — это лежать на его груди, впитывать его тепло, чувствовать, как он очерчивает узоры на моем бедре. Я хотела просовывать свои пальцы между его. На его руках было семнадцать шрамов. Я хотела знать историю каждого из них до последнего.

Если это не было любовью... ну, тогда я не знаю, что это было.

Не имело значения, что это произошло слишком быстро.

Не имело значения, что это ярко вспыхнуло, а затем мне пришлось погасить это, прежде чем у меня появилась возможность погреться в тепле. Не имело значения, что я больше никогда не почувствую его рук на своей коже, не услышу, как мое имя слетит с его языка. Не имело значения, что я буду ходить и скучать по нему и по тому, что у нас было всегда.

Все, что имело значение — это то, что он мог продолжать дышать. Продолжать получать поцелуи. Дарить тепло. Готовить идеальную пасту. Даже если это будет для других женщин. Может быть, особенно если это будет для таких женщин. Женщин таких как я. Женщин, которые никогда не знали прикосновения, от которого по их телу пробегал ток. Женщины, которые не знали, как приятно иметь кого-то, в ком можно потеряться. Женщины, чьи жизни навсегда изменились бы, просто узнав его мельком.

Вот почему я делаю то, что делаю.

Потому что миру нужны были такие люди, как Брейкер.

Я не собиралась позволить миру потерять его.

Я бы первой бросилась на Лекса.

Я вздохнула, встала и двинулась по дороге. Я понятия не имела, где нахожусь. Куда вела дорога? Кого я могу встретить? Где мне можно будет остановиться и согреться?

Было уже поздно. Невозможно было сказать, насколько поздно, учитывая время года и тот факт, что к пяти уже темнело. Но мне казалось, что я шла уже несколько часов. Наверное, так оно и было, если боль в ногах была хоть каким-то доказательством. Но я не была знакома с районом, где жил Брейкер. Поэтому я понятия не имела, куда может привести дорога, по которой я шла. Возвращала меня в город? Что было бы не очень хорошо. Мне нужно было уехать как можно дальше от города. Во-первых, из-за Лекса и его головорезов. Во-вторых, потому что, зная Брейкера (а я была почти уверена, что знала), он бы тоже меня искал.

Я полезла в сумку, которую оставил мне Джейшторм, нащупала телефон, включила его и проверила время.

Семь тридцать.

Я вздохнула, заставляя свои ноги продолжать двигаться, несмотря на невыносимую боль.

И как раз в тот момент, когда я подумала, что было бы лучше незаметно проскользнуть обратно в лес и немного прилечь, я увидела неоновую-зеленую вывеску мотеля.

Со стоном облегчения я ускорила шаг, чтобы сократить расстояние, распахнула дверь и помолилась, чтобы там было свободно.

— Привет, дорогая, — приветствовал меня мужской голос из-за стола.

Я подошла, положила руки на стойку и, оглянувшись, увидела, что кто-то сидит в старом кресле, задрал ноги, и смотрит игру по телевизору. Он был средних лет, с редяющими темными волосами и пивным животом, его круглое лицо было немного маслянистым. Именно такой мужчина выглядел так, словно управлял захудалым мотелем в самом центре какого-то захолустья.

— Привет. Есть свободные комнаты? — спросила я, залезая в сумку, которую оставил мне Джейшторм, вытаскивая наличные и поддельные удостоверения личности.

— Конечно, — сказал он, поднимаясь с кресла и подходя к стойке. — Ты будешь одна? — спросил он, его взгляд скользнул по моему телу так, что у меня во рту появился кислый привкус.

— Нет. Мой парень просто пошел перекусить.

На это он кивнул, отворачиваясь, как будто это его не интересовало. И у меня возникло смутное подозрение, что если бы я только что не соврала, то был шанс, что он появился бы у моей двери позже. С ключами. И рукой, полной рогипнола (прим. перев.: Рогипнол относится к ряду транквилизаторов-гипнотиков. Препарат назначают для лечения различных симптомов расстройства сна, так как он имеет явно выраженное снотворное действие).

Противно.

— Ну, вы двое можете остаться в седьмом номере. Это в самом конце, — сказал он, протягивая мне ключ. Как... настоящий ключ. Не ключ кредитная карта. Настоящий металлический. Странно, — ты оплачиваешь картой или...

— Наличными, — тут же ответила я.

— Семьдесят за ночь или пятнадцать за час.

Вдвойне противно.

Я даже не знала, что на самом деле существуют места с почасовой оплатой.

— Семьдесят, — сказала я, отсчитывая деньги и протягивая ему семьдесят.

— Если тебе что-нибудь будет нужно, дорогая, всё что угодно... ты просто подойди сюда и скажи Бобу, хорошо?

Мне потребовались все силы, чтобы не поморщиться. — Спасибо, — сказала я, взяв десятку, которую он протягивал, убедившись, что наши пальцы даже не соприкоснулись, сунула деньги в сумку и скорее вышла.

Уроды были уродами, и уродами оставались.

Но Боб, который управлял мотелем с почасовой оплатой и использовал ключи (что означало, что, скорее всего, были дубликаты), и говорил о себе в третьем лице? Да, это было так... супер жутко.

Я направилась к комнате в конце коридора, остановилась у торгового автомата, чтобы взять закуски и напитки, затем схватила кучу выброшенных пивных бутылок с боку, прежде чем вставить ключ в замок и войти в свою комнату.

Все мотели были отвратительны. Не имело значения, где они были, они были отвратительными. Старые обои. Грязные ковры. Древние телевизоры. Покрывало и простыни, которые, вероятно, не стирали неделями.

Вонючее, жуткое место.

Но это был мой единственный выход. Поэтому я старалась не смотреть на облупившиеся коричневые обои. Я старалась не смотреть на испачканные ковры. И я даже близко не подошла к кровати. Я бросила все свои вещи на складной столик, который знавал лучшие времена, но выглядел относительно чистым, затем направилась в ванную, чтобы проверить раковину на наличие тараканов. К счастью, ни одного. Затем подошла к кровати, приподняла матрас и принялась искать постельных клопов. Опять же, никого. Но я все равно не собиралась рисковать.

Я схватила пустые бутылки со стола, подошла к двери, закрыла замок и цепочку, затем поставила одну на ручку, а остальные поставила на пол перед дверью. Там был ковер, так что бутылка на ручке не разбилась бы, если бы упала, но, если бы она упала и приземлилась на другие бутылки, я бы это услышала. Даже если бы у Жуткого Боба был ключ, он никак не мог проникнуть внутрь без моего ведома.

Я вымыла руки и принялась за еду, хотя у меня не было аппетита. Я подключила свой ноутбук и подключилась к незащищенной сети, которую предлагал мотель, проверяя все в даркнете.

Ничего от Джейшторм.

Ничего в сообщении о смерти Гленна.

Просто... ничего.

Я вздохнула, ввела название мотеля и посмотрела, где я нахожусь. Что было вокруг. Чтобы разобраться где я была, и куда мне идти. О чем, ну, я еще понятия не имела.

По-видимому, городской автобус останавливался прямо перед входом, он вез меня через весь город и мог высадить на вокзале, где я могла купить билет в любом направлении.

У Джейшторма был конкретный план.

Мне просто нужно было выполнить все необходимые действия.

Я вздохнула, выключила ноутбук и подтащила второй складной стул поближе, чтобы я могла поднять ноги. Я никогда не была одним из тех людей, которые «могут спать где угодно». Мне нужна была кровать, одеяло и подушка. Мне нужно было иметь возможность вытянуться. Но с нависшей угрозой Лекса, Жуткого Боба и очень возможной неизлечимой болезнью, которую я могла подхватить, оказавшись в трех футах от этой кровати, что ж, мне

просто нужно было научиться спать сидя.

Дверь в соседнюю комнату открылась и захлопнулась. Я услышала смех, низкий мужской голос, высокий женский. Затем кровать громко скрипнула один раз. Затем, не прошло и двух минут, начала скрипеть быстро и неистово.

Очевидно, в шестом номере был гость с почасовой оплатой.

Прекрасно.

Я включила телевизор, позволив религиозному каналу без умолку вещать о грехе и прочем дерьме, которое ни хрена не значило в мотеле «спи и трахайся». Или в той жизни, в которой я жила в целом.

Пара в соседней комнате издавала мяукающие и стонущие звуки. Кровать перестала скрипеть. Послышалось шарканье. А потом дверь закрылась. Очевидно, все, что им было нужно — это двадцать минут.

Сон был неуловим, несмотря на мое ноющее тело.

Я решила, что это было связано, в значительной степени, с болью где-то в другом месте.

Такая боль, которая, казалось, никогда не перестанет болеть.

Одна из тех, что становилась только хуже от игнорирования ее.

Поэтому я опустила стену и позволила мыслям прийти.

Я думала о нем.

А потом я заплакала, пообещав себе, что это был первый и последний раз. Не потому, что я думала, что чудесным образом перестану страдать. А потому что я собиралась пережить все это прямо здесь и сейчас, а затем запереть все, что осталось, в сундуке где-то глубоко внутри с запиской, чтобы его никогда не открывали.

Я бы никогда этого не забыла. Не совсем.

Но я могла бы исчезнуть.

Начать новую жизнь.

Оставить все это позади.

Двигаться дальше.

Я надеялась.

Глава 19

Брейкер

Я не спал. Что было чертовски глупо. Мне нужно было быть в здравом рассудке. И в здравом уме. Особенно с тех пор, как я не смог найти Алекс. Ни следа. Она исчезла как дым. А также потому, что я не смог найти способ попасть к Лексу до того, как он вернется, чтобы попытаться вытащить Шота.

Пиздец какая сложность.

Потому что мне все равно нужно было прийти.

Я должен был показать свое лицо.

И скормить ему какую-нибудь ложь о том, что Алекс нет со мной.

Черт, сказать ему, что я не смог ее привести. Что я избавился от нее, как он и говорил. Он бы разозлился, но я, скорее всего, все равно сохранил бы свою жизнь. Может быть, даже жизнь Шота тоже, если Лекс будет в достаточно хорошем настроении. Я думаю, все будет зависеть от того, как пройдет его встреча.

Дом Лекса, как и мой, располагался на холме. В отличие от моего, у него был обнесенный стеной периметр и охраняемые ворота, двое его головорезов сидели в будке и

разговаривали, когда я подъехал.

— Грузовик остается здесь, — сказали они мне, и, поскольку у меня не было выбора, я схватил ключи и выскочил. А затем, как и ожидалось, меня обыскали и забрали два пистолета, которые были при мне. Тупые ублюдки не проверили мои ботинки. В каждом было по ножу. Не то чтобы они принесли бы мне слишком много пользы против его маленькой армии с впечатляющим ассортиментом оружия, но это было хоть что-то.

Ворота открылись, и я пошел по извилистой подъездной дорожке к дому.

И под «домом» я имел в виду «особняк», потому что Лекс жил богато. Площадью двенадцать тысяч квадратных футов. Гараж на три машины. Бесконечные окна (все пуленепробиваемые). Территория, которая включала теннисный корт, бассейн и конюшню. Лекс не играл в теннис, он никогда не учился плавать, и я подозревал, что он не отличит лошадь от немецкой овчарки.

Если бы вы присмотрелись повнимательнее, то увидели бы камеры видеонаблюдения. И тогда вы заметили бы притаившиеся тени, которые могли быть деревьями, но на самом деле были людьми. И это были люди с оружием за спиной.

Да. Был хороший шанс, что я не уйду отсюда, независимо от того, в каком настроении будет Лекс.

Но, в первый раз в жизни, я не мог заставить себя по-настоящему сбежать. Я просто хотел поскорее закончить с этой встречей.

Когда я повернул к входной двери, один из мужчин появился в поле зрения, дернув подбородком в мою сторону, прежде чем открыть дверь и впустить меня внутрь.

Дом был настолько роскошным и шикарным, насколько можно было ожидать от поместья в двенадцать тысяч футов. Темное дерево. Глубокие тона. Дорогая, очень профессионально расставленная мебель. Прямо впереди была лестница в форме подковы с белым (да... белым) ковровым покрытием. Под ней был коридор, который, казалось, вел в столовую. Слева от входной двери была гостиная с гигантским камином и книжными полками, полными тяжелых книг, я был уверен, что Лекс никогда даже не заглядывал в них. Справа была еще одна гостиная, но в ней стоял рояль, на стенах висели отвратительные, претенциозные картины, а вокруг стояли статуи.

Мне было интересно, понимает ли он, как выглядит его дом для постороннего. Как мучительно очевидно было, что он пытался стереть все следы бездомного уличного ребенка, которым он был в те дни. Ребенок, который так и не научился играть на пианино или произносить имена классических музыкантов. Ребенок, который никогда даже не слышал о Прусто или Макиавелли.

Конечно, я тоже ни хрена о них не знал. Но я, блядь, не пытался вести себя так, как вел себя он.

— Он хочет встретиться с тобой внизу, — сказал безымянный охранник, кивнув головой в сторону коридора, и я двинулся к нему, охранник был в нескольких футах за моей спиной.

Вниз.

В подвал.

Здорово.

— Сюда, — сказал он, ведя меня на кухню и открывая дверь, за которой была деревянная лестница, ведущая вниз, — ты пойдешь один.

Вдвойне здорово.

— Хорошо, — сказал я, кивая и направляясь к лестнице. Нет смысла откладывать

неизбежное.

Я почти ожидал увидеть шлакоблоки и зарешеченные окна. Может быть, мне следовало бы знать лучше. Поместья, подобных его, как правило, не заканчивались подвалом. Этот не был исключением. Я спустился и оказался в огромном пространстве. Кафельный пол песочного цвета, стены выкрашены в темно-красно-оранжевый цвет, бар в дальнем конце рядом с дверью.

Эта дверь была единственной зловещей вещью в комнате.

Все остальное выглядело как место, куда мужчина ходил, чтобы расслабиться, уйти от своей ворчливой жены, подрочить на постыдное порно.

— Брейкер, — позвал голос Лекса, и я увидел, как он закрыл дверь рядом с баром и направился ко мне.

— Лекс, — сказал я, кивая.

— Где Алекс?

Тогда сразу к делу.

— Не здесь, — сказал я, пожимая плечами.

— Я вижу это, — сказал он, его голос стал ледяным, — не хочешь ли объясниться?

— Не особо.

— Я не тот мужчина, с которым ты хочешь играть в игры, Брайан.

— Я не играю в игры, Лекс. Ее здесь нет. Мне не хочется говорить об этом. Это не игра. Просто какое-то дерьмо.

— Для меня удивительно, что ты все еще дышишь, — странно сказал он, склонив голову набок, как будто это было что-то, что действительно смутило его.

— Почему это, Лекс?

— Потому что тебе либо не хватает уважения, либо мозгов, чтобы понять, с кем тебе следует держать язык за зубами.

— Это я, глупый, безрассудный, заноза в заднице.

— Раньше люди мирились с этим, потому что ты делал свою работу и не задавал вопросов и не творил дерьмо. Похоже, что-то изменилось.

— Послушай, — сказал я, сдерживая вздох, — избавь меня от лекции. Сэкономь свои деньги. Просто дай мне Шота, и мы оба сможем пойти разными путями.

— Видишь ли, — начал он тоном, которому я сразу же не доверял, — обычно мы так и поступали с этим. Ты — ценный актив, который стоит иметь рядом, даже если ты действительно провалил эту работу. Но, к сожалению, кое-что... произошло с тех пор, как мы разговаривали в последний раз.

На этот раз я выдохнул. — Что происходит? — спросил я.

— Как насчет того, чтобы выпить? Скотч? Виски? Водки? К какому типу людей относишься ты?

К тому, кто не пил спиртное у таких говнюков, как Лекс. Но я чувствовал, что уже раскачиваю лодку, и мне не нужно было усугублять ситуацию. — Виски подойдет, — сказал я, обычно предпочитая водку. Но при мысли о ней в мою голову влетел образ Алекс, пьяной в стельку, хихикающей, говорящей глупости, кончающей жестко и неоднократно от моего рта и члена.

Да. Виски было лучшим выбором.

Лекс направился к бару, и я последовал за ним, желая не спускать с него глаз. Он был скользким дерьмом. Я бы не стал упускать из виду, что он мог подсыпать что-нибудь в мой

напиток. Но, в конце концов, он этого не сделал. Он просто налил нам по стаканчику, и мы выпили.

— Как насчет того, чтобы навестить твоего друга? — предложил Лекс, ставя свой стакан обратно на стойку.

— Моего друга? — спросил я, тоже ставя свой стакан. Он, должно быть, говорил о Шотере. Но какого хрена ему понадобилось показывать его мне? Если только он не планировал сделать из него пример.

Блядь.

— Конечно, — сказал Лекс, направляясь к той двери, которая означает плохие новости, — прямо здесь.

И снова, не имея выбора, я последовал за ним.

У меня есть своя комната из шлакоблоков. Но никаких решеток. Потому что там нет окон. Только флуоресцентные лампы под потолком. Внутри были люди. Два. Вялый Член Рик (который, должно быть, был любимцем Лекса, так как он всегда был приклеен к бедру ублюдка) и какой-то парень, которого я никогда раньше не видел — моложе, но крепкий, с каштановыми волосами и глазами, совершенно пустыми, стоящий у двери в маленькую комнату, которая, как я понял, была ванной.

Но мои глаза уловили все это примерно за две секунды. Потому что на третьей секунде мой взгляд упал на Шотера. Он сидел на металлическом стуле посреди комнаты. Свободно. Не закован в наручники и не привязан к нему. Просто сидит, расправив плечи, широко расставив ноги, и выглядя почти комфортно. На его лице были синяки, и я почувствовал, как моя кровь при виде этого превратилась в лаву. Конечно, это всегда было возможно. Особенно потому, что Шот хорошо умел нажимать на слабости людей.

Все еще. Видеть это? Да. Я не был чертовски счастлив.

— Хей, Брейк, — сказал Шот, кивая мне, ухмылка играла на его губах. Как будто у нас были планы пойти поиграть в бильярд, выпить пива и трахнуть сучек позже. Вместо того, чтобы оказаться в меньшинстве на тщательно охраняемой территории злобного ублюдка, который явно злился на меня.

— Шот, — ответил я так же небрежно, пытаясь подавить волну беспокойства.

— Ты дерьмово выглядишь, чувак, — продолжал Шот, кивая головой.

Да. Я знал, что это так. — Да, и ты выглядишь так, словно провел последнюю неделю в спа-салоне, — сказал я, одарив его улыбкой. Но он знал меня достаточно хорошо, чтобы понять, что скрывается за ней. Он видел напряжение. Беспокойство. Он знал, что что-то случилось. Я видел, как он воспринял это, когда слегка выпрямился, его глаза стали более пронизательными.

Он был со мной.

Это было плохо.

Дерьмо должно было пойти ко дну.

Лекс откашлялся, словно почувствовав, что между нами что-то происходит. — Мы собираемся перевести Шотера отсюда, в сарай, через минуту, — начал он, и я почувствовал, как напрягся.

В сарай.

Я не знал, что у него на участке есть сарай.

Но сарай и Лекс... это было хреновое сочетание.

— Но сначала... у нас есть сюрприз для вас двоих.

О чёрт.

Я взглянул на Шота, чтобы посмотреть, есть ли у него хоть малейшее представление о том, что нас ждет, но он покачал головой. Что бы это ни было, никто из нас не знал. Что только заставило мой желудок скрутиться еще сильнее.

— Крис, — сказал Лекс, махнув рукой парню помоложе, стоящему у двери.

Шот, и мой взгляд встретились, и единственная мысль, которая пришла мне в голову, была о единственном человеке, оставшемся в мире, с которым было ясно, что я связан.

Пейн.

Он также был связан с Шотом.

Сюрприз для нас обоих.

Шот повернулся на стуле, когда Крис на секунду исчез в комнате, а затем вернулся.

И это был настоящий сюрприз.

Такого рода сюрприз, который заставил меня всерьез подумать, что у меня будет инсульт.

У них не было Пейна.

У них была Алекс.

Крис боролся с ней ведя ее из другой комнаты (боролся, потому что она боролась, как чертовски сумасшедшая женщина, когда он пытался это сделать. Это ни к чему ее не привело, но, тем не менее, я гордился ей).

— Что это за херня, Лекс? — спросил я, заставляя свой голос звучать скучающим. Я чувствовал, как шокированный Шот смотрит на меня, но не может понять, в чем дело. Дерьмо только что стало плохим. И оно было плохим с самого начала.

— Похоже, мне пришлось выполнять твою работу за тебя, Брейкер, — сказал Лекс, махнув рукой в сторону внезапно замершей Алекс. Внезапно потому, что она услышала мое имя и замерла, ее глаза встретились с моими. Гнев покинул их (немалое чудо, так как я знал, как сильно она могла злиться), и все, что осталось, — это удивление. И смирение.

Она думала, что спасла меня.

И все равно мы оба были тут.

— Итак, ты получил свою девушку. Наша сделка закончена. У нас все в порядке? — спросил я, стараясь не замечать ужас на лице Алекс.

Лекс склонил голову набок, наблюдая за мной. — Это неожиданно.

— Что такого неожиданного? Это было то, чего ты хотел. У тебя есть твой хакер. Теперь я получу своего парня. И мы уберёмся отсюда к чертовой матери и будем держаться подальше от дел друг друга.

— Брейк... — позвал голос Шота, звучащий так же испуганно, как выглядела Алекс. Но у меня не было никакого способа объяснить ему, что происходит на самом деле.

— Видишь. Я так и думал, что ты будешь замешан во всем этом, — продолжал Лекс, оглядываясь вокруг, как будто видел всех нас в первый раз.

— Что все это значит? — снова спросил я, пытаюсь казаться скучающим.

— Рик, — сказал Лекс, и Рик выпрямился, — ты можешь привести нашего другого гостя, прежде чем отведешь Шотера в сарай?

С этими словами Рик исчез.

Оставляя меня чувствовать, как мои плечи становятся еще тяжелее. Еще один гость? Знал, что это дерьмо не может быть хорошим.

— В чем я замешан, Лекс? — снова спросил я, чувствуя, как лед проскальзывает в моих

словах.

Лекс мгновение рассматривал меня, прежде чем продолжил. — Ну, видишь ли. После того, как я заполучил мистера Гленна Гейбла, — начал он, и я увидел, как лицо Алекс слегка осунулось. На ней не было маски. У меня не было возможности остановиться и рассмотреть, что это значит, прежде чем Лекс заговорил снова, — и обнаружив, что Алекс была кем-то, кого он учил, кто в конечном итоге перерос его, я признаю, значительные навыки, я решил использовать ее для своей миссии. Представьте мое удивление, когда я узнал, что Алекс Миллер была тем, кто все это время создавал мне проблемы.

Блядь.

Блядь, блядь, блядь.

Я случайно взглянул на Шота, который был нехарактерно серьезен. Его глаза встретились с моими, и я увидел, что он знал, что на самом деле произошло. Взгляд был таким резким. Он знал, что я знаю, кто такая Алекс на самом деле. Он знал, насколько мы все были по-настоящему в дерьме.

Дверь открылась, и вошел Рик в сопровождении парня примерно того же возраста, что и Алекс. Симпатичный. Почти возмутительно. Высокий. Стройный. В сшитом на заказ костюме. Черные волосы. Зелёные глаза. Он вел себя так, словно тоже знал, как выглядит. Высокомерный придурок.

— Джошуа? — прозвучал голос Алекс, в котором звучала смесь шока и ужаса.

Здорово. Алекс знала этого придурка.

Следовало бы знать. С Лексом всегда существовали планы на случай непредвиденных обстоятельств. На всякий случай. Блядь.

— Алекс, милая, — сказал он, одарив ее обаятельной улыбкой.

— Засунь себе в задницу «милую Алекс», — огрызнулась она, и я боролся с улыбкой. Тут была моя Алекс. Вечно с горячей головой, — ты работаешь на него? — прорычала она, в ее словах звучало обвинение.

— Я нанял Джошуа, когда нанял Гленна. Просто чтобы убедиться, что Гленн делает свою работу. Как оказалось, Гленн хорошо справлялся с работой. Но с работой, которая защищала тебя.

— Ты молодец, Алекс, — сказал Джошуа, бросив на нее взгляд, как будто он имел в виду комплимент, но, учитывая обстоятельства, это прозвучало снисходительно, — но всегда есть след. Ты же знаешь это.

Он был хакером.

Он был тем, кого они с Гленном оба знали.

Дерьмо.

— Ты была в безопасности, — продолжал он, пожимая плечами, — до тех пор, пока не вернулась с Оскар-стрит и не выложила все это дерьмо о Гленне. До этого я знал, что кто-то есть. Но я не знал, кто именно. Кем ты была. До этого поста. Я знал, что вы с Гленном когда-то... ну... встречались, — сказал он таким тоном, словно точно знал, что у них было. Что только разозлило меня еще больше, — но я всегда полагал, что это все, что было. Взаимный... обмен. Но потом он умер, и ты взорвала форумы по этому поводу. Это была твоя роковая ошибка, дорогая.

— Это не ошибка, если ты знаешь о риске, Джошуа, — выплюнула она, ее тело было странно неподвижным.

— Ты хотела, чтобы тебя поймали?

— Я хотела донести до всех, что хороший, добрый, забавный, неуклюжий маленький хакер. Один из нас. Кто-то такой же, как ты, Джош, до того, как твое эго не взяло верх... один из наших, твой друг, был замучен и убит без веской причины. Об этом нужно было рассказать. Людям нужно было быть в курсе. Предупреждение. Не связываться с такими говнюками, как Лекс. Меня не волновало, что я сама рискую. Я поступала правильно. — Она остановилась, переводя дыхание, метая кинжалы в Джошуа, у которого хватило здравого смысла выглядеть немного озадаченным. — Единственным из нас здесь, кто совершил роковую ошибку, являешься ты.

— Алекс... — попытался он вмешаться. Но Алекс было не остановить, когда она злилась. И она была зла.

— Как ты думаешь, такие люди, как Лекс, хорошие работодатели? Ты хоть представляешь, скольких своих людей он убил? Нет? — спросила она, оглядываясь по сторонам, — тридцать семь, по моим последним подсчетам. Некоторых из них потому, что вели себя неправильно. Некоторых просто так, на хрен. Чтобы воспользоваться своей властью. Или потому, что они его разозлили. — Я знаю тебя, Джош, — усмехнулась она, — он чертовски устанет от тебя через несколько недель. Тогда знаешь, где ты будешь? На Оскар-стрит с перерезанным горлом, артериальные брызги покроют стены. Просто. Как. Гленн. Но рядом не будет меня, чтобы рассказать всем, каким хорошим парнем ты был. Какая у тебя была печальная, ужасная, бессмысленная смерть. Потому что, честно говоря, ты, блядь, это заслужил.

Джошуа побледнел, оглядываясь по сторонам, как будто видел их в первый раз.

Алекс была права. Он уже был трупом. И он только что сам это понял.

Мне было бы жаль этого маленького засранца, если бы он не был причиной, по которой Алекс оказалась в этой комнате.

— Так, так, — вмешался Лекс, хлопая в ладоши, — я думаю, что он все-таки не сломал тебя. Тем лучше для меня, — он улыбнулся ей злой, ужасной улыбкой, которая заставила всех наполовину приличных мужчин в комнате (имея в виду меня, Шота, и даже хнычущего идиота Джошуа) напрячься. — Хорошо, — сказал Лекс, его властный тон вернулся. — Рик, ты можешь взять его с собой. Сначала вызовите две дополнительные пары рук. Одни, чтобы отвести Джошуа туда, в его комнату. Другие, чтобы... помочь мне здесь.

Я вскочил. Быстро. Как и Шот.

Пересек комнату и врезался в Криса, парня, который держал Алекс. Ее тело сильно ударилось о стену, а затем упало на пол, но я был слишком занят, вонзая кулаки в лицо парня, чтобы проверить ее.

Но я едва успел нанести четыре хороших удара, как меня оттащили. Я оглянулся и увидел, что Шота уже удерживает Рик.

Мои глаза метнулись к Алекс, которая приподнималась.

Это стоило того, чтобы попытаться.

Шот подумал о том же, пожав плечами, прежде чем его выволокли из комнаты.

— Крис, я думаю, тебе лучше отвести Джошуа в его комнату, а потом привести себя в порядок. Грег может остаться здесь с нами.

Грег был тем парнем, который ранее провел меня через дом в подвал.

Грег, вероятно, был единственным из троих, кто действительно мог меня удержать.

Здорово.

И он это сделал.

И все остальные уши.

Оставив только меня, скованного Греггом. И Алекс, в другом конце комнаты, к которой приближался Лекс.

Блядь.

Нет.

Я знал, к чему это приведёт.

Блядь.

Нет.

Я увидел, как осознание отразилось на лице Алекса, и в то же время почувствовал, как знание распространилось по мне. Она двигалась быстро, сунув руку в ботинок. Где был героин, понял я. Она собиралась покончить с этим. Мне предстояло увидеть, как она умрёт.

Господи Иисусе, мать твою.

Но она была недостаточно быстра, и Лекс схватил ее за горло и поднял, оторвал пятки от земли и прижал к стене. Она замахала руками, пытаясь ударить его, а затем попыталась оторвать его руки от своей шеи, когда от нехватки воздуха у нее закружилась голова.

Затем он сжал руку в кулак и бросился вперед. Ударив ее в челюсть так же, как он заставил меня это сделать. Но он не сдерживался, как я. Я услышал треск. Я увидел, как ее голова мотнулась в другую сторону. После он опустил руку с ее горла и послышались звуки его кулаков, врезающихся в ее лицо. Ее грудь. И ее приглушенные стоны, когда она старалась не показывать слабости.

— Глупая сука думала, что сможешь меня одолеть? Тупая гребаная тварь. Ты — никто. Никто! — завопил он. Тело Алекса упало вперед, ее ладони ударили по земле перед ней, чтобы предотвратить падение. Она стояла лицом ко мне, но ее голова была опущена, кровь с ее лица капала на бетон.

Я боролся.

Против удерживания. Пытаясь добраться до нее.

Затем Лекс опустился на землю позади нее, опустился на колени и схватился за пояс ее брюк.

И бурление в моем животе поднялось к горлу.

В тот же момент Алекс подняла голову и посмотрела на меня. На долю секунды. А потом маска опустилась, и я понял, что она ушла. Она смирилась со своей судьбой. Лекс Кит собирался изнасиловать и убить ее.

Совсем как ее мать.

Именно тогда, наблюдая, как она отключается, наблюдая, как больное лицо Лекса исказилось от желания, когда он стянул с нее штаны. Именно тогда я понял, что у меня все еще есть карта, которую нужно разыграть.

Это было то, что вспомнилось мне прошлой ночью, когда я лежал в постели без сна и обдумывал свои разговоры с Алексом.

Как тогда, когда она рассказала мне о своей маме. Рассказала мне о том, через что прошла ее мама от рук Лекса. В течение многих лет. До того, как она сбежала. И когда я хорошенько подумал об этом, это обрело смысл. Было даже некоторое сходство.

— Ты будешь смотреть, как я трахаю женщину, которую ты любишь, когда она кричит, чтобы ты спас ее, и ты чертовски хорошо знаешь, что не сможешь, — глаза Лекса впились в мои, когда его руки потянулись к ширинке.

Мои глаза умоляли ее прийти в себя.

Сказать ему самой.

Почему бы ей этого не сделать? Это могло бы спасти ее. Было ли для нее на столько хуже признаться в этом? Признавалась ли она в этом даже самой себе? Было бы не совсем в ее характере похоронить это и притвориться, что этого не существовало.

Но это произошло.

И если она не собиралась этим воспользоваться, что ж, я был чертовски уверен, что сделаю это за нее.

— Я знал, что ты больной ублюдок, Лекс, — сказал я, чувствуя, как рука Грега напряглась вокруг меня, видя, как Лекс остановился и посмотрел на меня, — не думал, что ты настолько извращен, чтобы изнасиловать собственную гребаную дочь.

Выражение шока на его лице было бы бесценно в любой другой ситуации. Его глаза округлились. Его плечи поникли.

Я смутно осознавал, что Алекс смотрит мне в глаза.

— Что? — Лекс зарычал.

— Да. Ты тупое дерьмо. Собрал всех этих людей, всех этих хакеров, которые копаются во всем твоём дерьме, и каким-то образом ты упустил этот маленький нюанс.

— Нет, — сказал он, отходя от Алекс и застегивая брюки.

— Ага. Знаешь, кто ее мама? Подумай хорошенько. Черт, просто взгляни на нее, блядь, — выплюнул я, — я видел фотографию. Она, блядь, точная копия своей матери. Тебе не должно быть слишком сложно сопоставить воспоминания. С тех пор, как ты держал ее в своем доме, избивал и насиловал ее в течение многих лет, прежде чем она, наконец, подстрелила тебя.

Лекс подошел к Алекс, схватив ее за лицо. И мне пришлось наблюдать, как его собственное лицо побледнело, пока оно практически не стало серым.

— Эллисон, — прошептал он, качая головой.

Я не знал ее имени. Алекс никогда этого не говорила. Но Лекс явно видел призрака из своего прошлого.

— Да. Одна из многих женщин, которых ты сломал в свое время. Ей просто так посчастливилось получить некоторую помощь по пути. У нее была своя жизнь. Она вырастила свою дочь. Но покончила с собой, когда Алекс было шестнадцать. Знаешь что-нибудь об этом? — одного взгляда было достаточно, чтобы я понял, что он знал. Что он, как и предполагала Алекс, видел ее в тот день. Что привело ее к самоубийству, чтобы спасти их обоих, — да. Держу пари, что знаешь. Она покончила с собой в тот день, ты же знаешь. Именно тогда ваша дочь решила посвятить свою жизнь тому, чтобы уничтожить тебя.

— Дочь... — повторил он, глядя на Алекс, которая снова встала на колени и подтянула штаны.

— Да, ты...

Мой голос затих. Или, скорее, его заглушили звуки выстрелов. А затем, невероятно, почти невероятно, раздались взрывы. Достаточные, чтобы задрожала земля. Достаточные для того, чтобы Грег испугался, а я вырвался. И я, блядь, вырвался.

Я не думал об Алекс или Лексе, в то время как мой гнев вылился в избиение лица Грега до неузнаваемости.

Но потом раздался крик, и я вскинул голову, чтобы увидеть, как Лекс закрывает лицо руками, его стон был очень похож на стон умирающего животного.

И там была Алекс, трясущимися руками держащая перочинный нож, который я сунул ей

в тот день, когда мы отправились на Оскар-стрит. Лезвие было окровавленным. Как и руки, которые Лекс прижимал к лицу.

Я пролетел через всю комнату, вырубив Лекса одним ударом и схватив Алекс.

— Мы должны идти... сейчас же! — крикнул я, перекрикивая звук конца света вокруг нас, — куколка, — сказал я, положив руки ей на плечи, один раз сильно встряхнув ее, пока она не посмотрела на меня, и маска не упала, — нам нужно идти.

— Я ударила его ножом, — сказала она, глядя на его тело.

— Черт возьми, да, — согласился я, потянув ее к двери, но не раньше, чем я выхватил пистолет из расprostертого тела Грега, — ты наконец-то отомстила. А теперь давай убираться к чертовой матери отсюда.

Глава 20

Шотер

Быть пленником было не так плохо, как это звучало. Я имею в виду, что не было ни Wi-Fi, ни телевизора, ни выпивки, ни чертовски сексуальных женщин вокруг, чтобы поболтать. Да, эта часть отстой. Но просто сидеть в комнате, сложа руки, слушая, как придурки, охраняющие меня, выбалтывают все секреты Лекса? Да, этого было почти достаточно для развлечений в это время. Отчасти потому, что их словарный запас состоял из ругательств и списка слов, которые третьекласснику нужно было бы запомнить, чтобы сдать государственные экзамены. И, учитывая, что я приехал из какого-то захолустного гребаного городка на юге с жалким подобием школьной системы, да, то, что я сказал, что им не хватает словарного запаса, что-то говорило.

Но это было также отчасти забавно, потому что они были так заняты своим дерьмом, что я мог бы сбежать по крайней мере дюжину раз, если бы захотел.

Не то чтобы я этого не хотел.

Я просто пытался играть по-умному.

Я не знал, что полагается Брейкеру за нарушение сделки.

Или его цыпочке, если уж на то пошло.

И, не сомневайтесь, это была его цыпочка.

Я увидел их на следующий день после того, как он схватил ее, и я уже мог что-то там разглядеть. Они оба не обращали на это внимания, если не считать, возможно, некоторого сексуального напряжения. И оно было между ними.

Не только потому, что Брейк не хотел ее бить. Что он был готов пожертвовать мной ради нее. Дело было не в этом. Мы оба знали это правило. Мы не поднимали своих гребаных рук на женщин.

Нет. Это было то, как он смотрел на нее. А также то, как он демонстративно *не смотрел* на нее.

Она была больше, чем просто объект.

И она была больше, чем для секса, на одну ночь.

В ту же секунду как она открыла рот и начала кричать... да, я получил подтверждение. Не то чтобы она не была красивой. Высокая и худая, с темными волосами до плеч и большими темными глазами, идеальной фигурой. Я имею в виду, что обычно я предпочитал, чтобы мои женщины были пышными, с некоторыми изгибами, в которые можно погрузить пальцы. Но она все равно была потрясающей. Но, черт меня побери, когда она начала превращаться в монстра чистой ярости на Лекса?

Да, в ней что-то было.

И она, знал ли кто-нибудь из них об этом или нет, была именно той женщиной, в которой он нуждался в своей жизни.

Я имею в виду, что после того, как один из кулаков Брейкера ударил ее в челюсть (что я уже получал раньше, и, позвольте мне сказать вам, это было больно, мать твою), у нее все еще хватило ума передать мне нож. Это было то, что нужно было Брейку. Цыпочка, которая могла думать самостоятельно, которая принимала удар на себя, которая делала то, что нужно было делать.

Не имея ничего, кроме как сидеть и думать, я немного поразмыслил над их несомненным зарождающимся романом. Гадая, будет ли Брейк держать ее на расстоянии, выпустит ли она его. Сможет ли она избавиться от чувства вины и стыда, которые он почувствовал бы, прикоснувшись к ней.

Брейкер никогда не относился к тому типу мужчин, которых можно увидеть с женщиной под руку. Конечно, мы с ним, а иногда и с Пейном ходили куда-нибудь, клеили женщин. Но к следующему утру Брейкер исчезал от них. За все годы, что я его знал, я был почти уверен, что никогда не видел его с женщиной при дневном свете.

Часть меня действительно жалела, что я не мог быть рядом, чтобы посмотреть, как он переживает этот первый опыт.

Но нет, я был в подвале. С дерьмовой компанией. С баром и телевизором поблизости. Но при этом в холодной, сырой, без окон комнате, отделанной кафелем, с ванной и складным стулом.

Если и было что-то, чему я научился, что принимал как должное большую часть своей жизни, так это кровати. Хороший, толстый, твердый матрас. Желательно с милой, пышной, сладкой женщиной рядом со мной.

Но я отвлекся.

Я знал, что происходит дерьмо из-за того, что говорили Вялый Член Рик и новенький Крис. О каком-то болване по имени Гленн, которого замочили. Потом о каком-то мудаке по имени Джошуа, который проследил утечку информации в системе безопасности Лекса до Алекса.

Да. Их маленький медовый месяц быстро подходил к концу.

Я также знал, что это означало, что мое время на земле подходит к концу.

Такие люди, как Вялый Член Рик и Крис, возможно, были идиотами, но они знали, что лучше не говорить о делах в присутствии постороннего, если они планировали оставить его в живых. У меня никогда не было такого шанса.

Я пытался действовать по ходу дела. Посмотрим, к чему приведут мои решения.

Выбор был прост: попробовать вырваться и, возможно, подвергнуть опасности единственного человека в мире, которому было на меня не наплевать, или принять мою смерть как мужчина и надеяться, что Брейкер приложит достаточно усилий, чтобы забрать свою цыпочку и исчезнуть.

Проблема была в том, что не было никакого способа угадать, как прошла та ночь.

Ранее я разозлил Вялого Члена Рика возможно, просто потому, что я так его называл, но также, возможно, потому, что я мог или не мог сказать ему, что он был доказательством того, что эволюция работает в обратном направлении. В свою защиту я подумал, что он был слишком глуп, чтобы понять оскорбление, но в любом случае... Я его разозлил. Он немного избил меня. Потом он повел меня в кабинет Лекса по неизвестным мне причинам, через

время меня потащили обратно вниз, чтобы обнаружить, что кто-то еще был заперт в ванной.

Именно тогда я начал по-настоящему беспокоиться.

Одно дело было знать, что моя жизнь почти закончилась.

Такова была моя жизнь. Каждый раз, когда я брался за новую работу, встречался с новым клиентом, наводил пистолет, нажимал на спусковой курок... всегда был шанс, что я не вернусь.

Но мысль о том, что из-за меня может пострадать кто-то другой? Да, это дерьмо не было нормальным.

Я старался, как и Брейкер, свести свои контакты к минимуму. Чтобы исключить возможность сопутствующего ущерба в качестве небольшого риска. Как бы то ни было, я не был похож на Брейка. У меня появилось несколько друзей. Я навещал некоторых женщин больше, чем несколько раз. Были люди, которым кто-то мог причинить боль, чтобы добраться до меня.

У меня было дурное предчувствие, что кто-то из этих людей был в той ванной.

Затем перемотайте вперед, к встрече с Брейком. Без Алекс. Похоже, никаких планов по появлению Алекс не было. Похоже, он не спал несколько дней.

Мне не потребовалось много времени, чтобы догадаться, что она ушла.

И что это не он заставил ее уйти.

В ту секунду, когда тот парень вошел в ванную и втащил брыкающуюся, дерущуюся, плюющуюся безумную Алекс... да, черт возьми. Я не думаю, что у меня есть слова, чтобы описать выражение, которое появилось на лице Брейка.

Просто полное... опустошение. Безнадежность.

За этим быстро последовала решимость.

Он собирался вытащить ее, несмотря ни на что.

А потом появился этот хакер Джош и выложил мне всю кровавую картину того, что произошло с тех пор, как меня схватили.

Краем глаза я увидел, как Брейкер сделал свой ход. Я развернулся, с силой врезавшись в ничего не подозревающего Рика, решив, что пришло время и мне нанести свой удар.

Но почти сразу же, как это началось, меня схватил еще более разозленный Рик (это стоило того, чтобы у него был разбит нос), и меня оттащили. По крайней мере, сначала он получил небольшой урон.

Потом мне не удалось увидеть остальное.

У меня в животе образовалась яма, когда меня протащили через подвал, вверх по лестнице, на кухню, а затем через черный ход. Не из-за моей собственной судьбы. Я смирился с этим в тот момент, когда вышел из кофейни с мешком на голове и ожогами от пролитого кофе на руке. Еще до того, как я понял, кто меня похитил. В ту секунду моя судьба была решена.

Но что было неясно, так это то, что должно было произойти в подвале между Лексом, Брейкером и Алекс.

Я знал Лекса. Я знал, какое извращенное дерьмо он творил. Особенно с женщинами. И я знал, насколько больше он получил бы от этого, если бы мог заставить мужчину, который любил эту женщину, смотреть.

Это было все, о чем я мог думать, когда меня привели в белый деревянный сарай, расположенный среди деревьев довольно далеко от главного дома, окна были затемнены изнутри, дверь с множеством замков и решетки.

— Наконец-то я смогу немного повеселиться с тобой, — сказал Вялый Член Рик, открывая дверь и запихивая меня внутрь, — хватит с меня этого дерьма с сарказмом, — сообщил он мне, захлопывая за собой дверь и потянувшись к кнопке на лампе, свисающей с потолка.

Внутри было не так уж много. Бетонный пол и укрепленные стены. Стул с цепями. Три ведра по пять галлонов в углу. Это больше походило на то, что его использовали для садоводства, чем для пыток.

— Что? Тебе не понравилось наше совместное времяпрепровождение? — спросил я, прижимая руку к груди, — это больно, Рик. Я думал, у нас с тобой действительно было что-то особенное.

— На колени, — прорычал он, двигаясь в маленькое пространство.

— Что это с вами, ребята, и этим дерьмом про колени? Так вот почему вы все такие ворчливые? Тебе нравится члены? Ты знаешь... сейчас двадцать первый век. Даже большие плохие преступники могут быть геями, Рик. Если тебе нужен член, чтобы почувствовать себя мужчиной...

Я не успел закончить фразу.

Главным образом потому, что его кулак оказался у моего лица.

Может быть, я собирался умереть. Но к черту, если я сделаю это как сопливая киска. Кроме того, увидев выражение крайнего унижения на его лице, да, это стоило дополнительной гребаной боли.

И мне нужна была хорошая драка. Нужна. Я позволял этим пидорам (может быть, в буквальном смысле пидорам) брать надо мной верх в течение нескольких дней. Пришло время выбить их из игры.

Потому что они думали, что я не смогу за себя постоять.

Но, боже, Рика ждал неприятный сюрприз.

Я получил три удара в лицо и два в грудь, прежде чем использовал против него свою ловкость, ускользнул, а затем вернулся, замахнувшись. Сильный апперкот в челюсть усадил его на задницу прежде, чем он закончил ругаться. Что дало мне как раз достаточно времени, чтобы залезть в ботинок (где идиотам и в голову не пришло искать оружие) и вытащить нож.

Я не был любителем ножей.

Моим любимым оружием всегда будет пистолет. Это было обезличенно. Прицел и спусковой крючок. Цель, к крови которой тебе никогда не приходилось прикасаться или нюхать.

Но это не означало, что я не знал, как им пользоваться.

Спасибо Брейкеру, который был немного более... практикующимся в его формах наказания или правосудия.

Я замахнулся и вонзил лезвие в бедро Рика, жестоко повернув нож, поморщившись от звука его крика (меня не возбуждала боль. Это никогда не было моим пристрастием. Это была работа. Или в целях самообороны. Больше ничего), когда снаружи послышался такой звук, будто взрыв.

Я посмотрел на Рика и обнаружил на его лице такой же шок. Так что, что бы ни происходило, это не было частью какого-то более грандиозного плана Лекса.

Блядь.

Нехорошо.

Я боролся между идеей убить его и убираться отсюда к чертовой матери, пока не

случилось что-нибудь еще более безумное.

— Каждый сам за себя, — сказал я Рику, поднимаясь на ноги. Он кивнул, и я протянул ему руку. Которую он взял и встал на ноги, выдернул лезвие из ноги и двинулся к окну, разбив его в углу, чтобы выглянуть наружу.

— Какого хрена?

Это был намек для меня. Я сорвал замки с двери и вылетел в полный гребаный хаос.

Я не ошибся насчет того, что это звучало так, будто взрыв. Это точно должны были быть взрывы. Бомбы или что-то в этом роде, потому что по всей территории был огонь.

Люди были повсюду, они бежали, выглядели потрясенными и не знали, что делать.

Я не думал. Я даже не притворился, что у меня были какие-то планы сбежать. Я сделал рывок к дому.

Брейк и Алекс все еще были внутри.

Мне нужно было забрать их, а затем убраться отсюда к черту, пока кто-нибудь не получил хоть какой-то контроль над охранниками и не заставил их тащить нас обратно.

Я пролетел через поле, толкнув в плечо одного из парней Лекса, когда я обогнул дом, направляясь к заднему входу, который вел на кухню.

Я как раз потянулся к ручке, когда двери распахнулись изнутри, заставив меня потерять равновесие и упасть навзничь на задницу. Достаточно сильно, чтобы выбить из меня дух.

Потом я поднял глаза и увидел Брейкера. И Алекса.

— Они еще не убили тебя? — спросил он, странно улыбнувшись мне и протянув руку, чтобы поднять меня на ноги.

— Как тебе удалось выбраться? — спросил я, следуя за Брейкером, направляясь к углу дома, выглядывая из-за него.

— У Лекса есть убежище для такого рода вещей, — ответила Алекс на молчаливый вопрос Брейкера.

— Хэй, милая. Ты в порядке? — спросил я, схватив ее мизинец своим.

— Ага. Все пошло наперекосяк, прежде чем Лекс смог по-настоящему ускользнуть.

В ее словах была странная резкость, которая заставляла их звучать неправдой, но не мне было настаивать.

— Ладно, пошли, — сказал Брейкер, оглядываясь назад, — направляйся к линии деревьев и иди по ней к переднему забору. Мой грузовик все еще припаркован за воротами, — сказал он, залезая в карман и доставая ключ.

Секунду спустя мизинец Алекс был вырван из моего, когда Брейкер схватил ее за руку и потащил за собой, ее тело было закрыто от происходящего его телом. Я последовал за ней, точно так же блокируя ее сзади и действительно жалея, что не нашел минутку, чтобы где-нибудь найти пистолет.

Но потом мы оказались у главных ворот, передвигая ноги быстрее, когда нас стало видно.

Брейкер щелкнул замками грузовика, когда мы повернули к нему.

— Залезай, — сказал Брейкер, обходя капот, затем остановился, наклонив голову к Алексу, которая застыла на месте, — куколка, залезай в гребаный грузовик.

Но Алекс не обращала на это внимания.

Ее взгляд был прикован как раз к пустой будке охраны, где, когда я прищурился в темноту, я увидел движущуюся тень.

— Брейк, — предупредил я, когда темная фигура незнакомца приблизилась. Кем бы он

ни был, весь он был в черном. Не высокий. Худой. На нем был капюшон, такой большой, что закрывал его лицо.

— Кто ты, черт возьми... — начал Брейкер, двигаясь к фигуре.

Но каким-то образом Алекс внезапно оказалась рядом с ним, схватив его за руку. — Остановись, — сказала она тихим, но твердым голосом, глядя на фигуру.

А затем рука выскользнула из одного из длинных темных рукавов, двинулась вверх и стянула капюшон с ее головы.

Да, ее.

И она была чертовски сногсшибательна. Не в моем вкусе. Но, несмотря ни на что. Маленькая. Но свирепая. Нежное лицо, длинные прямые черные волосы, темные брови, большие голубые глаза и что-то похожее на татуировки, змеящиеся по шее сбоку.

— Черт возьми... — сказал Брейкер, что-то похожее на узнавание проскользнуло в его голосе, хотя ее лицо было для меня новым.

— Вам, ребята, нужно убираться. Сейчас же, — сказала она, залезая в карман и вытаскивая маленький пульт дистанционного управления.

Алекс остановилась, протянув руку, как будто хотела взять женщину за руку, хотя они были далеко друг от друга. — Спасибо, — с чувством сказала она, затем подбежала к своей стороне машины и бросилась на пассажирское сиденье.

Я подмигнул девушке, забираясь на крошечное заднее сиденье грузовика, наблюдая в окно, как она медленно двигается по подъездной дорожке, удаляясь от дома. Она с минуту смотрела нам вслед, пока мы отъезжали, прежде чем выехать на середину улицы, повернулась к дому и подняла руку с пультом дистанционного управления.

— Откуда ты, блядь, знаешь Джейни из Хейлшорма? — спросил Брейкер в ту самую секунду, когда взрыв заставил грузовик трястись, у нас заложило уши, а дом Лекса блядь... взорвался.

Глава 21

Алекс

В конце концов трюк со стеклянной бутылкой сработал. Я просто не была готова к проявлению силы. Я почти ожидала, что Боб придет посреди ночи возбужденный с горстью наркотиков для изнасилования на свидание. Я была готова к этому. У меня был пистолет Брейкера, лежащий рядом с моей рукой на поверхности стола, а также телефон Джейшорма. Прямо перед тем, как задремать, я нашла в кармане одноразовый телефон Брейкера, долго-долго смотрела на него, борясь с желанием включить и позвонить ему. Затем, вытирая рукой щеки, чтобы стереть слезы, я вынула сим-карту и колотила по ней и по самому телефону прикладом пистолета, пока не осталось никакого искушения.

Потом я легла спать.

Приготовившись к приходу Жуткого Боба.

Однако я не была готова услышать, как бутылка упадет и расколется вместе с другими бутылками всего за несколько секунд... секунд до того, как трое огромных мужчин ворвутся в комнату, сдернув меня со стула, прежде чем моя рука смогла дотянуться до пистолета.

И вот так Лекс снова наложил на меня свои скользкие лапы.

Меня потащили к машине, одной рукой, как тисками, обхватив мою грудь, другой сильно прижимая ко рту, затем затащили на заднее сиденье и на колени к мужчине, который держал меня. Человек, которому было легко это сделать. Так что я не сопротивлялась.

Потом мы поехали.

После этого меня тащили по подъездной дорожке в нелепое поместье Лекса. Меня протащили через кухню, вниз по лестнице, в подвал, затем в недостроенную часть подвала. В рот мне сунули кляп. Мои руки сковали за спиной слишком тугими наручниками, которые впиваясь в кожу.

А потом меня оставили в той ванной. На большую часть дня.

Только для того, чтобы потом снять с меня наручники, и убрать кляп, чтобы увидеть Шотера, сидящего на стуле, выглядящего так, словно он был там некоторое время, и я почувствовала вспышку осознания того, что он был там все это время. Если бы только я добралась до двери. Привлекла его внимание...

Но для этого было уже слишком поздно.

И Брейкер был тут.

Хорошо. Так что, может быть, я и сказала себе, что беру свои чувства к нему и кладу их глубоко в сундук, чтобы никогда не открывать. Но все, что потребовалось — это один взгляд на него, и грудь распахнулась, и все чувства выскользнули наружу, неистовые, разрывающие и болезненные.

Затем его слова больно ударили меня по лицу, как пощечина.

Он собирался оставить меня тут. Я была почти уверена, что немного влюблена в этого мужчину, и он собирался... оставить меня другому мужчине, которого я ненавидела больше всего на свете. Человеку, который полностью разрушил мою жизнь во многих отношениях.

Я делила свое тело с Брейкером. Я обнажила свою душу.

И он собирался повернуться ко мне спиной?

Но потом в комнату вошел Джошуа, и шок сменился предательством.

Джошуа Кайдисен. Гленн знал его еще тогда, когда они были подростками, игравшими в видеоигры и рыскавшими по Интернету в поисках грязных картинок. В те времена, когда Джошуа не был таким красивым, каким оказался. Однажды Гленн показал мне фотографии этих двоих. Гленн пухлый, как ребенок, в очках, уменьшенная версия его взрослого «я». Но Джошуа был сущим гадким утенком. Он был худым до измождения, всё, руки и ноги, что делало его больше похожим на скелет, чем на человека из плоти и крови. Его кожа была изуродована прыщами, поэтому в течение многих лет он носил прозвище «прыщавый». И из того, что сказал Гленн, он был неуклюжим и несуразным с небольшим дефектом речи, что делало его болезненно неуверенным.

Видите, он был из тех парней, которых вы должны были жалеть.

И я делала это.

Пока я не встретила взрослого Джошуа.

Потому что взрослый Джошуа наконец-то вырос. Его худоба превратилась в гибкое тело пловца, которое он хорошо одевал. Его кожу намазали кремами, а затем обработали лазером, чтобы выровнять ее. Он обратился к профессиональному логопеду, который устранил его проблемы и научил его совершенной ораторской речи.

Все самое лучшее.

За исключением того, что с этими вещами пришел самый высокомерный, невыносимый, придурок-бабник, с которым я когда-либо пересекалась. Что, учитывая мою работу, связанную с мошенническими ублюдками, действительно о чем-то говорило.

Он также был одним из лучших хакеров на восточном побережье. Лучше, чем я и Гленн, конечно. Тот факт, что он постоянно тыкал меня носом. Сначала я подумала, что это просто

потому, что он пытался подтолкнуть меня к тому, чтобы я узнала больше. Но, в конце концов, он был просто придурком.

Это действительно не должно было быть таким большим шоком, что он связался с такими, как Лекс.

А потом он, блядь, сдал меня. Что было просто... против всего, во что верили хакеры. Во что верили мы. Всегда. Мы прикрывали друг друга. Всегда.

Крысиный ублюдок.

Я выплеснула на него свою ярость, наслаждаясь страхом, отразившимся на его лице, когда он понял, как здорово его поймали. Без всякой причины. Просто его собственное тщеславие, мысль, что он мог тусоваться с большими мальчиками. Но, в конце концов, они просто напомнили ему о неуклюжем, заикающемся ничтожестве, которым он всегда был.

Потом началась драка.

А потом комната опустела.

Кроме меня. Лекса. Брейкера. И Грега.

Затем я оказалась в эпицентре гнева Лекса. Так же, как была моя мать в течение стольких лет. Чувствуя, как его кулаки врезаются мне в лицо, превращая мое зрение в маленькие белые взрывы.

Я пробовала на вкус и сплевывала собственную кровь, когда он поставил меня на четвереньки. И времени не осталось. Не осталось времени, чтобы добраться до моего ботинка. Чтобы достать героин. Чтобы употребить его и получить передозировку, прежде чем он прикоснется ко мне.

Все было кончено.

Я проиграла.

И я собиралась заплатить за это.

Я посмотрела на Брейкера на секунду, мое сердце пульсировало в моих глазах, прежде чем я закрыла их и опустила голову, чувствуя, как руки Лекса тянутся к моим штанам, его кончики пальцев скользят по моей заднице так, что у меня пробежали мурашки по коже. Тошнота подступила к моему горлу, когда я услышала, как его молния скользнула вниз.

Одно дело — заниматься добровольным, но ужасным сексом. Я смирилась с этим с двумя разными мужчинами.

Это было совсем другое — чувствовать, что у тебя отняли секс... Да, для такого ужаса не было слов.

Но тут вмешался Брейкер.

Говоривший дерьмо, которое он не имел права говорить.

Хотя, в конце концов, это спасло меня.

Я была в нескольких секундах от того, чтобы почувствовать, как тело Лекса врежется в меня. И я знала достаточно из полицейских отчетов, как ужасно он сделает это со мной.

Потом Лекс отошел от меня. И мир вокруг взорвался.

Брейкер бросился на Грега.

И я сунула руку в ботинок и налетела на Лекса.

За мою маму. И Гленна. И каждую женщину, чье изуродованное, покалеченное тело я видела. А также за меня. За то, что он уже отнял у меня. За то, что он как раз собирался забрать у меня, прежде чем его остановили.

Я никогда особо не задумывалась о том, была ли я жестоким человеком или нет. В общем, я была в безопасности за экраном своего компьютера. Я никогда не участвовала в

драках. Я никогда никому не причиняла вреда.

Но моя рука взлетела, и кончик ножа вонзился с такой силой в Лекса, что мой желудок провалился.

Вой, который он издал, послал ударную волну по моему организму, и я вытащила нож обратно, замирая, не в силах ничего сделать, кроме как бороться с желчью, которая поднималась в моем горле.

Я наблюдала, как кричащий, истекающий кровью Лекс получил правый хук в лицо и упал без сознания на землю.

Потом появился Брейкер, он кричал на меня, тащил меня к лестнице.

Мы едва успели добраться до части подвала с баром, когда ворвался избитый Грег с Лексом, висящим на нем в полубессознательном состоянии, подошел к бару и открыл дверь в маленькую белую комнату бункера.

Я чуть не рассмеялась, когда Брейкер потащил меня вверх по лестнице на кухню.

Я почти ожидала, что начнется какая-то война. Но все, что там было — это беспорядочный хаос. Все, с кем мы сталкивались, смотрели сквозь нас, как будто нас там даже не было. Поэтому мы просто продолжали двигаться, Брейкер толкнул дверь наружу, и мы сбили с ног все еще живого, дышащего, смеющегося Шотера.

Я почувствовала волну облегчения, которая заставила весь мой воздух со свистом вылететь из моего организма при виде его. Я едва его знала. Буквально обменялась с этим человеком всего несколькими словами. Но он был хорошим. Он был готов пожертвовать собой ради меня. Он предложил мне свой мизинец для поддержки. И они с Брейкером любили друг друга как братья. Для меня этого было достаточно.

Я была так счастлива видеть его живым, что почувствовала, как слезы защипали мне глаза.

Но потом мы снова побежали, наблюдая, как собственность Лекса начинает вспыхивать дикими пожарами из-за того, что, черт возьми, повсюду была заложена взрывчатка.

Мы как раз добрались до грузовика, когда я увидела Джейштурм.

Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, это она.

Я знала.

Под капюшоном мог быть кто угодно.

Но я знала.

Я была ошарашена, когда под капюшоном оказалась женщина, которая, должно быть, была моложе меня. Или, по крайней мере, у нее было одно из тех лиц, вечно молодых. Милых. Нежных. За исключением того, что она сильно накрашила глаза, губы были красными, а татуировки яркими и красочными выделялись на ее бледной коже.

Мы сели в машину и уехали, я наблюдала за Джейштурм в зеркало заднего вида.

— Черт, — прорычал Брейкер, когда мы все инстинктивно пригнулись, когда раздался взрыв, несмотря на то, что мы находились в закрытой машине. Земля под грузовиком, казалось, долго дрожала, даже когда мы продолжали отъезжать.

Джейштурм повернула голову в сторону нашей удаляющейся машины, и, хотя мы были слишком далеко, чтобы видеть, я была уверена, что она ухмыльнулась.

Я поймала себя на том, что улыбаюсь в ответ, когда мы скрылись из виду.

Моей миссией в жизни было уничтожить Лекса Кита.

В том, что женщина, наконец, совершила этот поступок, была своего рода поэтическая справедливость.

Может быть, все вышло не так, как я планировала — отдав информацию про него кому-то, кто прикончил его по своим личным причинам.

Так было даже лучше.

Две женщины, которые не знали друг друга, сговорились, в конце концов, разнести его мир на куски.

Я боролась со смехом и проиграла, закрыв глаза рукой и позволив странному истерическому звуку прокатиться по мне.

— Куколка, — позвал Брейкер, заставив меня повернуть голову и посмотреть на него.

— Да?

— Откуда, черт возьми, ты знаешь Джейни?

— Джейни? — спросила я, сдвинув брови. Это было слишком... простое имя для кого-то такого крутого, какой она, очевидно, была.

— Джейни. Из Хейлшорма.

— Хейлшорма? — спросила я, опустив лицо. Хейлшорм. Лагерь выживальщиков, полный бывших военных, которые выполняли всевозможные работы — похищения, побег, корпоративный шпионаж. Как ни назови, они занимались всем этим. И они были хороши в этом. Как... действительно хороши. Они также, как и МК Приспешники и семья Маллик, не были в карманах Лекса.

— Да, куколка. Это была Джейни... любимица Ло, — сказал он, заставляя образ Ло всплыть в моей голове. Фальшивый образ, потому что... никто не знал, как на самом деле выглядит Ло. Я представила его большим и злым, со шрамом на брови. Не спрашивайте меня почему. Вот как я представляла его.

Я сглотнула. — Это была Джейшорм, Брейкер, — сказала я ему, и мой разум прояснился. Джейшорм. Джейни из Хейлшорма. Черт возьми. Участвовал ли Хейлшорм в моей миссии по уничтожению Лекса? В этом был какой-то смысл. Иногда они делали что-то подобное. Просто для общего блага. И они были известны тем, что использовали бомбы. Я думаю, что все бывшие военные в их рядах умели их делать.

— Кстати, о Хейлшорме, — раздался голос Шотера, когда он наклонился между моим и сидением Брейкера, вытянув руку, указывая на лобовое стекло и вверх по холму.

Там, где дымился Хейлшорм.

— Какого хрена? — сказал Брейкер, сжимая челюсти.

— Дерьмо, — сказал Шотер, но в слове проскользнул акцент, растягивая его, заставляя его звучать как «дерьмооо». Это звучало по-южному. Я слегка повернула голову, глядя на его профиль, задаваясь вопросом о нем, желая узнать его историю, — во что мы здесь вляпались? — спросил он, качая головой.

— Черт возьми, если бы я знал, — сказал Брейкер, качая головой, — но мы не собираемся торчать здесь, чтобы выяснить это. Мы заедем ко мне домой, возьмем немного наличных и припасов и уберемся отсюда к чертовой матери, — сказал он властным тоном, и я почувствовала знакомый укол желания в глубине души. Властный Брейкер. Не было ничего лучше.

— Заскочи и ко мне, — сказал Шотер, пожимая плечами, когда Брейкер послал ему вопросительный взгляд, — я был в этой одежде целую неделю, чувак. Нужно прихватить немного вещей, если мы сваливаем.

— Хорошо, — сказал Брейкер сквозь стиснутые зубы.

— О, мы можем остановиться в мотеле, в котором я остановилась? — спросила я,

переводя взгляд с одного на другого, когда оба смотрели на меня как на сумасшедшую, — что? Ты можешь заехать за наличными и «припасами», что бы это ни было. И он может заехать за одеждой? Я не могу остановиться и забрать свой ноутбук? Он обошелся мне в четыре тысячи долларов, Брейкер. Четыре тысячи. Кроме того, я бы хотела, чтобы ты до чертиков напугал того придурка, который управляет этим местом, — добавила я, кивнув головой.

Глаза Брейкера скосились на мои, светло-голубые, смотрели сердито. — Того придурка?

— Жуткий Боб, — сказала я, кивнув, — я была почти уверена, что, если бы ребята Лекса не вломились и не украли меня, он бы воспользовался своим запасным ключом, чтобы войти и накачать меня. Он был отвратителен.

— Ну, теперь мы устроим себе вечеринку, — сказал Шотер, подмигивая мне с огромной белозубой улыбкой, от которой мой живот сделал странный маленький кувырок. Я могла бы сказать, что он опасен, если бы я уже не была слишком очарована его лучшим другом.

Это вызвало ворчание очень нетерпеливого Брейкера. Он остановил грузовик за углом заброшенного склада, на котором он первоначально держал меня, и мы все трое бросились в тату-салон, где нас встретил огромный (то есть даже немного больше, чем Брейкер) абсолютно великолепный парень, покрытый черно-серыми татуировками. Я мимолетно задумалась, всем ли горячим парням это просто нравится... сбегать вместе. Потому что, на самом деле, находиться между ними тремя... черт возьми.

— Так это она, — сказал Пейн, схватив Шотера сзади за шею и притянув его к себе, на его лице отразилось облегчение, — ты стоишь всех этих неприятностей? — спросил он, но его тон был дразнящим.

— Вовсе нет, — сказала я, улыбнувшись ему, — но теперь они застряли со мной.

Он одарил меня улыбкой, от которой у меня по спине побежали мурашки. — Вы, ребята, причастны ко всем взрывам?

— Всем? — повторили мы трое одновременно, заставив брови Пейна поползти вверх.

— Да. Лекс, Хейлшторм, лагерь Приспешников, даже Чаз, — сказал он, назвав баф семьи Маллик.

Шотер и Брейкер обменялись взглядами. — Не знаю, что, черт возьми, здесь происходит, — честно признался Брейкер. Потому что, хотя мы и знали о роли Джейни в том, что дом Лекса превратился в дым... остальное... да, в этом не было никакого смысла. — Но мы должны исчезнуть до того, как люди начнут задавать вопросы.

Пейн кивнул. — Будешь на связи?

— Да. Мы захотим узнать всю подноготную, когда информация начнет просачиваться на улицы, — сказал Брейкер, — не спрашивай ни о чем и не вызывай подозрений, но держи уши открытыми для нас. Я позвоню тебе с нового номера, как только мы куда-нибудь доберемся.

— Звучит неплохо, — кивнул Пейн, сжимая руку на плече Брейкера в знак мужской поддержки, — берегите себя.

Сорок минут спустя мы припарковались у Брейкера. И мы все направились внутрь. Я хотела переодеться, Брейкер хотел собрать припасы, а Шотер хотел выпить.

Итак, собрав вещи, мы поехали в мотель. Я забрала свои вещи из комнаты, так как ключ все еще был при мне. И я вышла, чтобы увидеть, как Брейкер и Шотер до смерти пугают Жуткого Боба. И я имею в виду это буквально. Он обмочился. Что, возможно, было забавно,

но дело в том, что я просто наблюдала, как они все были крутыми и страшными... и... я тоже была близка к тому, чтобы обмочиться.

Это не шутка.

Они были ужасающими.

— Хорошо, — сказал Брейкер, кивнув мне головой, — пойдём.

В машине долгое время стояла мертвая тишина, каждый из нас смотрел в окно, погруженный в собственные мысли.

Наконец, примерно через час езды, когда самая темная часть ночи уже была почти позади, я слегка повернулась на своем сиденье, так что оказалась полностью лицом к Брейкеру, и спросила его об одной вещи, которая не давала мне покоя с тех пор, как он это сказал.

— Почему ты сказал Лексу, что я его дочь?

Я почувствовала, как лицо Шотера повернулось ко мне, но проигнорировала его.

— Куколка... — сказал Брейкер, его тон подразумевал, что я спрашиваю что-то глупое.

— Нет. Серьезно. Я хочу знать.

— Во-первых, ты сама рассказала мне, через что прошла твоя мама от рук Лекса. Как она наконец-то сбежала, чтобы растить тебя. Как она боялась, что кто-то наложит на тебя свои лапы. Как она покончила с собой, когда снова увидела Лекса, чтобы защитить вас обоих. И, я имею в виду... вы похожи. И...

— И что? — подсказала я, чувствуя, как бешено колотится мое сердце.

— И ваши имена, куколка. Его зовут Лекс. Тебя зовут Алекс.

Святое. Дерьмо.

Я никогда... Иисус Христос... Я никогда даже не думала об этом раньше. Это было странно. Но все же...

— Он не мой отец, Брейкер, — тихо сказала я.

На это его голова полностью повернулась ко мне, его светлые глаза впились в меня, посылая мурашки по моей спине. Но, ну, в хорошем смысле этого слова. Такого рода, что мне захотелось сказать ему, чтобы он развернулся, чтобы мы могли оплатить почасовой номер в мотеле «поспи и трахнись».

— Что?

— Он не мой отец.

— Ты не можешь этого знать, — настаивал он, едва взглянув на дорогу, наблюдая за мной.

— Я знаю. Я знаю это, — настаивала я, — помнишь, я сказала, что моя мама в ту ночь поехала в больницу и встретила детектива, который помог ей сбежать?

— Да.

— Ну, я имею в виду... Я так и не получила подтверждения, потому что это была щекотливая тема для моей мамы, — сказала я, вспоминая о том времени, когда мне было семь, и я спросила о своем отце, потому что все остальные говорили о своих, а у меня его не было, и мне было любопытно. Она плакала всю ночь, спрашивая, почему мне ее недостаточно. Я чувствовала себя такой виноватой, что больше никогда не спрашивала. Но когда я стала старше, я начала кое-что замечать. — Он никогда не переставал приходить. Когда я росла, он всегда заходил ко мне. Иногда приносил продукты, потому что знал, что мама переживает не лучшие времена. Иногда он просто приходил на ужин. Однажды он заскочил ко мне рождественским утром. Он принес мне розового плюшевого поросенка.

Затем он ушел. Странные вещи вроде этого. Вещи, которые ничего не значили для меня, когда я была маленькой, но, когда я стала старше... это начало обретать смысл. Я была похожа на него, Брейкер. Только не на Лекса. У меня такие же волосы, как у него. Его длинные ноги. Его мочки ушей. И, я имею в виду... его детективный драйв, — сказала я с легкой, интимной улыбкой.

Я не часто думала о нем. Он был смутным детским воспоминанием, которое заставляло меня грустить, если я действительно обдумывала это.

— Почему ты никогда не спрашивала его, милая? — спросил Шотер мягким голосом, звучащим так, словно он искренне хотел знать.

Я почувствовала, что пожимаю плечами. — Он всегда смотрел на меня так, как будто ему было больно это делать, — сказала я, съежившись при воспоминании, — а потом, когда мне было десять... он исчез.

— Ушел? — переспросил Шотер.

— Мама не сказала бы мне. Она просто сказала, что он ушел. Когда я была немного старше, я посмотрела про него в компьютерном классе. Он умер. Сердечный приступ. В его некрологе говорилось, что у него остались жена и двое сыновей.

— Ох, милая, — сказал Шот, положив свою руку на мою.

— Ничего страшного, — сказала я, качая головой. — Но ты... ты действительно думал, что Лекс был моим отцом? Почему ты ничего не сказал об этом раньше?

— Не похоже, что ты хотела бы говорить на эту тему, — пожал плечами Брейкер, — но как ты объяснишь эту штуку с именем, куколка? — настаивал он.

— Честно? Я не знаю. Мама была такой странной. Возможно, она думала, что это придаст... сил? Использовать что-то уродливое и сделать из этого что-то...

— Прекрасное, — продолжил Брейкер, и я почувствовала, как это слово осело у меня в животе.

— Наверное, — сказала я, наклоняя голову, чтобы скрыть жар, который я чувствовала на своих щеках.

— Эй, почему бы нам... не закончить на этом? — вмешался Шотер, откидываясь на спинку сидения, — уже поздно. У нас у всех была дерьмовая неделя. Мы сейчас достаточно далеко от города, чтобы не вызвать подозрений. До тех пор, пока никто не увидит ее лицо, — сказал он, слегка поморщившись, когда посмотрел на меня.

— Все настолько плохо?

— Ты все еще великолепна, — сказал он, улыбаясь мне.

— Все настолько плохо, — сказала я с кривой улыбкой, качая головой. Я все еще была слишком взвинчена, чтобы по-настоящему это почувствовать. Все было так безумно в течение такого долгого времени. Я не была уверена, что приду в себя, пока немного не посплю.

Минут через двадцать или около того Брейкер подъехал на грузовике к небольшому мотелю, который выглядел не так жутко, как мотель Жуткого Боба. Брейкер выскочил из грузовика и направился в офис с пачкой наличных, которые он достал из сейфа в своем доме.

Я изо всех сил старалась не таращиться на огромную кучу денег, которыми, казалось, обладали эти двое. Наличными. Я знала, что их работа хорошо оплачивается. И Шотер и Брейкер, по-видимому, были хорошо известны в своих кругах. Но все же.

Это было безумие.

Но опять же, в большинстве дней у меня едва хватало двух пятицентовиков, чтобы потереть друг о друга.

— Хорошо, — сказал Брейкер, открывая мою дверь, — у них была только одна комната с двумя кроватями, — сказал он с сожалением.

Я пожала плечами, выпрыгивая, чтобы помочь ему вытащить сумки из кузова грузовика. Шотер присоединился к нам и последовал за нами, когда мы вошли в комнату.

И внутри было на порядок лучше, чем у Жуткого Боба. На самом деле, номер выглядел недавно отремонтированным. Свежая бледно-сине-серая краска на стенах, темно-синие, все еще плюшевые одеяла на кроватях, плоский экран, белые занавески, новая плитка в ванной, незапятнанные ковры.

Я сделала глубокий вдох, слегка улыбнувшись. — Мне не придется спать, сидя здесь, — сказала я вслух.

— Что? — спросил Брейкер, наблюдая, как я иду в ванную.

Я включила свет, поморщившись при виде своего отражения. У меня появился синяк под глазом, засохшая кровь вокруг ноздрей и в трещинах разбитой губы. Я включила теплую воду, обмакнула мочалку и осторожно вытерла кровь. — Ты видел мотель Боба. Я ни за что не легла бы на одну из этих кроватей, — сказала я своему отражению.

Я прополоскала мочалку и оставила ее на стойке, прежде чем вернуться в спальню, чтобы увидеть, что телевизор уже включен, а сумки сложены в самом дальнем от двери углу.

Шотер одарил меня легкой улыбкой, поджав губы, прежде чем повернуться к Брейкеру. — Ключи, — сказал он, протягивая руку.

Брейкер полез в карман, достал ключи и бросил их в Шота.

Шотер схватил их, затем подошел ко мне и провел рукой по моей челюсти, а затем коснулся кончика моего носа. — Я вернусь через пару часов, — сказал он, затем подошел к двери и исчез.

— Куда он направился? — спросила я, глядя на Брейкера.

— Погулять на некоторое время, — сказал он, пожимая плечами.

— Но... почему? Это была его идея...

— Иди сюда, — сказал Брейкер.

— Это действительно не очень хорошая идея для него быть на виду, когда мы просто...

— Алекс, куколка, иди сюда, — позвал голос Брейкера, одновременно мягкий и требовательный, заставив мой живот перевернуться. Поэтому я пошла к нему. Он протянул руки и обхватил мое лицо, а большим пальцем коснулся моих губ.

— Ох, — сказала я, слегка улыбнувшись, когда поняла план Шота.

— Да, — улыбнулся в ответ Брейкер, — ох.

Глава 22

Брейкер

Я старался не отрывать глаз от дороги, пока вел машину. Потому что всякий раз, когда я смотрел на ее лицо и видел ущерб, нанесенный Лексом, я был в равной степени взбешен и хотел вернуться к Лексу, вытащить его из этого убежища (если он все еще был жив) и оторвать все его конечности, или также остановить машину, обнять Алекс и сказать ей, что я никогда не позволю никому снова поднять на нее руку.

Не в силах сделать ни того, ни другого, я просто смотрел вперед и продолжал ехать.

Но мы были в номере мотеля. Шота больше не было. Я держал ее избитое и

окровавленное лицо в своих руках. И я больше не хотел с этим бороться.

Я опустил руки с ее лица по плечам, вниз по бокам и вокруг спины, нежно притягивая ее к своей груди, когда то, что я действительно хотел сделать, это обнять ее там. Но она сделала несколько подергиваний телом, и при ходьбе она морщилась. Ушиб ребер. Мне нужно было быть с ней аккуратнее.

Она повернула голову и уткнулась лицом в мою шею, подняла руки и обняла меня за плечи.

— Я не имел это в виду, — сказал я, зарываясь губами в ее волосы.

— Не имел в виду что?

— Все это дерьмо. О том, что Лекс заберет тебя, и это просто работа, и...

— Ш-ш-ш, — сказала она, качая головой. Затем ее лицо слегка наклонилось, и я почувствовал, как ее губы прижались поцелуем к пульсирующей точке на моей шее, — я знаю.

Я слегка сжал ее, и она не напряглась. — Никогда, — сказал я, слегка отталкивая ее от себя, чтобы мог опустить подбородок и посмотреть ей в глаза, — никогда, блядь, не убегай от меня снова.

— Брейкер... Я пыталась защитить...

Я отрицательно покачал головой. — Это не твоя работа.

— Что?

— Не твоя работа защищать меня, куколка. Это моя работа. Так что никогда, блядь, больше так со мной не поступай.

— Послушай, Мистер Крутой Мужик, — начала она, и я увидел, как в ее темных глазах разгорается жар. Гребаный ад. Она недавно остановилась в убогом отеле, которым управлял придурок, который, как она думала (и, вероятно, собирался), собирался изнасиловать ее, была доставлена к Лексу, удерживалась против ее воли, избита, почти изнасилована, а затем избежала ситуации со взрывом... и она была готова пройти пару раундов? Иисус Христос.

— Нет, — сказал я, мои губы дрогнули.

— Что «нет»? — спросила она, ее глаза стали маленькими.

— Нет, я не буду слушать. Ты новичок в этом деле. Ты думаешь, что узнала меня во всем. Но крутые парни-мачо, куколка... мы занимаемся защитой. Ты ведешь себя нежно и мило, как настоящая королевская заноза в заднице. Ты не можешь сбежать в одиночку. Ты не заставляешь меня беспокоиться о тебе. Ты, блядь, этого больше не делаешь. Поняла меня?

— Ты беспокоился обо мне? — спрашивает она, понизив голос.

— Конечно, блядь, я беспокоился о тебе. Сбежать по какому-то дурацкому плану, придуманному кем-то, кого ты не знала...

— Та, кого я не знала, сама оказалась довольно крутой, — отметила она.

— Да, куколка, но ты этого не знала. И не было никакого способа узнать это. Это был глупый риск.

Она прищурилась. — Ты только что назвал меня глупой?

Иисус.

Эта женщина.

Я вздохнул. — Я назвал твой план глупым.

— Это одно и то же.

— Это не одно и то же, и я, блядь, не собираюсь спорить из-за этого.

— Ну, я хочу...

— Заткнись.

При этих словах ее глаза перестали щуриться и стали огромными. — Что прости?

— Я сказал, заткнись, — сказал я, позволив подергиванию губ превратиться в улыбку.

— Я не знаю, с кем, по-твоему, ты разговариваешь, но...

— Ты хочешь продолжать спорить или хочешь, чтобы я показал тебе, почему ты не должна больше убегать от меня?

Я наблюдал, как ее брови сошлись вместе, когда она искренне боролась с тем, хочет ли она пройти еще одну бесполезную битву (она сделает это) или посмотреть, о чем я говорю.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, — сказал я, опустив руки по ее больным ребрам и остановился прямо под ее грудью, — я хочу показать тебе все, что мы могли бы делать вместо того, чтобы ты спала сидя, испугавшись, что какой-то придурок попытается прикоснуться к тебе, пока я сижу дома, пытаюсь понять, как тебя вернуть.

Понимание появилось в ее глазах, заставляя их потеплеть, веки отяжелели. — Какого рода вещи? — спросила она, облизывая губы.

— Все виды вещей, — сказал я, наклоняя голову и прижимаясь губами к ее шее, мой язык выскользнул и прошелся к ее уху. Воздух вырвался из ее рта, когда голова откинулась назад, давая мне больше доступа. — Вот такие, — сказал я, беря мочку ее уха зубами и посасывая, пока ее тело не растаяло рядом с моим, — и такие, — сказал я и поднял руку к ее груди и сжал ее, — и такие, — сказал я, двигаясь пальцами к ее соску, который напрягся через лифчик и футболку.

Ее хриплый стон послал вспышку желания по моему телу, и мне пришлось заставить себя не сорвать с нас обоих одежду и не врезаться в нее сильно и быстро.

У нее был чертовски тяжелый день. Ей нужны были руки, которые для разнообразия не были бы грубыми.

Одной рукой я опустился к ее бедру, подталкивая ее назад, пока изножье кровати не коснулась ее ног, и она схватила меня за футболку, чтобы не упасть. Я потянулся, схватил ее футболку и стянул ее через голову, запуская пальцы в ее волосы, чтобы снова привести их в порядок, прежде чем мои руки скользнули ей за спину, чтобы расстегнуть лифчик. Ее глаза все время были прикованы к моему лицу, губы слегка приоткрыты, взгляд с каждой минутой становился все тяжелее.

Я опустил руки вниз к ее животу, пальцами зацепился за пояс ее штанов и трусиков и медленно стянул их вниз, опускаясь перед ней на колени, целуя ее живот, вниз к бедрам, медленно обнажая его.

До этого момента я не знал, что могу заниматься любовью. Я был не таким человеком — мягким, милым. Я был жестким, грубым. И вот как я трахался. Но тихое хныканье Алекс заставило меня задуматься о том, чтобы дать ей мягкость и нежность столько, сколько она этого хотела.

Ее штаны соскользнули на пол, и я схватил ее за лодыжку, приподнял ее и снял материал, затем проделал то же самое с другой лодыжкой. Потом я поцеловал ее в другое бедро, приподняв голову, когда мое лицо оказалось на одном уровне с ее киской, чтобы увидеть, как она наблюдает за мной, ее рука переместилась и легла мне на макушку.

— На кровать, куколка, — сказал я, упираясь руками в ее бедра, пока она не опустила задницу на матрас и не села. Я двинулся рукой вверх, по ее груди, пока она не легла на спину. Затем двинулся к ее коленям и раздвинул их, прошептав по мягкой коже внутренней

поверхности бедер. Я повернул голову, чтобы позволить своим губам следовать по тому же следу, улыбаясь, когда она хихикнула, от щекотки моей бороды. Но это длилось всего секунду. Потому что затем мой рот сомкнулся вокруг ее клитора и начал сосать его пульсирующими движениями, от которых ее ноги задрожали, сомкнувшись вокруг моей головы.

— Боже мой... — простонала она, одной рукой схватив меня за затылок, а другой вцепившись в руку, которой я держал ее за бедро.

Я позволил своему языку скользнуть вниз, слегка свернуться и вжаться в ее тугую киску, позволяя её сладости переполнять мои чувства, пока я трахал ее медленно и нежно языком, пока ее бедра не начали неистово двигаться навстречу мне. Я скользнул языком вверх, быстрыми движениями проводя им по ее клитору, когда я опустил руку вниз и засунул в нее два пальца, сгибая и поглаживая ее точку G, пока не почувствовал, как она на секунду напряглась, а затем крепко сжалась вокруг меня, когда она кончила, со стоном произнося мое имя.

Да, черт возьми.

Я мог бы быть мягким и милым, если бы она так стонала мое имя.

Я почувствовал этот звук в своем члене, черт возьми.

— Брейкер, — простонала она, ее руки больше не удерживали меня на месте, а тянули меня, пока я не поднялся, чтобы посмотреть на нее.

Я уперся коленями в край кровати, потянулся за спину, чтобы стянуть футболку, отбросил ее, затем потянулся к ширинке джинсов, быстро преодолевая последние преграды между нами.

Я положил руки на ее бедра, толкая ее на середину кровати, прежде чем опустился на нее и поцеловал. Ее губы были жадными под моими, пытаюсь углубить поцелуй, просовывая свой язык мне в рот, и мне пришлось сжать руки в кулаки на простынях, чтобы заставить себя не торопиться, когда она оживала подо мной.

Она обвилась ногами вокруг моей спины, крепко прижимая меня к себе, когда прижалась бедрами ко мне, умоляя меня погрузиться внутрь.

Мой рот оторвался от ее рта, спускаясь по ее шее, по груди, пока я не взял сосок в рот, проводя по нему языком, когда ее спина выгнулась вверх ко мне. Моя рука потянулась к ее другому соску, дразня его до твердости, прежде чем мой рот тоже коснулся его.

— Брейкер... — позвал ее голос, звучащий хрипло, нуждающимся, — трахни меня, — умоляла она, и я поднял голову, чтобы посмотреть на нее.

Мои бедра придвинулись, мой член скользнул вниз по ее горячему теплу, прежде чем прижаться ко входу в ее киску, затем медленно вошел, не торопясь, чтобы погрузиться глубже.

Ее руки легли мне на плечи, сжимая, вонзив ногти до боли, когда я надолго замер глубоко внутри нее, а затем начал медленно, нежно входить, чувствуя, как ее плотная влага впервые схватила меня без чего-либо между нами, и это было лучше, чем я себе представлял, заставляя меня прикусить губу и зарыться лицом в ее шею, осторожно покачивая мой член в ней.

Тело Алекс извивалось подо мной, ее бедра нетерпеливо прижимались к моим. Она издала рычащий звук, ударив меня по спине. — Сильнее, быстрее, — потребовала она.

Я почувствовал, как машу «нет». — Медленно и нежно, — сказал я в ответ, целуя ее в шею, когда ее бархатная мягкость сжалась вокруг меня.

— Трахни меня, Брейкер, — настаивала она, ее пальцы скользили по моей пояснице.

Ну, мужчина не мог столько вынести.

Я приподнялся, чтобы посмотреть на нее сверху вниз, крепко обхватив ее плечи, когда я выскользнул и начал вколачиваться. Жестко. Быстро. Безжалостно. Как нам обоим было нужно.

— О Боже... о боже мой, — простонала она, ее голос стал выше, когда она подошла ближе.

— Дай мне почувствовать, как эта сладкая киска обхватывает мой член, — потребовал я, взяв ее нижнюю губу зубами и сильно прикусив. Ее бедра приподнялись, и я глубоко толкнулся, услышав, как ее голос дрогнул. — Давай со мной, куколка, — прорычал я, глядя вниз, когда ее оргазм начал нарастать, затем сильно врезался в нее, ее киска крепко схватила меня, и ее тело содрогнулось с головы до ног, прежде чем мое имя вырвалось из ее губ.

Я продолжал толкаться до конца, пока ее тело не обмякло, чувствуя, как моя потребность в освобождении сжимает мои яйца, как тиски. Но я не мог кончить в нее. Я толкнулся сильно и глубоко, наблюдая за ней, когда выскользнул и двинулся, чтобы оседлать ее тело. — Я собираюсь кончить на эти сладкие сиськи, — сказал я ей, хватая свой член и поглаживая.

Она покачала головой, когда ее рука потянулась к моей, и, черт возьми, она медленно открыла рот в качестве приглашения.

Я переместился вверх, просунул ее руку под свою и погладил свой член вместе с ней, нависая над ее открытым ртом. Ее глаза смотрели на меня, и я почувствовал, как кульминация пронзила мое тело, сделав мои ноги достаточно слабыми, чтобы мне пришлось ударить рукой по изголовью кровати, когда я смотрел, как я кончаю в ее гостеприимный рот, видя, как она жадно глотает, как будто она не могла насытиться этим.

Я отпустил наши руки, откинулся на пятки и посмотрел на нее сверху вниз.

Я вытер рукой немного спермы с ее губ, и тогда Алекс сомкнула губы вокруг моего пальца и глубоко сососала его, впитывая все до последней капли.

Черт возьми.

— Когда мы доберемся туда, куда мы направляемся... — начал я, моя рука потянулась, чтобы заправить ее волосы за ухо, — таблетки. Я хочу наполнять тебя своей спермой при каждом удобном случае.

Ее глаза загорелись, и на губах появилась медленная улыбка. — Думаю, я справлюсь с этим, — она пожала плечами, и потянулась, чтобы притянуть мое тело к себе.

Глава 23

Алекс

Шотер не возвращался, пока почти не рассвело. После того первого сеанса секса, который начинался медленно и сладко, а закончился жестко и грубо, наблюдая, как глаза Брейкера становятся такими напряженными, что было мучительно, когда он смотрел, как я глотаю его сперму. А затем, примерно через час после второго сеанса секса, Брейкер перевернул меня на живот и толкнулся внутрь меня, не притворяясь в прелюдии, потому что мы оба практически были готовы к следующему раунду через две минуты после окончания предыдущего.

Это был его знак, жесткий, быстрый и властный, его рука сжимала мои волосы, используя их, чтобы выгнуть меня почти болезненно назад, чтобы он мог рычать горячие,

грязные, пошлые вещи мне на ухо, пока я не кончила дважды, и он поднялся и кончил на мои ягодицы.

Он был прав.

Где бы мы ни оказались, главным приоритетом будет приобретение противозачаточных средств. Мы были за пределами презервативов. Как только я почувствовала его внутри себя, я никогда не хотела возвращаться. Я никогда не хотела, чтобы между нами снова что-то было. И я хотела знать, каково это, когда он кончает в меня. Я никогда не испытывала этого раньше. Но когда он рычал мне в ухо о том, что хочет посмотреть, как его сперма стекает с меня по ноге... ну... да... я тоже этого захотела.

Брейкер слез с кровати и пошел в ванную, намылил мочалку и вернулся, чтобы вытереть меня, прежде чем натянул пару спортивных штанов и протянул мне одну из своих футболок и пару штанов.

— Штаны? — спросила я, сдвинув брови.

— Куколка, как бы мне ни хотелось все время пялиться на эти длинные ноги, ни за что на свете я не дам Шоту такой же привилегии.

Я засмеялась, качая головой, когда скользнула в штаны. — Ты знаешь... если мы окажемся где-нибудь в теплом и солнечном месте... Я все время буду в купальнике... Все будут смотреть на мои ноги.

Брейкер лег в постель рядом со мной, притянув меня к себе так, чтобы мое лицо оказалось у него на груди. — Мы поедем куда-нибудь в холодное и снежное место, — решительно сказал он, но я слышала юмор в его голосе, — с тобой одетой в кучу одежды. Кальсоны, джинсы, зимние штаны...

Я засмеялась, качая головой, когда он натянул на нас одеяло.

Раздался стук в дверь, прежде чем раздался голос Шотера. — Там все прилично? Не то чтобы я был бы против увидеть все твои безупречные изгибы, Алекс, дорогая, но Брейкер, да... не хочу знать тебя так хорошо.

— Войди, — позвала я, поднимая голову с груди Брейкера, чтобы увидеть, как входит Шот с кофе в подстаканнике в одной руке и коричневой сумкой в другой.

— Кофе и рогалики, — предложил он, кладя все это на тумбочку между нашими кроватями, снимая обувь, снимая ремень и подходя к сумкам, чтобы порыться в поисках какой-нибудь одежды.

Он задрал рубашку, и я получила полный обзор его тела. И это не было похоже на бесконечные гребни точеных мышц Брейкера. Но он был подтянутым и стройным, с совершенно сексуальной силой, очевидной под всеми его красочными татуировками. И я имею в виду... всеми. Он был покрыт ими от пояса джинсов до орла на шее.

— Есть какие-нибудь новости? — спросил Брейкер, виноватым рывком отрывая меня от моего маленького зрелища.

Шотер направился в ванную, расстегнул брюки, ненадолго прикрыл дверь и вышел в черных баскетбольных шортах, низко сидящих на бедрах. — Во всех новостях. Похоже, они сосредоточились на какой-то идее нового игрока в городе, учитывая, что есть так много «преступных организаций». Дом Лекса, который постиг последний взрыв, был уничтожен пожаром. О нем ни слова. Хейлшторму нанесен минимальный ущерб, — сказал он, потянувшись за кофе, когда сел на край кровати лицом к нам, его глаза скользнули по нашей интимной позе с некоторым любопытством, но в основном со странным одобрением. Как будто он был рад этому. — Но это место практически несгораемо со всеми теми

контейнерами и прочим дерьмом.

— Приспешники? — спросил Брейкер.

Шот пожал плечами. — Это место тоже было подорвано. Но их там не было. Рейн, Кэш и Волк были все на каком-то званом ужине, из-за которого Саммер взбесилась.

— Рейн, Кэш, Волк и Саммер? — спросила я, приподняв брови. Я знала о них из своих исследований. Рейн был президентом МК. Кэш был его братом и вице-президентом. Волк был дорожным капитаном. А Саммер была «старушкой» Рейна или как там байкеры называли своих женщин. Я спрашивала не об именах, а о близости, с которой Шотер их произносил.

— В прошлом я выполнял с ними кое-какую работу, дорогая, — сказал он, пожимая плечами, — они что-то вроде друзей для меня. Я кое-что проверил, чтобы убедиться, что они выбрались нормально. Они в порядке.

— Есть какие-нибудь версии?

Шотер покачал головой. — Я ни с кем из них напрямую не разговаривал. Просто подслушал разговор одного из их кандидатов.

— А как насчет Малликов? — я поймала себя на том, что спрашиваю, думая о Шейне и его девушке. Я не знала, знает ли он их, но все еще надеялась, что все они живы и здоровы.

— Бар был закрыт, — сказал Шот со странной резкостью в голосе.

— У Чаза никогда не закрывается, — сказал Брейкер, слегка приподнимаясь, и я поднялась с ним.

Шотер кивнул, как будто соглашаясь. — Я знаю. Но так и было.

— Вы же, ребята, не думаете, что это сделали Маллики, не так ли? — спросила я, переводя взгляд с одного на другого.

— Не в их стиле, — ответил Брейкер.

— Тогда что это за странный невербальный разговор, который вы двое сейчас ведете? — спросила я, подняв на него бровь.

— Просто кажется, — начал Шотер, привлекая мое внимание, — что, возможно, им сообщили о взрывах.

— Что? Кто?

— Потому что Джейни умна, — сказал Брейкер, привлекая мое внимание. Я полностью села, отодвинувшись от его груди, чтобы посмотреть на него.

— Объясни, — потребовала я.

— У нее был какой-то план. Блядь, если это дерьмо провернула она? Нехорошо. Ты не связываешься с четырмя крупнейшими игроками в городе. Это дерьмо равносильно самоубийству. Особенно поймать людей, которые приняли тебя и обучили, — сказал он, имея в виду людей из Хейлшорма, лагеря выживальщиков, в котором она жила и работала, — она чертовски глупа, раз сделала все это. Но она достаточно умна, что убедилась, что жертв не было нигде, кроме как у Лекса.

— Но зачем вообще взрывать другие места?

— Чтобы создать хаос. Может быть, дать себе шанс уйти, — сказал Шотер, привлекая мое внимание, — как сказал Брейк, Джейни умна. У нее есть какой-то план. Я предполагаю, что дополнительные взрывы должны были сбить всех с толку. Никто не узнает, на кого возложить вину. Что дает ей шанс сбежать или очистить свое имя. Кто знает. Нам придется наблюдать издалека.

Я кивнула. — Брейкер говорит, что мы едем куда-то в холодное и снежное место, где

мне придется надеть много слоев одежды, — сообщила я ему.

— Как будто мы собираемся, блядь, трахаться, — сказал Шотер, одарив меня ослепительной улыбкой, — мне нужно наверстать упущенное за неделю, погоня за юбками. Я не собираюсь гоняться за какими-то гребаными эскимосами. Мне нужен легкий доступ. Так что мы едем туда, где тепло и солнечно, и Брейкеру просто придется, блядь, с этим смириться. Верно, дорогая?

Я улыбнулась ему, затем повернулась к Брейкеру, который бросил на меня взгляд, который явно подразумевал, что он не слишком доволен идеей о том, что мы вдвоем объединились против него. А также, зная, что это, скорее всего, произойдет в будущем.

— Верно, — согласилась я, взвизгнув, когда Брейкер схватил меня, и он улыбнулся.

Эпилог

Брейкер

Мы не оказались на горнолыжном курорте в Канаде.

Нет.

Мы оказались на пляже в Мексике.

И Алекс купила самое горячее гребаное бикини, какое только смогла найти.

Чтобы доказать свою точку зрения.

Из-за чего мы и поссорились.

И я, по-видимому, проиграл.

Потому что тут была она, сидящая своей хорошенькой маленькой попкой на огромном пляжном одеяле в красную и белую полоску, в красном бикини, которое демонстрировало половину ее задницы и едва прикрывало сиськи.

Не то чтобы она плохо выглядела.

Она выглядела великолепно.

Слишком, блядь, хорошо.

И другие мужчины это замечали.

И эти другие мужчины, заметив это, заставили меня захотеть выколоть их гребаные глаза за то, что они смотрели на то, что было моим.

Было глупо, что я все еще злился, видя это. Мы находились к югу от границы почти шесть месяцев. И она носила эту чертову штуку каждый божий день в течение шести месяцев. Под едва заметными красными лоскутками ткани я знал, что ее кожа была такой же бледной, безупречно белой, какой была раньше. Однако за пределами материала она удивила меня, загорев до оттенка безупречной меди, который придавал ей, с ее темными волосами и темными глазами, почти экзотический вид.

Я не мог решить, какой образ мне нравится больше.

Но я был чертовски доволен и тем, и другим.

— Шесть месяцев, чувак, — сказал Шот, подходя ко мне и протягивая бутылку холодного пива.

— Что? — спросил я, делая глоток.

— Ты был с ней шесть месяцев. Днем и ночью. Ссорились, как старая гребаная супружеская пара, из-за всего, а потом трахались, как молодожены. Каждый день в течение шести месяцев, — продолжал он.

— Какого хрена ты пытаешься мне сказать? — спросил я, переводя взгляд с Алекс на Шотера.

— Я говорю, что ты любишь ее. Она любит тебя. Не могу, блядь, представить, почему ты ей этого еще не сказал.

Мои глаза снова скосились на Алекс. Ее волосы развевались на ветру, ее профиль был полностью виден, она улыбалась чему-то дальше по пляжу.

Он не ошибся.

Я действительно любил ее.

Мне потребовалось больше времени, чем потребовалось бы нормальному человеку, чтобы понять это. Может быть, потому, что я мало что знал об этих эмоциях. Потому что единственный человек, который показал мне, что это такое, умер, когда я был еще недостаточно взрослым, чтобы помнить.

Была любовь, которую я испытывал к Шоту, а он ко мне. Но это было не то же самое.

Но он был прав.

Я любил ее.

И я был почти уверен в этом с того момента, как она спросила меня, каким извращенным порно я увлекаюсь. И каждое мгновение после этого.

Иногда любовь не приходит к тебе в момент ослепительной ясности. Иногда она подкрадывается к тебе во вторник вечером, когда ты стоишь у раковины и моешь посуду, и это чувство поселяется в твоей душе так, что становится слишком огромным, чтобы его игнорировать.

Вот как это было.

Я, блядь, мыл посуду во вторник вечером. А Алекс была в другой комнате и пела свою веселую песню. Но она делала это не так мягко, сладко, мелодично, как обычно. Она делала это громко, не в тональности и несносно. Потому что она разозлилась на меня и подумала, что было бы иронично спеть песню об улыбке, когда на самом деле ей хотелось броситься обратно на кухню и ударить меня по голове сковородкой, потому что я сказал ей, что она ни при каких обстоятельствах не будет снова вступать в контакт с Джейшгором. Мне было наплевать, как сильно она пыталась достучаться до меня.

Что я могу сказать?

Алекс все еще была упряма.

Я все еще был властным.

И мы никогда, блядь, не собирались меняться.

И я не хотел, чтобы кто-то из нас это делал.

Потому что единственное, что было лучше, чем то, что Алекс была мягкой и милой, это то, что Алекс была громкой и злой, плевалась в меня огнем, а затем позволяла мне трахать ее жестко и быстро, пока мы не сгорали от желания драться.

Мы не придерживались традиций.

Мы не были парой по соседству с двумя детьми, собакой, и милой историей, которую они любили рассказывать на званых обедах.

Мы были темными и грубыми до краев.

Мы трахались так же сильно, как сражались.

Мы бросали вызов и поддерживали друг друга.

Мы любили любовью, которая была наполовину одержимостью, наполовину желанием никогда не укрощать дикость в другом.

Шот был прав.

Я тоже не мог понять, почему я ей до сих пор не сказал.

Алекс

Меня действительно чертовски тошнило от пляжа.

Конечно, какое-то время это было приятно. Загорать. Потягивая маргариту. Наверстывать упущенное по некоторым книгам, которые я собиралась прочитать.

Но это становилось скучным.

И вдобавок ко всему, я чертовски ненавидела красное бикини, которое купила назло Брейкеру.

Шесть месяцев погружения в это каждый день, когда я знала, что все, что он будет делать, это пялиться на мою задницу и мои сиськи весь чертов день. Бикини был настолько крошечным, что у меня обгорала грудь. Так обстояли дела. Ему это не нравилось. Он сказал мне не надевать его. Мне это тоже не понравилось. Но он, черт возьми, точно не собирался указывать мне, что надеть. Поэтому я надела его.

Такова была жизнь с Брейкером.

Мы оба стоим на своем, слишком упрямые, чтобы сдаться. И нам обоим очень, очень нравится это качество друг в друге.

Хорошо. Ну, мне действительно нравилось это качество в Брейкере.

На самом деле, мне нравилось почти все в Брейкере. Даже то (может быть, даже особенно то), что выводило меня из себя. Как и его собственничество. Его граничащая с психозом ревность. Его властность.

Мне так же нравились вещи, от которых у меня все таяло внутри.

Например, как он произносил мое имя, когда обнимал меня ночью. Глубоко и мягко. И как он учил меня стрелять из пистолета. И драться. Ни разу даже не намекнув, что я была каким-то менее достойным противником, потому что я была женщиной. Например, как он водил меня на концерты и в кино. Как он учил меня плавать с маской и трубкой и кататься на доске для серфинга. Как он пытался показать мне, как готовить. Как он всегда помнил, что нужно покупать мне пышные сырны завитки, а не хрустящие (прим. перев.: имеются ввиду чипсы). Как он дарил мне мягкость и нежность, когда я в этом нуждалась, и жесткость и грубость, когда я этого хотела.

Как он вытащил меня из моей скорлупы и показал мне сто тысяч вещей, ради которых стоит жить.

В первую ночь, когда мы добрались до Мексики, я улизнула, пока Брейкер спал, вытащила из ботинка маленький пакетик с героином и пошла на залитый лунным светом пляж.

Я подошла к воде, ветер развевал мои волосы, понимая, что впервые за всю свою жизнь я не думала о Лексе. Или моей маме. Я не была одержима тем, чтобы сосредоточиться на всех вещах, которые пошли не так, которые были приняты за меня.

Я была, в глубине души, счастлива.

И это было ново, чудесно и пугающе.

Но я знала, что пути назад нет. Никогда.

Поэтому я открыла тот пакетик, который купил мне Брейкер, когда я думала, что смерть ничего не значит. Потому что моя жизнь ничего не значила. А потом я наблюдала, как содержимое падает в воду и уплывает в бесконечную красоту моря.

Я долго стояла там, погруженная в свое маленькое откровение, пока не почувствовала, как Брейкер подошел ко мне сзади, обнял за талию и положил подбородок мне на плечо.

— Какого хрена ты здесь делаешь? — спросил он, и я прижалась щекой к его щеке.

Я крепко зажмурилась от дискомфорта, который все еще испытывала, делясь своими чувствами, затем открыла глаза, глядя на воду.

— Впервые осознала, что я действительно счастлива быть живой, — честно призналась я.

Его руки крепко сжали меня. — Ох, куколка... — сказал он.

Потом он взял меня мягко и сладко. Прямо там, на залитом лунным светом пляже.

— Почему бы тебе просто не признать, что ты ненавидишь этот гребаный купальник так же сильно, как и я? — сказал Брейкер, сидя на краю нашей (да... нашей!) кровати, наблюдая, как я намазываю алоэ на болезненные ожоги на груди.

— Потому что тебе так легко не победить, — пожалала я плечами.

— Легко? Куколка, у тебя уже несколько месяцев были ожоги на груди. Что, черт возьми, в этом простого?

— Это моя грудь, — напомнила я ему.

— Да, и я хотел бы заполучить ее в свои руки без того, чтобы ты вздрагивала для разнообразия. Купи новый купальник.

— Может быть, я попробую позагорать на нудистском пляже, — сказала я вместо этого, одарив его озорной улыбкой.

— Если ты сделаешь это, тебе лучше подготовиться к тому, что тебя потащат в полицию.

— Почему? — спросила я, сдвинув брови.

— Потому что, если ты сделаешь это, Ал, я буду вынужден трахнуть тебя, глупышка, прямо на этом пляже, чтобы все знали, кому ты принадлежишь. Что, вероятно, приведет к тому, что нас обоих посадят за публичную бестактность.

— В Мексике арестовывают за публичную бестактность? — спросила я, все еще не зная достаточно о месте, которое было нашим домом в течение полугода.

— Черт возьми, если бы я знал. Просто говорю. То, что ты на нудистском пляже, означает, что ты внезапно окажешься очень увлечена эксгибиционизмом.

Я засмеялась, натягивая через голову мягкий белый сарафан, все еще улыбаясь ему, когда подошла к кровати, поставив колени по обе стороны от его бедер, пока я не села на него верхом, его руки обхватили мою спину.

— Знаешь что, Брайан Брейкер... — начала я серьезным тоном, который он, должно быть, уловил, потому что начал качать головой.

— Не-а, куколка. Сначала я должен кое-что сказать.

— Что? Эм... нет, я начала первой. Я должна закончить первой. Не моя вина, что ты вел себя как киска.

— Заткнись и дай мне сказать, женщина, — сказал он, качая головой.

— Нет. Ты не собираешься разыгрывать командирскую карту. Я начала говорить первой. Я заканчиваю первой. Дело закрыто.

Так что да.

В этом были все мы.

Спорили о том, кто заговорит первым.

— Алекс Миллер, — сказал он, зажимая мне рот рукой, эффективно заставляя меня замолчать, заставляя меня опустить на него глаза, — ты самая большая чертова заноза в моей заднице. И я клянусь, ты можешь затеять со мной ссору из-за того, что солнце встает утром, а потом еще одну из-за того, что оно заходит ночью. Но в мире нет никого другого, с кем я предпочел бы спорить.

Я почувствовала, как слезы защипали мне глаза, потому что я этого не ожидала. Что бы я ни думала, что он собирался сказать, это было не то.

Я не ожидала от него таких слов.

И я не была готова к этому.

Я моргнула от слез, а он продолжал говорить.

— Ты умная, упрямая и решительная, и я никогда не встречал кого-то, кому я хотел бы дать мягкость и нежность до тебя. Я не думал, что у меня это есть. Ты вытащила это из меня. Ты показала мне такие вещи обо мне, о которых я и не подозревал. Ты дала это мне, когда отдала всю себя, — он сделал паузу, его другая рука поднялась, чтобы смахнуть текущие слезы, — я люблю тебя, куколка.

Черт возьми.

Я имею в виду...

Я знала это.

Я знала это уже несколько месяцев.

Но я никогда этого не слышала.

И эти слова обрушились на меня, как удар. Выбивая из меня весь воздух. Заставляя мое сердце ускориться до опасного уровня.

По мне разлилось тепло, незнакомое, но в то же время успокаивающее. Как будто это окутало все мои внутренности. Как будто оно никогда больше не впустит холод внутрь.

— Ладно. Теперь ты можешь продолжать, — сказал Брейкер, слегка улыбнувшись мне и убрав руку от моего рта.

— Ну... спасибо, — сказала я, опуская на него глаза, но мое сердце не участвовало в борьбе.

— Ты собираешься сказать мне, что любишь меня, или продолжишь пытаться бороться со мной? — спросил он, подергивая губами. Он слишком хорошо знал меня.

— Я буду бороться с тобой позже, — пообещала я, обхватив его лицо руками, наклоняясь, чтобы нежно поцеловать его в губы, прежде чем отстраниться и посмотреть ему в глаза. — Прямо сейчас... мне нужно сказать тебе, Мистер Крутой Мачо Брайан Брейкер... — начала я, и его глаза потеплели, — в ту ночь, когда ты ворвался в мою квартиру, наставив на меня пистолет... — я напонила ему, и он покачал головой при воспоминании, но улыбнулся. — Это был первый день моей жизни. До этого ничего не было. Не совсем. В тот день я начала жить. И я почти уверена, что это был также день, когда я начала любить тебя, — его глаза закрылись, оставаясь такими, когда он глубоко вздохнул, прежде чем снова посмотреть на меня. — Я люблю тебя, — закончила я, обнимая его за шею.

Позади нас раздался медленный хлопок, и мы оба повернули шеи, чтобы увидеть Шотера, стоящего в дверях, с теплым взглядом и широкой улыбкой на лице. — Как раз, блядь, вовремя, — сказал он, кивая нам, — не хотел мешать. Но я хотел зайти и сказать вам, ребята, что я возвращаюсь.

— Назад? — спросил Брейкер, напрягаясь в моих объятиях.

— Да. Пришло время. Все успокоилось. Никто ничего не слышал о Лексе. Улики указывают на то, что он мертв. Его империи больше нет. Пора.

Он был прав.

Я посмотрела на Брейкера и увидела там то же самое осознание.

У нас был хороший отпуск. Попытка отгородиться от внешнего мира. Но пришло время возвращаться. Не только для Шотера. Но и для всех нас.

Я кивнула ему. — Хорошо. Уладь все дела. Мы тоже скоро последуем за тобой, — добавила я, и Брейкер крепко сжал меня.

— Просто не можешь насытиться мной, да? — поддразнил Шотер, подмигивая мне.

Шотер был братом Брейкера (за неимением лучшего термина).

И он стал моим лучшим другом.

В мире не было никого другого, кого было бы легче любить.

И я хотела быть рядом, когда однажды другая женщина поймет это.

Мы не собирались жить в Мексике. Наша жизнь была в доме Брейкера на холме. И глупо роскошной квартире Шотера в городе. В тату-салоне Пейна. Во всех местах мы оставили частички самих себя.

Мы собирались вернуться.

И что бы ни думал Брейкер, я все равно собираюсь снова связаться с Джейни/Джейшгорм.

Потому что у нее тоже была чертовски потрясающая история.

Я посмотрела вниз на Брейкера, его глаза улыбались мне, его сильные руки обнимали меня.

Не такая хорошая, как у меня (по моему скромному мнению. Учитывая, что это не связано с Брейкером), но она была безумна. И это действительно было связано с крутым байкером.

Это было то, о чем я хотела знать все.

Так что да... это было что-то, о чем мы с Брейкером собирались поспорить в будущем.

И, как всегда, я буду наслаждаться каждой минутой этого.